КОНСТАНТИН КРИВЧИКОВ

Кукла для кандидата

ДЕТЕКТИВНЫЙ ТРИЛЛЕР

Константин Кривчиков

Кукла для кандидата. Детективный триллер

«Издательские решения»

Кривчиков К.

Кукла для кандидата. Детективный триллер / К. Кривчиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746256-7

Молодая петербурженка Вероника становится невольным участником покушения на жену высокопоставленного политика. Чудом оставшись в живых, девушка в тот момент не догадывается, что очутилась в центре глобального заговора. Теперь ей предстоит раскрыть страшные тайны, пережить предательство близких людей, столкнуться с изощренными и безжалостными врагами… И узнать, что такое кукла для кандидата.

ISBN 978-5-44-746256-7

© Кривчиков К.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Часть первая. Капкан на охотника 9
Глава 1. Под прицелом 9
Глава 2. Подстава 19
Глава 3. Особое предложение 26
Глава 4. Кошки-мышки 43
Глава 5. Усмешка Годивы 52
Глава 6. Пороки 61
Глава 7. Призраки прошлого 71
Глава 8. Под полярной совой 80
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Кукла для кандидата
Детективный триллер

Константин Кривчиков

© Константин Кривчиков, 2017

ISBN 978-5-4474-6256-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Октябрь, ЯНАО, ИК-18 «Полярная сова»

Седой принял решение сразу после свидания, когда возвращался в сопровождении конвойного в камеру. Шёл по коридору, привычно сжав за спиной ладони замком, и вдруг подумал: «Надо договариваться с Чеченом. Иначе будет поздно». Но всё же обратился к Умару лишь спустя несколько часов, ближе к вечеру.

Он осознавал, что другого варианта попросту нет. И всё равно тянул. Как-то было не по себе от мысли, что окажется в одной связке с террористом – он, который с такими, как Очхоев, пять лет сражался не на живот, а на смерть. Но если уж судьба начинает злобно шутить, остаётся лишь скалиться в ответ. Значит, придётся просить помощи у врага. Почти по Высоцкому, только наоборот: «Если враг оказался вдруг…»

К тому же Седой сам сделал первый ход в этой странной игре, напоминающей театр абсурда. Сделал, когда спас Умара от смерти. Ненавидел, а спас. Около месяца назад чеченца во время прогулки едва не пырнули заточкой в печень. Пырнули бы, да Седой заметил и перехватил руку «торпеды». Хотя хорошо знал, кто такой Умар, и за что тот угодил на двадцать лет в колонию особого режима. И с весны, когда Очхоев очутился у них в камере, с ним практически не общался. О чём общаться, если оба смотрят друг на друга волками?

И, однако же, не дал Седой чеченца зарезать. Может, из-за того, что очень не любил, когда бьют исподтишка в спину. Может, просто инстинктивно, на автомате среагировал – схватил руку «торпеды» за локоть и вывернул на хрен. Так, что урка взвыл от боли.

Тут же началась драка, после которой и Седой, и Очхоев отправились на пятнадцать суток в ШИЗО. Когда снова встретились в камере, Умар даже «спасибо» не сказал. Как будто и не спас его Седой от верной смерти. Но недели через три подошёл на прогулке и, глядя в сторону, буркнул: «Учти, Седой, при другом раскладе я бы тебя давно прикончил. Но сейчас, по нашим законам, я твой должник». – «И чего? – процедил Седой. – Хочешь долг деньгами отдать?» – Умар дёрнул щекой. – «Деньги тебе не помогут. Передали надёжные люди – на тебя с воли заказ поступил. А это, считай, конец. На зоне, если захотят, всё равно достанут». – «Спасибо и на этом. Это всё, что ты хотел сказать?» – «Нет, не всё. – Чечен снова дёрнул щекой. – Сказать – не сделать. Хочу тебе дело предложить. Скоро я с кичи сдёрну. Если хочешь – возьму тебя с собой».

Седой подумал денёк и отказался. Есть такое старое зэковское правило – не бери, когда предлагают. Себе дороже может выйти, боком. Да и не поверил он тогда Умару. Чёрт его знает, что у этого террориста на уме? Потому и отказался.

А что касается смерти… Перестал её к тому времени Седой бояться. Попривык к мрачным мыслям за годы отсидки и как-то смирился. Подумал – если убьют, значит, судьба такая. Да и родным легче… И стал ждать, когда объявится наёмный убийца по его душу. Чему быть, того не миновать.

Но после разговора во время свидания многое кардинально изменилось. Совсем другой расклад нарисовался. И выбора не осталось. Потому что могло произойти то, чего Седой боялся больше смерти. И чего не мог допустить, пока имелся хотя бы малюсенький шанс исправить ситуацию.

Незадолго до ужина он подсел к Умару на койку и негромко сказал:

– Я надумал. Если предложение ещё в силе, то я в деле.

Чеченец молчал секунд десять – в лице его ничего не поменялось, только правая щека за это время дёрнулась несколько раз. Потом, наконец, произнёс с усмешкой:

– А ты, Седой, счастливчик. Считай, на подножку последнего вагона вскочил.

– В каком смысле?

– Да почти в прямом. Скоро узнаешь. Делай, что буду говорить, и ничему не удивляйся.

И в тот же вечер, после ужина, началась заварушка…

Едва срубали баланду, как плохо стало Ковалю. Сидел с ними такой старик-душегубец из-под Азова. Вдруг со стула упал, пена изо рта и судороги. Умар Седому говорит:

– Стучи в дверь, зови охрану.

Тот не врубился сходу и отвечает:

– Стучи сам, я тебе не шестёрка.

Пока они препирались, еще один сокамерник к унитазу побежал. Да не успел, на пол упал и начал, как и Коваль, хрипеть. Умар же продолжает сидеть на шконке, лишь побледнел весь. А Седой чувствует, что вроде как тошнота подкатывает, и в голове муть какая-то. Тут уж ему не до споров стало, добрёл до двери, начал вертухая звать. А Умар со шконки кричит, мол, скажи, что траванулись мы чем-то. Только Седой вертухаю начал через «глазок» объяснять, в чём дело, как самого так внутри сдавило, будто закоченело всё тело. Дышать не может, свалился на пол и сознание потерял.

Потом вроде как небольшой проблеск в сознании у Седого возник. Лежит он где-то, и человек в белом халате ему в вену укол делает. И снова провал.

Уже позже Седой узнал, что сначала всех четверых сидельцев в медсанчасть оттащили. Но ночью Коваль умер. А к утру и второй их сокамерник загнулся. Тогда начальство решило Седого с Умаром в Лабытнанги отправить, в реанимацию. Испугалось, что тоже загнутся, а лишние трупы никому не нужны.

Загрузили их в «скорую», в машину сопровождения два автоматчика сели, и поехали. Но до города не добрались, попали в засаду. Охрану нападавшие расстреляли, шофёра и медсестру оглушили и связали.

Но Седой этого ничего не видел и не помнил, потому что в отключке находился. Когда во второй раз очнулся, то обнаружил, что лежит на узкой койке. И такое впечатление, что то ли качает, то ли болтает. Помещение маленькое, тёмное. Присмотрелся Седой и понял, что находится в каюте. Пить жутко хочется. Замечает, на тумбочке пластиковая бутыль с водой. Еле-еле до неё дотянулся, слабость жуткая, голова кружится. Хуже, чем с самого тяжёлого похмелья.

Когда попил, чуток легче стало. Огляделся внимательнее и видит, что на соседней койке Умар лежит. То ли спит, то ли без сознания. Тут в каюту заходит мужик, кавказец какой-то.

– О, – говорит, – очухался. Лежи пока и не вставай. Я тебе укол поставлю, потом легче будет.

– Где я, – спрашивает Седой, – и что вообще происходит?

– Потом всё узнаешь.

Поставил он укол, и Седой отрубился.

Когда снова очнулся, Умар уже не спал. Лежал на койке, музыку в наушниках слушал. Он первый и прояснил кое-что.

По его словам выходило, что кто-то на воле организовал их побег. Вернее, побег организовали Умару, а Седой пошёл прицепом. В тот день им вместе с пищей подсунули дозу парализующего яда. Двум сокамерникам дозу дали смертельную, чтобы они быстренько загнулись, и повод появился Умара с Седым в городскую больницу отправить. Наверняка и в колонии кто-то в теме находился – без участия администрации такое не провернуть. Беглецов, когда нападавшие охрану расстреляли, сразу доставили на катер. Он по Оби пошёл вверх, а Умару и Седому ввели противоядие. Антидот по-научному называется. И они оклемались.

Седой, когда это всё услышал, то сначала просто в ступор впал. Спрашивает, на хрена вы это сделали? Мы же запросто подохнуть могли?

А Умар отвечает, что он, мол, всё сам контролировал. Мол, он сам почти врач, только диплом не успел получить. Так что, пусть Седой его благодарит за свободу. Ну и Аллаха заодно, если захочет.

И вроде как подмигивает. Но это у него нервный тик такой – правый глаз периодически дёргается. Контузило, когда федералы в плен брали.

Доплыли они до Тобольска, и больше Седой Умара не видел. А Седого переодели, посадили в микроавтобус и повезли куда-то. С ним находилось два кавказца, чеченцы вроде. Хотя и не факт. За сутки добрались до Екатеринбурга, остановились в частном доме. Переночевали, и на следующий день отправились в Питер. Всю дорогу Седой провёл в фуре, за ящиками с каким-то товаром.

В Питере Седого поселили в однокомнатную квартиру. Один из кавказцев, Тагир его звали, дал немного денег и сказал, что теперь Умар с ним в расчёте. Дальше Седой сам должен крутиться. Впрочем, если захочет присоединиться к ним, то Тагир всё устроит. И документы сделает, и работу денежную найдёт.

Но Седой отказался. Тагир сказал, что не будет торопить с решением. Но сроку даёт одну неделю. После чего Седой должен освободить квартиру и проваливать. Если, конечно, не передумает. На том и договорились.

Часть первая. Капкан на охотника

Глава 1. Под прицелом

Ей показалось, что на этот раз пули просвистели у самого уха. Ника ойкнула и присела на корточки. Перепуганные мысли болтались в голове словно яйцо, взбиваемое в миксере.

Чёрт! Вот же угораздило – пойти в туалет и попасть в бандитскую перестрелку. Приспичило, называется, не вовремя. Хотя, кто ж думал, что такое может приключиться на мирной автозаправочной станции почти в черте города?

А всё бабушкино угощение: морс из клюквы да пирожки с брусникой и чёрной смородиной – десерт «Мечта диетолога». Мало того, что у бабушки налопалась, так ещё и по дороге не удержалась, парочку пирожков треснула между делом и морсиком из бутыли запила. Вот и погнало перед самым Питером.

В кустики у обочины лезть не хотелось – зачем привлекать эротоманов? Решила дотерпеть до АЗС. Не раз там останавливалась на заправку, когда возвращалась из Рузаевки по воскресеньям – бензин не сильно бодяжат, и магазинчик есть с туалетом. Можно заскочить, если чего. Вот и заскочила…

Уже темнело. Магазин располагался в одном павильоне с АЗС, сбоку. У крыльца курил пожилой охранник в форменной тужурке. Вяло мазнул по Нике небрежным взглядом и снова уставился на берёзки за обочиной. День выдался тёплым, сухим и безоблачным. Начало сентября, лепота. Живи, гуляй и дыши, пока дежурство идёт. Хотя на заправке, конечно, особо не надышишься.

В магазинчике было пусто, лишь за прилавком, у кассы, сидела на стуле молодая пухленькая продавщица. На Нику, зачитавшись каким-то фаст-фудом в мягкой обложке, еле покосилась. Та на всякий случай мило улыбнулась и проскользнула в угол, к желанной двери.

Когда Ника через несколько минут вышла из туалетной комнаты, продавщица всё с тем же сосредоточенным выражением на лице прятала глаза в книгу. Ника двинулась к выходу, и вот тут-то раздались громкие хлопки – словно начали лопаться покрышки у легковушки. Бом! Бом! Бом!

«Пухляшка» за прилавком с недоумением подняла голову и сразу же втянула её в плечи. Бдзинь! – с грохотом разлетелось витринное стекло на фасадной стене.

– Ой, чего это?! – Девушка испугано смотрела на Нику.

– Похоже, стреляют, – отозвалась та.

Бом!

– Надо же, ёжик в тумане! – вырвалось у Ники.

Продавщица вздрогнула и исчезла за прилавком – будто испарилась. А Ника зачем-то выперлась на крылечко. У каждого свои инстинкты?

«Инстинкты штука хитрая и опасная, – объяснял когда-то отец. – Учись всегда включать соображалку, даже если очень страшно. Хотя, знаешь… Бывают моменты, когда лучше просто драпануть, а не лезть на рожон».

Включать мозги в минуты опасности Ника со временем научилась. Но вот и на рожон почему-то тоже всегда лезла. Природа?

Она выскочила из павильона и замерла. В нескольких шагах, по направлению к заправочным колонкам, лежал лицом вниз охранник. На синей тужурке расплылось пятно крови. Если стреляли в грудь, значит, пуля прошла навылет – машинально отметила Ника. На углу здания, прижимаясь к стене, стоял рослый мужчина в чёрной кожаной куртке. Как раз в тот момент,

когда Ника выбежала на улицу, он вытянул вперёд руку с пистолетом Макарова и выстрелил в сторону бензоколонок.

– Береги патроны, Миша! – произнёс властный голос.

Лишь сейчас, за распахнутой дверью магазина, Ника заметила белокурую женщину средних лет. Сжимая в одной руке розовый мобильный телефон, пальцами другой блондинка лихорадочно тыкала в кнопки. Длинноногая и стройная, в деловом костюме серого цвета и туфлях-лодочках, дама, несмотря на неоднозначность ситуации, выглядела на удивление стильно и изящно. Как на обложке глянцевого журнала, подумала Ника. Лощеная какая. Словно эта… леди…

– Пригнись, дурочка, – взглянув на Нику, скомандовала «леди». – Продырявят на хер, как дуршлаг!

Едва Ника ухватила смысл выразительной фразы, как дама ахнула и закричала:

– Миша, кусты!

Ника повернула голову и увидела: из-за высоких кустов ивы, росших на краю асфальтированной площадки, выскользнул человек. На голове – вязаная шапочка с прорезями для глаз и рта, в руках – небольшой автомат с утолщением в средине ствола. Прямь гангстер, блин!

«Леди» взвизгнула и безо всякого изящества нырнула на асфальт, прикрывая голову руками. Пистолет в правой руке Миши вздёрнулся в сторону «гангстера». Телохранитель «леди», наверное, этот Миша – шевельнулось в мозгах, и Ника оцепенела окончательно.

Происходящее она наблюдала отстранённо и почему-то с замедлением, как при рапидной съёмке.

«Гангстер» повел утолщённым стволом: пах-пах-пах!

Словно хлопали петарды. Но это были не петарды – ствол автомата кинуло вверх, и пули дробно простучали по стене здания, в полуметре над головой Ники.

Бах! – грохнул пистолет телохранителя.

Тут, наконец, внутри Ники что-то ослабло, и она судорожно пригнулась – за миг до того, как «гангстер» дал новую очередь.

Пах-пах-пах-пах!

Телохранитель вскрикнул и медленно завалился набок, успев ещё раз нажать на спуск «макарова». Бах!

Рука ударилась об асфальт, ладонь разжалась, выпустив рукоятку пистолета. Тот крутнулся и замер у ног Ники. Она ойкнула и приземлилась пятой точкой на ступеньку крыльца. Что же это такое?! Бандиты напали? Киллеры?

Человек с автоматом шагнул вперёд, но как-то нерешительно. Ещё один неуверенный шаг, и ствол медленно повернулся в сторону Ники.

Нет, а я-то тут при чём?! – рванулась мысль. Господи, за что?

Она резко, в секунду, вспотела. Липкая струйка с противной щекоткой потянулась в ложбинку между грудей. Чего же я молчу??? Надо что-то крикнуть. А что именно? Сдаюсь?

Неожиданно «гангстер» покачнулся и рухнул на землю возле кустов. Последний выстрел телохранителя хотя и с опозданием, но сделал своё дело.

Рядом зашевелилась «леди». Осторожно повертела головой, потом приподнялась на руках, приняв позу «собачки». И тут раздались негромкие, но отчетливые шаги. Через пару секунд из-за угла здания появился ещё один тип в вязаной шапочке. В руках он держал пистолет-пулемёт «Аграм». Вблизи Ника его сразу опознала по округлому цевью в виде бублика. Одноразовое оружие террористов и киллеров, объяснил однажды отец. Одноразовое, потому что не очень надёжное и быстро выходит из строя. Зато дешёвое и простое в эксплуатации.

У Ники закружилась голова. Происходящее напоминало лихой боевик, только вот сниматься в нём Ника вовсе не собиралась. В какую фигню она опять вляпалась? Натуральная

заказуха, как пить дать! И заказали эту холёную мадам. А на стволах глушители. Вот почему такие хлопки.

– Сидеть и не рыпаться, – сказал тип в шапочке, остановившись на углу. – Ну что, Алвина Яновна? Допрыгалась, сука?

В голосе ощущался кавказский акцент. «Леди» повела головой, как собака, почувствовавшая опасность.

– Не хами, Зураб, плохо кончишь.

Ника невольно поразилась тому, как уверенно прозвучал ответ «леди». Эта холёная дама, будто сошедшая с обложки журнала «Вог», явно умела держать себя в руках.

– Ха, узнала. Помнишь, значит?

– Помню. Кто ж такого забудет? Кто меня заказал?

– Хочешь поторговаться? Поздно, Алвина. Не надо было меня прогонять. Как в народе говорят – не плюй в колодец…

– Это ты-то колодец?

– А ты дерзкая. Ничего, сейчас жопу прострелю, по-другому запоёшь.

– Стреляй, коли такой храбрый.

«Леди» подчеркнуто медленно присела на корточки, потом выпрямилась, смотря прямо в лицо киллеру. Тот поднял автомат до уровня плеча и замер.

– Вот за что тебя всегда уважал, так это за наглость.

– Тогда уважь напоследок… Зураб, как человека прошу – девчонку не трогай.

– Её, что ли? – Киллер вытянул шею, разглядывая Нику. Шагнул вбок – «леди», поднявшись, почти закрыла тонкую фигурку девушки собой.

– Её. Она совсем не при делах – просто мимо ехала.

– Думаешь, мне лишние трупы нужны? Только ты сама виновата – не надо было моё имя называть. Так что…

Телохранитель Миша, до этого неподвижно лежавший на асфальте, зашевелился и застонал.

– Зря ты очнулся, парень, – произнёс Зураб с напускным сожалением. Затем громко втянул воздух и повел кончиком «Аграма», словно решая, с кого начать. Ника продолжала сидеть на крылечке, почти парализованная страхом. Судя по всему, крутую блондинку наёмный убийца собирался оставить на сладкое.

– О-ох, – простонал телохранитель, привлекая внимание киллера. Тот машинально наклонил ствол автомата вниз.

Бах! Бах! Бах!

Зураб качнулся на месте. Потом ноги его подогнулись, и он стал медленно опускаться на колени.

Бах!

Патроны закончились, но Ника ещё несколько раз, по инерции, нажала на спусковой крючок «макарова». Точнее, даже не она нажала, а её палец, превратившийся в тот момент в самостоятельное существо. Потому что голова отключилась напрочь.

Отец часто повторял, что рефлекс быстрее мысли. Ника сама не заметила, когда успела схватить валявшийся на асфальте пистолет телохранителя. Она не контролировала свои действия. В голове образовалась абсолютная пустота. Вакуум. Ника лишь услышала громкие выстрелы, увидела, как киллер падает, и лишь потом сообразила, что стреляет она сама. Она сама и никто другой. Рефлекс сработал? Или навыки? Пусть Фрейд с Юнгом разбираются!

Она сидела на крылечке и крепко сжимала оружие обеими руками. Всё по науке, как когда-то учил отец – найди упор и держи крепко, чтобы ствол не дёрнулся.

«Леди» смотрела на Нику выпученными глазами.

– Ну, ты… да ты… – Помотала головой. – Никит*а*, мать твою! Лихо!

Глубоко вздохнув, медленно выпустила воздух через нос. Снова вздохнула. Перекрестилась. Затем неторопливо, мелкими шажками, приблизилась к неподвижному телу Зураба.

– Я же предупреждала – плохо кончишь, коз-зёл!

И вдруг, подняв ногу, наступила каблуком на ладонь киллера. Хрясть!

– Хм… кажется, готов. Как думаешь? – «Леди» перевела взгляд на Нику. – Молодец, Никит*а*, хорошо стреляешь. Расслабься. Считай, второй раз на свет родилась. Да и я, заодно с тобой…

Телохранитель застонал и открыл глаза.

– Его надо перевязать, – меланхолично заметила Ника.

– Верно. Сейчас аптечку принесу.

…Когда лощёная блондинка вернулась и, открыв автомобильную аптечку, застыла над ней, Ника вышла из ступора.

– Дайте я.

– А ты умеешь?

– Вроде бы.

Она наложила Мише жгут на правую руку. В телохранителя попали две пули: первая вошла в тело немного ниже правой ключицы, а вторая угодила в предплечье. Миша побледнел, на лбу выступил обильный пот. Но застонал мужчина лишь один раз, когда Ника стала обрабатывать перекисью рану на руке.

Чем-то телохранитель напоминал Нике отца, разве что, выглядел моложе. Моложе, по сравнению с тем днем, когда она видела отца в последний раз.

– Потерпи, Миша, – ласково произнесла «леди». – Нам бы только кровь остановить. Сейчас «скорая» подъедет.

– Что с Юрием? – негромко спросил телохранитель.

– Нет больше Юры. Наповал. У машины лежит.

– А кто такой Юрий? – рискнула поинтересоваться Ника.

– Водитель мой, – бросила «леди». – Тебя, кстати, как зовут?

– Ника.

– Да ну? Неужели и вправду Никит*а*?

– Вообще-то я Вероника. Ника, это так, типа короткого имени.

– Типа, говоришь? Ну-ну… Значит, Ника. А стрелять-то где так научилась? Или, типа с испуга?

– Нет, не с испуга… Отец научил.

– Отец? Не зря говорят – отец плохому не научит… А раны обрабатывать, где насобачилась?

– Я медсестрой работаю. Работала.

– Во как! Да тебя нам просто Бог послал…

– А эти? Они…

– Замочить меня хотели, твари. – В женщине чувствовались возбуждение и нереализованная агрессия, как у боксёра, досрочно завершившего бой нокаутом. – Думали, я в джипе сижу, а я пошла сигарет купить. Просчитались, короче.

– А Зураб? Он…

– Забудь о Зурабе, – с нажимом оборвала «леди». – И вообще забудь всё, что видела здесь. Для собственного блага. Поняла? Не слышу?

– Поняла.

– Вот так. – «Леди» усмехнулась. – А ты любопытная.

На пороге магазинчика возникла продавщица. Настороженно посмотрела по сторонам, потом шёпотом спросила:

– Вы как, в порядке?

– Как видишь, – отозвалась «леди». – А ты?

Продавщица с недоумением выкатила глаза.

– Что я?

– Полицию вызвала уже?

– Ага.

– Шустрая! – «Леди» задумалась, слегка скривив губы. – Вы вот что, девчата… Запомните и чтобы потом повторяли слово в слово. Когда началась стрельба, вы обе торчали в магазине. Ты – у кассы, а ты…

– В туалет она заходила, – подсказала продавщица.

– Во-во, в туалете сидела. Тут эти подъехали, – «леди» взмахнула рукой, – и начали стрелять. А ты залезла под прилавок и пряталась там, пока стрельба не закончилась.

– Я так и сделала, – сказала продавщица.

– Вот и умница – премию получишь. Значит, ты под прилавком, а Ника – в туалете. Не перепутаешь?

– Нет.

– Будем надеяться. Меньше видишь – дольше живешь. Теперь ступай на место и не высовывайся, пока полиция не подъедет. Фернштейн?

Девушка кивнула головой и, втянув её, словно улитка, в дверной проём, зачем-то захлопнула за собой дверь.

– А я… А это? – Ника показала пальцем на труп киллера. – Я же его…

– Хочешь сказать, что застрелила его? – «Леди» забавно дёрнула кончиком носа. – Надеешься орден за заслуги перед Отечеством получить? Забудь, девочка, вообще, о том, что здесь стояла. Если не хочешь, чтобы тебя по допросам и судам таскали. Понимаешь, о чём я?

– В смысле, я… а-а…

– Вот-вот.

– А видеокамеры?

– Остальное – моя забота! Ты ни в кого не стреляла и ничего не видела. Так, пальбу только слышала. А когда вышла на улицу – всё уже закончилось. Иначе получишь такую головную боль… Да и мне лишние хлопоты не нужны. Вот, кстати, катят уже. Слышишь сирену? Всё поняла? Главное, не болтай лишнего…

Ника проторчала на АЗС около часа.

Совсем стемнело. На Нику напал страшный жор – пока очередь полиции дошла до неё, она доела пирожки и допила бутыль морса. Наверное, сходила бы ещё в магазинчик и купила колбасы, чтобы до конца снять стресс, да планы нарушил оперативник из отдела расследования убийств. Ника дала показания – всё в точности, как велела строгая женщина в сером костюме. Одно слово – Леди, с большой буквы.

Леди, конечно же, была права. Только в процессе истребления пирожков Ника окончательно уяснила, что совершила убийство. Первое в её жизни. Дай бог, не последнее, подумала Ника и чуть не подавилась кусочком пирожка. Господи, чего я несу?! Совсем крыша съехала. Я теперь тоже убийца. Тоже, как и отец. Ну и семейка… Конечно, это была самозащита, но пока докажешь… Да ещё с моей подпорченной репутацией.

– Мне можно уезжать? – спросила Ника, почувствовав, что полицейский исчерпал вопросы.

– Пожалуй, да. Мы с вами затем свяжемся. Из города не собираетесь?

– Нет.

– И не надо. Пока не надо.

– А до какого…

– Это вам потом следователь скажет.

…Ника хотела включить зажигание, когда сбоку у дверцы возник невысокий худощавый мужчина неопределённого возраста. Он приехал на АЗС чуть позже полиции и неотрывно находился возле Леди, как верный пёс. Но, получается, не упускал из виду и Нику.

– Добрый вечер, Ника. Хотя… – Мужчина хмыкнул. – Такого вечера и врагу не пожелаешь. Меня зовут Юрий Леонидович. Усков. Я помощник Алвины Яновны. Как с полицейским пообщались?

– Вроде, нормально.

– Ничего лишнего, как договаривались? – Он выразительно подмигнул.

– Как договаривались, – устало подтвердила Ника. Сейчас ей хотелось одного – быстрее добраться домой, принять душ и завалиться спать. Завтра, блин, опять на работу.

– Извините, что вас задерживаю. – Усков точно уловил настроение Ники. – Я понимаю, что вы страшно перенервничали и чёртовски устали. Далеко добираться?

– На Дыбенко.

– У-у, почти через весь город. Я хочу договориться о встрече. Вас ещё будут допрашивать, и надо, чтобы показания не разошлись. Кстати, в дальнейшем вас будет инструктировать вот этот человек. Видите, круглый, как колобок? Это Илья Штейнберг, личный адвокат Протасовой.

– Протасовой?

– Ну да, Алвины Яновны. Я вам дам его телефон. А ещё… в общем, этот вопрос мы лучше обговорим завтра. Вас зовут Виктория… э-э…

– Вероника я. Шагина.

– Угу. – Усков достал из кармана небольшой блокнот. – Я вам свой номер запишу, и вы диктуйте мобильный, завтра я вас найду… Вы учитесь или работаете?

– Работаю.

– Где?

– В массажном салоне, – буркнула Ника. Пристал, как репей. Чего ему ещё надо?

…Квартира встретила тишиной и ванильным запахом духов. Илона всегда битый час прихорашивалась перед трюмо в прихожке при выходе на ночную «смену». Сегодня воскресенье, значит, только к утру приползёт, а то и к полудню. Даже хорошо, что её нет.

С Илоной можно душу отвести, но уж больно болтливая – тренькнет языком, где не надо. А Ника чувствовала – в тёмную историю она вляпалась. И страшную. Да ещё человека собственными руками застрелила. И оперу соврала. Менты не посадят, так бандиты прознают и отомстят. Она же им всю операцию сорвала. Киллеры-то мертвы, да заказчик остался. Забыть бы всё скорее, как страшный сон. Но скоро не получится. Да ещё этот… Усков… как его… зачем-то…

На мыслях о помощнике Протасовой Ника, наконец, заснула. Во сне она то убегала, то пряталась непонятно от кого, пока в восемь утра не протарахтел автоматной очередью будильник.

Усков дал знать о себе ближе к вечеру. О том, что он звонил, Ника поняла в перерыве, перед появлением очередной клиентки. Тут и заглянула в мобильник, который во время сеанса массажа приходилось отключать. Желанием перезванивать Ускову Ника не горела, но вызвала его номер. Так, из любопытства.

– Вы ещё на работе? – спросил Усков. – Когда заканчиваете?

– В восемь.

– Понятно. В половине девятого жду вас у подъезда. Устроит?

– Устроит.

Растерявшись от напористых и повелительных интонаций помощника Протасовой, Ника даже не поинтересовалась, о каком подъезде идёт речь. Домашнего адреса она Ускову не давала. У подъезда салона? Обычно так не говорят, да и поздновато через полчаса – она что, его минут пятнадцать должна дожидаться после работы? Нет уж, подумала Ника, ему надо, пусть сам ждёт и ищет.

Ей не хотелось встречаться с Усковым. Почти лысая, яйцеобразная голова, невыразительные круглые рыбьи глаза, окружённые редкими бесцветными ресницами – помощник Леди Нике сразу не понравился. Скользкий и неопределённый, как медуза. Но и отказывать нельзя после такой передряги…

Ника вышла на крылечко салона десять минут девятого и сразу направилась к своему «жигулёнку». Даже не осматривалась. Если Усков уже подъехал – сам окликнет, если нет – его проблемы. Скажу, что не поняла.

Но никто не окликнул.

…Усков ждал у подъезда дома. В светлом длиннополом плаще он казался ещё меньше ростом и походил на субтильного старшеклассника. Если бы не огромные залысины и цепкий, совсем не юношеский, взгляд.

– Добрый вечер, Ника!

Улыбка у него, тем не менее, была открытая, располагающая. Даже взгляд стал добрее. В руках – объёмный, наполненный чем-то, полиэтиленовый пакет.

– Я к вам в гости. Но ненадолго, вы не пугайтесь – лишь короткий разговор. Не прогоните?

Ника, озадаченная неожиданным поворотом, ответила не сразу.

– Проходите. Только я, наверное, не одна дома буду.

– Родственники?

– Типа того. И лифта у меня нет.

– А этаж?

– Пятый, – не без злорадства сообщила Ника.

– Вот и отлично! – бодро заявил Усков. – Разомну ноги, а то засиделся, понимаете, в офисе…

У дверей квартиры она специально нажала на звонок, чтобы не застать Илону врасплох. Но получилось лишь хуже – Илона открыла дверь в одной сорочке. Зевая, протянула с ленцой:

– Ты чего, подружка, ключи лень из сумки вынуть? Ой… – Заметив Ускова, отступила на шаг и замерла в эффектной позе. Высокая грудь колыхнулась, выпячивая сквозь тонкую и прозрачную ткань крупные светло-коричневые соски.

Насладившись эффектом, Илона полуприкрыла грудь ладошками и жеманно добавила:

– Извините, вы так внезапно. – Повернулась и неторопливо ушла в комнату, покачивая пышными ягодицами.

– Сестра? – негромко спросил Усков, прищурив один глаз.

– Сильно похожи? – Ника чувствовала себя неловко и от этого начала злиться.

– Нет, совсем не похожи, – подчеркнуто серьёзно отозвался Усков. – Вы, простите, больше на мальчишку смахиваете. Хотя и весьма симпатичного. А ваша сестра… или родственница… хм, в общем…

Он замолчал, увидев в коридоре Илону. Не заморачиваясь этикетом, та накинула поверх сорочки шелковый халатик голубого цвета и уже вернулась назад. Широко раскрытые глаза возбуждённо блестели. Когда ж она глаза подвести успела? – поразилась Ника. Во, шустрая! Так и дрожит от любопытства.

Повод проявить любопытство у Илоны, положа руку на сердце, имелся. За три года, что они жили вместе, Ника впервые привела домой мужчину. Усков вообще был первым посто-

ронним мужчиной, зашедшим в квартиру за всё это время. Федя, одноклассник Ники, хакер и компьютерный гений по прозвищу Левша, – не считался. Он жил в соседнем подъезде и числился по очень ограниченному списку старых Никиных друзей.

– Я Илона, – всё в той же жеманной манере проворковала подруга и протянула Ускову правую руку – ладонью вниз, как будто хотела, чтобы гость приложился к ней для поцелуя.

– Вот тут торт, вино и ещё кое-что. – Усков, то ли не поняв жеста, то ли проигнорировав намерения девушки, сунул в ответ свой тяжёлый пакет. – Вы накройте на стол, пожалуйста. А мы с Никой пока парой слов перекинемся. Тет-а-тет.

– Как мило с вашей стороны. – Илона продолжала изображать роковую даму полусвета. – Я как раз думала о том, на что потратить вечер.

Усков вопросительно смотрел на Нику. Та показала пальцем на дверь гостиной – там, после подселения Илоны, теперь находилась Никина комната. Усков зашёл, быстро огляделся и сел у компьютерного столика. Ника стояла у порога.

– Вы дверь прикройте, пожалуйста. Особых секретов у нас нет, но, вы же понимаете… – Он засунул руку во внутренний карман плаща и вытащил толстый конверт. – Вот здесь, Ника, сто тысяч рублей. Это ваше маленькое вознаграждение за проявленные находчивость и мужество.

Ника непроизвольно отшатнулась, но Усков предупреждающе поднял ладонь.

– Возражения не принимаются. Деньги велела передать Алвина Яновна. Я – маленький человек, только выполняю поручение. Что касается денег… Вы же понимаете, что оказали нам существенную услугу?

– Я случайно…

– Это не важно, важен результат. Собственно, мы готовы заплатить и больше. Алвина Яновна просила, чтобы я узнал… э-э…

– Мне вообще не нужны ваши деньги, – не очень твёрдо сказала Ника. – Я как-то… ну…

– Деньги всем нужны. – Усков раздвинул губы с намеком на улыбку. – Мало ли что… Не вам, так вашей сестре пригодятся.

– Она не моя сестра. – Настойчивое стремление Ускова породнить её с Илоной Нику раздражало, и она не сдержалась. Нет, и, правда, чего в них общего? – И даже не родственница.

– Вот как? А кто же?

– Квартирантка.

– Вот оно… Тогда – тем более.

«Чего – тем более?» – хотела спросить Ника, но осеклась, поняв ход мыслей Ускова. Раз пустила на квартиру, значит, нуждаюсь в деньгах. Если нуждаюсь в деньгах – чего выпендриваюсь? Логично. И, правда, – чего? Деньги и в самом деле нужны.

– Ну, если вас сумма устраивает, пока на ней и остановимся. – Усков воспринял молчание Ники по-своему. – Обязательно учтите, Протасова очень вам благодарна и просила передать, что подобные вещи деньгами не измеряются. У вас всё в порядке?

– Что? – не поняла Ника.

– Может, проблемы какие есть? Если чего – обращайтесь без стеснения. Я вам вот тут визитку оставляю.

– Спасибо. У меня всё нормально.

– Вот ещё что. Вам следователь звонил?

– Нет.

– Позвонит. Вы не забудьте сразу со Штейнбергом связаться. К следователю – только после разговора с ним. Он вас подготовит и проконсультирует.

– Да, я помню.

– Вот и хорошо. Я, собственно, закончил. – Усков поднялся со стула и вдруг небрежно спросил: – А это кто на фотографии? Вы?

Он показывал на большую фотографию, висевшую в рамочке над компьютерным столиком. Старая фотография. Мамы уже нет в живых.

– Я.

– Маленькая какая. А вот, видимо, отец?

– Как вы догадались?

– Так он же рыжий. А вот этот мужчина… – Усков, прищурившись, скосил взгляд на Нику и снова посмотрел на фото. – Кого-то он мне напоминает. Неужели…

– Да, это Дубровин. – Ника не выдержала паузы. Тягучий этот Усков, как жевательная резинка.

– Денис Дубровин?

Ну и что? – чуть не сорвалось с языка. Да, Денис Дубровин, генерал, нынешний вице-спикер Совета Федерации. А рядом с ним родители и она. Было дело, заехал как-то на день рождения отца. Потому что учились вместе в военном училище, потом воевали в Афгане и Чечне. А потом… потом – суп с котом. Разошлись дороги. И отец теперь сидит в колонии, несмотря на крутого приятеля. Ну и что?

Но Ника промолчала. Чего распинаться перед этим Усковым? Да и не знает он ничего об отце – зачем объяснять? Спросил и спросил.

– Вот оно что… Ну, я удаляюсь с вашего разрешения. Тихонечко. – Усков подмигнул. – А то ваша подруга… ваша квартирантка, уж больно… темпераментная.

И он выскользнул из гостиной. Чуть-чуть, еле слышно, хлопнула входная дверь. Если не прислушиваться, то и не разберёшь, что там за шум.

Ника, не удержавшись, вытащила из конверта пачку денег. Не наврал, и вправду сто тысяч. Тут же положила в ящик стола. Да, деньги всем нужны.

Так-то она не бедствует. В салоне тридцать тысяч плюс десятка в месяц от Илоны, итого сорок. Одной ей за глаза бы хватило, но четверть за кредит уходит. А тут ещё в университете с нового семестра подняли оплату – три с половиной тысячи долларов вынь, да положь. Вот в августе и вынула – всё, что за год скопила. Потом надо бабушке помогать: на такую пенсию жить нельзя – лишь медленно загибаться. А ещё она ежемесячно посылала деньги отцу. Пусть он категорически отказывался и в каждом письме ругался отчаянно за эти переводы, но тут дело принципа. Решила помогать – должна помогать. Там, в колонии, каждый рубль на счету.

Хотя переводы – мелочь. Посылала бы и больше, да не разрешают. Но вот недавно адвокат звонил – это серьёзно. У отца вторая половина срока пошла, теперь можно всякие петиции посылать – то ли на сокращение срока, то ли на УДО. Ника даже не уточнила – едва адвокат назвал сумму «за хлопоты», так всё и опустилось. Сказала, что подумает. Но делать-то что-то и вправду надо. Вдруг да скостят? Или послабление какое будет… Надо, кстати, у ихнего адвоката, как его, Штейн… Штейнбаум, что ли? Где-то записано. Надо проконсультироваться на халяву. Может, чего и подскажет…

Илона на кухне старательно нарезала сочную ветчину.

– Ну, где вы там? У меня аж слюнки текут. – Она подняла голову. – А-а…

– Ушёл.

– Как ушёл??? Почему?

– Ну… дела у него.

– Какие дела? Ты посмотри, тут жратвы сколько! – Илона удивленно моргала глазами. – И ведь дорогое всё. Смотри, вино какое. Тысяча рублей, не меньше… А чего ушёл-то? Нет, я вотще не понимаю.

Ника села на табуретку, машинально сунула в рот кусок сыра. Твёрдый. И, правда, наверное, дорогой. А кушать ведь хочется.

– Чего тогда приходил-то? – Илона даже не пыталась скрывать фонтанирующего любопытства.

– Да так.

– Чего так? Вы о чём там шептались?

Вот, привязалась.

– Да не шептались мы. Он это, об отце рассказывал.

Она ляпнула это просто так, чтобы отвязаться. Первое, что пришло в голову.

– Об отце? Он что, с зоны? Откинулся? Сидел с отцом?

– Короче, он просил не болтать. Понимаешь?

– По-о-нима-аю. – Илона тоже присела. – Если он из этих… Понимаю. Ну хоть что-то можно рассказать? Дюже интересно.

– Не сейчас. Давай потом, я просто с голода умираю.

– Так я ж тоже умираю. Я ж весь день проспала.

– Тяжёлая выдалась ночка? – Ника специально спросила, чтобы переключить Илону на другую тему. Как бы ни мучилась подруга от любопытства, но поговорить о себе она любила ещё больше.

– Ой, не говори. Такие козлы попались. Выпьем?

– Мне немного.

– Так и мне ж немного. Хотя у меня сегодня выходной. Отгул за прогул, хи-хи…

Они просидели допоздна, пока Илона не прикончила обе бутылки. Ника почти не пила и не слушала подругу – лишь поддакивала, занятая своими мыслями. Не спрашивает об Ускове – и хорошо. Может, и вообще забудет.

Настроение у Ники улучшилось. Вчера вечером был настоящий ужас нашего городка, а сегодня… Нет, жизнь не такая уж и плохая штука. Особенно радовали сто тысяч рублей в ящичке компьютерного стола. И Усков этот вполне нормальный тип. Ну и что, что глаза рыбьи? Уродился человек таким, как Ихтиандр. И улыбка у него добрая. Иногда.

Глава 2. Подстава

Вторник и среда прошли как обычно. А вот в четверг…

Федя-Левша окликнул Нику в тот момент, когда она, припарковав машину, направлялась к своему подъезду. Федя жил на втором этаже и часто использовал балкон для того, чтобы подкараулить потенциального кредитора. Формально он числился в некой торговой компании, но постоянно торчал дома, не отрываясь от компьютера. Одно слово – хакер.

– Ника-а! Э-эй, родная!

Федя призывно махал рукой, одновременно выразительно шевеля пальцами. Долговязый и нескладный, вечно повёрнутый на «железе», «софте» и прочих компьютерных прибамбасах, он не пользовался вниманием девушек. Да и сам ими, похоже, не интересовался. Но с Никой поддерживал тёплые, почти братские, отношения – всё-таки ещё в одну детсадовскую группу ходили.

Ника вздохнула и приблизилась к балкону.

– Сколько?

– Пару. А лучше – три, если бюджет позволяет. А то я уже два часа здесь торчу. Не народ, а сплошное жлобьё.

– Зря ты так. У людей экономический кризис.

– В душе у них кризис, а не в экономике. Вон, твою квартирантку час назад видел. Хотел тысчонку перехватить – куда там…

– Илону?

– Ну да. Она с чемоданом, таким, на колёсиках, и сумкой тащилась. Здоровая такая сумка, серая. Я ей покричал, но она только рукой махнула. Потом села в какую-то машину и укатила.

Ника в недоумении приоткрыла рот. Она догадывалась, о каких чемодане и сумке говорит Левша. В них умещались все Илонины вещи. Но Илона ей сама позвонила в салон около трёх часов и сказала, что сварит борщ. На гарную дивчину с незалежной Украины порой нападал кулинарный зуд, а готовить она умела. Получается, уехать она решила уже позже и в явной спешке?

– Ты не заметил, возможно, у неё чемодан пустой был?

– Нет, не пустой. Она его еле пёрла, это точно. И это, ещё. Ей вещи в багажник помогал мужик закинуть, который за рулём сидел. Она бы сама не подняла, наверное.

– Ладно, спускайся, – вздохнув, сказала Ника. – Дам тебе три тысячи…

Едва зайдя в квартиру, Ника побежала в гостиную. Открыла ящик компьютерного стола, и на душе полегчало. Деньги лежали в конверте в нетронутой банковской упаковке. Слава богу! Как она могла такое на подругу подумать?

А вот в комнате Илоны царил беспорядок и, главное, не осталось её вещей, включая дублёнку. А ведь на дворе сентябрь. Она что, на Новую Землю собралась? Странно.

Попробовала позвонить, но трубку никто не брал. Ника быстренько накропала эсэмэску: ты где, что случилось?

Зачем же так срываться с места? Уж позвонить-то… Ерунда какая-то.

Ника проснулась от яркого электрического света. Пока протирала глаза, мелькнула мысль – Илона, что ли, вернулась? Но тут разглядела почти у самого дивана мужскую фигуру, и сердце захолонуло. Закричала бы, да горло перехватило, словно обручем.

– Тихо, не вздумай орать, – грубо сказал мужчина. – Где Илона?

– А… кха-кха…

– Перепугалась, что ли? Мы… тебя… не тро-нем, – с разбивкой произнёс незнакомец. – Если орать не будешь. Нам Илона нужна, где она?

– А вы… кха…

– Не твоё дело. Подруга твоя где?

Ника проморгалась, появился фокус. Мужику, скорее, парню, на вид было лет тридцать. Среднего роста, плотный, короткая стрижка. Руки засунуты в карманы куртки темно-зелёного цвета. У дверей в комнату стоял ещё один; такой же невыразительный, на одно лицо. Разве что ростом выше. И на голове маленькая чёрная кепка. Кожаная.

– Я не знаю. – Голос вернулся, лишь першило в горле. – Уехала куда-то.

– Куда?

– Не знаю. Правда, не знаю.

– Плохи твои дела, если не знаешь. У неё наш товар был.

– Какой товар?

– Ценный. Она ничего не говорила?

– Нет.

Парень помолчал.

– Слушай сюда. Илона нас, похоже, кинуть решила. Знаешь, не знаешь – нам всё равно. Вы тут вдвоём живёте, хрен вас разберёт. Она должна была товар сбыть, а деньги вернуть. Про тебя она, кстати, тоже упоминала. Тебя ведь Никой зовут?

– Никой. Только я… – Она хотела полуприсесть, но вспомнила, что легла спать без сорочки. Судорожно вцепилась руками в одеяло. – Я ничего не знаю. Какой товар?

– Смотри, а тут деньги. – Второй уже копошился у компьютерного стола.

– Сколько?

– Похоже, сто тысяч.

– Видишь, а говоришь, что ничего не знаешь? – Парень в зелёной куртке сделал шаг вперёд. Теперь он стоял у самого дивана, в полуметре от головы Ники. – Подруга слиняла, а ты не успела?

– Это мои деньги. Правда, мои. Я доказать могу.

– Ложил я на твои доказательства… Короче. Деньги мы забираем, но их мало. Не найдёшь Илону – будешь сама расплачиваться. Впрочем… – Он внезапно нагнулся и приподнял одеяло. Внутри у Ники всё сжалось в комок. – Впрочем, ничего. Станочек подходящий.

Опустил одеяло. Усмехнулся.

– Но натурой долго придётся отрабатывать. Так что, думай. И шевелись. Запомни – времени у тебя ровно сутки. – Посмотрел на часы. – Ну, пусть не сутки. Так и быть, до двенадцати часов субботы. Потом – или сдаёшь Илону, или деньги, или…

– А… сколько она должна?

– Шестьсот тысяч. Но это пока без штрафа.

Они ушли, громко хлопнув входной дверью. Нике хотелось тут же рвануться к входу, но она заставила себя досчитать до десяти. Надо взять себя в руки, подумала она. Это ужасно. Но нельзя терять голову. Вспомни, чему учил отец. Контролируй инстинкты. И не давай себя запугать.

Однако инстинкты буянили, не желая слушаться внушений разума. Неожиданно начали стучать зубы. Ника встала, сделала шаг и, не выдержав, молнией рванулась в прихожку. Повернув защёлку, посмотрела в глазок. Вроде пусто.

Она перестала закрывать защёлку после того, как стала жить с Илоной. Та работала по ночам и могла заявиться в любое время, разбудив Нику. Вот она и перестала закрываться. Но откуда у них ключи? Хотя открыть такой замок для домушника, наверное, раз плюнуть. Столько раз собиралась поменять и всё жадничала из-за денег… Но Илона… Как же так? А ещё

говорила, что женская дружба самая верная. Мужик кинет и предаст, а женщина… Как же так? Не сказать, чтобы она ей полностью доверяла, и всё же…

Она так и не заснула после визита ночных гостей…

Утром «жигулёнок» еле завёлся. Давно бы надо на ремонт отогнать, злилась Ника, да всё опять в деньги упирается. Движок скоро совсем сдохнет. Тогда к бабушке придётся на электричке ездить. Но сейчас не об этом надо думать. Эти гады дали срок до завтрашнего дня. А что толку? Я не знаю, что делать. Более того, вообще ничего не знаю.

Она в который раз попробовала дозвониться до Илоны, но подруга не отзывалась. Куда же она запропастилась? Неужели сбежала в свой Мелитополь?

И что теперь делать? Обращаться в полицию к первому попавшемуся менту она не могла. С её условным сроком подставиться проще простого. Вдруг речь идёт о наркотиках? Притянут по статье за хранение. В случае с Сергеем она вообще была не при делах, а едва не загремела как сообщница. Менты такие люди – только палец в рот положи…

Между тем до истечения срока, обозначенного бандитами (Ника не сомневалась, что на неё наехали бандиты), оставалось около суток. Может, позвонить Ускову? Этому ихтиандру с яйцевидным черепом?

А помогут ли они? Денег ей Протасова и так отвалила достаточно, можно сказать, расплатилась за услугу. Какие у неё, Ники, основания втравливать Леди в историю с Илоной? Там же явный криминал. Чем могла приторговывать Илона? Не трусиками же с бюстгальтерами.

Нет, на Леди тут надеяться нельзя. Разве что, если уж нож к горлу приставят…

Вечером на балконе снова торчал Левша. Караулит новых кредиторов? Быстро же он проел мои три тысячи – подумала Ника. Но Федя активно замахал рукой. Забыл, что ли, что уже занял у меня?

Левша свесился через перила:

– Я тебя жду.

– Федь, у меня с деньгами очень плохо.

– Да я не об этом. У тебя всё тип-топ?

– В смысле?

– Я сегодня ночью курил на балконе. Совсем поздно было. Смотрю, из твоего подъезда два хмыря вышли.

– И? – Она напряглась, но не подала вида. – Думаешь, ко мне по ночам мужики ходят?

– Нет, не думаю, – серьёзно произнёс Левша. – Но одного из них я, кажется, узнал. У него такая кепочка на голове была, чёрная и кожаная.

– И чего?

– Помнишь, я рассказывал, как водила помогал Илоне вещи в багажник закидывать? У него такая же кепочка была.

Ника в растерянности молчала. Соображала.

– Думаешь, один и тот же?

– Ну, совсем точно не уверен. В лицо я не вглядывался и не запоминал. А ночью ещё, сама понимаешь, темновато. Хотя фонари горели. И ещё. Они в машину сели. Понимаешь, Илона на «ауди» уехала, комби, бордового цвета. У этих машина вон там под деревом стояла. Плохо было видно. Но точно, что комби. И тёмная.

Вот те на! Вот это фокусы… Если, конечно, Левша чего-то не перепутал.

– Федя, а ты ночью трезвый был?

– Ну-у… выпил несколько банок пива. Но не так, чтобы уж сильно закосеть.

Понятно. Ночью все кошки серы. Вернее, ночью-то точно были эти гаврики. Тут Левша ничего не перепутал. Но вот по поводу водилы, отвозившего Илону…

– Я даже и не знаю, что думать, – сказала Ника. – Может, у нас новые жильцы в подъезде?

Левша всей пятернёй почесал лохматый затылок.

– Ну, если совсем новые.

– В руках они ничего не несли?

– Думаешь, воры? Нет, пустые оба.

– Тогда не переживай.

…Странно, думала Ника, поднимаясь по лестнице. Час от часу не легче. Если Илона заодно с этими парнями, то тогда, получается, меня разводят? Но зачем? Неужели из-за ста тысяч рублей? Илона, конечно, могла залезть в стол и обнаружить деньги. Это запросто, она любопытная. Но деньги-то уж не такие и большие для неё. Было проще кражу инсценировать или даже ограбление. А тут сложно как-то. Или Левша вовсе что-то напутал? Он ведь ещё и близорукий… Что же делать? Срок-то истекает.

Ника прошла на кухню и открыла настенный шкаф. Там стояла недопитая бутылка коньяка. Илона частенько прикладывалась к бутылке, и спиртное в доме находилось почти всегда. Ника после того, как восстановилась в медицинском, и жизнь начала потихоньку налаживаться, почти не выпивала. Так, если с Илоной чуть-чуть за компанию. Но сейчас она была готова напиться до отключки.

Поставила бутылку на стол, сполоснула фужер, села на табуретку и… задумалась. Нет! Нельзя! Она дала слово. Всем дала. И умирающей матери. И бабушке. И себе. Она должна справиться. Что бы ни случилось. Тому же отцу сейчас гораздо хуже. Кто ему поможет продержаться в колонии, если она расклеится? А что будет с бабушкой?

Нужно что-то предпринять. Всегда должен оставаться выход. Даже в самом запутанном лабиринте. Даже в тупике.

Ника открыла Яндекс и ввела в поисковик «Алвина Яновна Протасова». Так, на всякий случай. И обалдела. Вот те на! А Леди-то, оказывается, удостоена чести иметь персональную страничку в Википедии. Впрочем, этой неоднозначной чести многие удостоены. Но Протасова, судя по всему, угодила сюда по делу, а не за то, что исхитрилась пописать в Ниагарский водопад.

Итак, *Алвина Яновна Протасова, родилась 16 марта 1966 года в городе Тарту… школу с серебряной медалью,* так… *отец, Ян Оттович Рутке, инженер-строитель… мать, Манана Асланян, учитель…* дружба народов, значит… *семья переехала в Ленинград… университет, филологический факультет… инструктор горкома ВЛКСМ… факультет политологии и социологии… кандидатская…* хм, *сотрудник пресс-службы мэрии…* так, переезд в Москву… *центр исследования региональных проблем, директор по связям с общественностью… докторская диссертация…* так, снова Петербург, а сегодня-то что?.. ага, вот – *генеральный директор PR компании «Фаворит», одного из крупнейших игроков на рынке политического консалтинга* (что за зверь?) … *вице-президент всероссийской ассоциации социологов… научные работы…*

Но ошалела Ника не от этой информации. То, что Леди оказалась крутой вумэн в области социологии и какого-то там консалтинга, было важно. Значит, чутьё Нику не подвело, и судьба свела её далеко не с рядовым человеком. Другое дело, насколько этот человек мог помочь в запутанных Никиных делах? Делах, прямо скажем, сильно отдающих криминальным душком. В поиске ответа на свой животрепещущий вопрос Ника пробежалась по страничке и, найдя информацию о семейном положении Леди, нажала на жирную синюю ссылку «Валентин Викторович Протасов». И вот здесь, на новой страничке Википедии, её ждал главный сюрприз. Мужем Леди являлся тот самый Протасов – бывший министр и нынешний член Совета Федерации.

Кое-что о Валентине Протасове Ника слышала и раньше. Даже по телевизору несколько раз видела в каких-то программах. Но покажи на улице – ни за что бы не узнала. Не интересо-

валась Ника политикой – на фига козе баян с её-то проблемами? И то, что этот самый Протасов может быть мужем Леди, ей и близко в голову не приходило.

Вот тебе и ёжик в тумане! Что подобное обстоятельство означает для меня? – взволнованно размышляла Ника, приговаривая к уничтожению третью чашку кофе. Член Совета Федерации это, наверное, очень круто. Не самая главная шишка, конечно, но связи, наверняка, будь здоров. Однако не слишком ли высоко находится Леди? Кто я для неё? Так, букашка, мелочь пузатая. Станет ли она за меня впрягаться?

И ещё одно беспокоило. Свой мир у них ТАМ, наверху. Сунуться-то туда можно, да вот не отрежут ли потом длинный нос вместе с ушами? Чужое это всё, не её. Вот отец зачем-то ввязался в политику и схлопотал шестнадцать лет.

С другой стороны… С другой стороны, ситуация критическая. Но звонить Ускову сейчас всё равно поздно…

Ночью она опять почти не спала. И к утру сложился план. Промежуточный план, половинчатый и даже трусливый.

Ника решила на несколько дней укрыться у бабушки. Вдруг Илона объявится? Или ещё как-нибудь… А Усков подождёт. Не нравился ей этот яйцегловый. Улыбаться научился, а глаза всё равно злые. Ну, может и не злые, но равнодушные. А Леди…

Леди, если быть честной, очень ей понравилась. Крутая женщина. Как смело и мужественно она себя вела в ситуации с Зурабом. Другая бы разнылась, умолять начала… Или впала бы в ступор и сидела, как безмозглый тушканчик, в ожидании расправы. А Леди хоть бы хны, не поморщилась. И даже за Нику успела вступиться.

В тот, пусть и короткий промежуток времени, Ника оказалась на одном уровне с Леди. Может, даже, и чуть выше. Ведь это она всех спасла, схватив пистолет – и Леди, и телохранителя Мишу (как, кстати, у него здоровье?). Но сейчас они снова на разных этажах жизни. Ника боялась унижения и разочарования – разочарования в Леди. Вот возьмёт и пошлет её на три буквы.

Ника решила не обращаться к Ускову. Ещё не время. Глядишь, и обойдется… Она съездит в салон и выпросит небольшой отпуск. На недельку. Авось шеф не откажет.

Утром еле-еле встала по будильнику. По квартире шарахалась, как сомнамбула, пока не выпила кружку кофе. Потом с трудом нашла паспорт – он почему-то валялся в тумбочке на кухне. Какой идиот его туда засунул? Пересчитала деньги. Их оказалось совсем немного: Илона задержала платёжку за квартиру; недавно купила новую блузку; да ещё заняла Левше. А если её побег затянется, на что тогда жить? На бабушкину пенсию? Эх, стыдобушка, ёксель-моксель!

Вдобавок к прочим «радостям» на улице моросил дождь. Когда залезла в «жигуль», была готова лопнуть от злости. Подвернулся бы кто – убила бы взглядом. И тут… включила зажигание, но машина не заводилась. Всё, приехали! Где тонко, там и рвётся. Закон подлости сработал в очередной раз.

Матерясь под нос, со злостью захлопнула дверцу. Хорошо, что на метро всего две остановки. Правда, там ещё на автобусе минут десять…

Она позвонила администратору и попросила как-то разрулить ситуацию с клиентами. Мол, сегодня она никак не сможет работать.

– А шефу-то что сказать?

– Скажи, что я подъеду и всё объясню.

В метро не успела к составу – только хвост увидела. Следующий состав шёл в депо. Потеряла минут пять-шесть. Потом автобус застрял в пробке. Потом побежала и сломала каблук. Ну почему она не надела кроссовки? К бабушке ведь собралась.

Дохромала на одном каблуке под ухмылки прохожих. Разве не подлость? Но судьба ещё не исчерпала запас злых шуток.

Опоздала минут на пятнадцать. Шеф, Ашот Геворкян сидел один в своём кабинете. Залетела и заговорила с порога:

– Извините. Если надо, я первую клиентку успею обслужить, но потом…

– Не надо, – хмуро сказал директор. – Тебя уже подменили. Ты чего такая?

– Мне… мне надо в отпуск. Срочно.

По дороге она продумала стройную версию о внезапной и тяжёлой болезни бабушки, но шефа она не заинтересовала.

– Ты уже не в первый раз опаздываешь…

– Я?

– Да, ты. И вообще…

Он почему-то смотрел в сторону. Обычно всегда взглядом облизывал, словно прикидывал на вкус, а тут вдруг заскучал.

– Что вообще?

– Экономический крызис, вот что. Я тэбя уволнаю.

– Совсем? – вырвался дурацкий вопрос.

– Совсэм. – Когда Геворкян сильно нервничал, у него прорезался акцент.

– Ашот Гургенович…

– И нэ уговарывай. Сокращэние у нас, понимаэш?

А взгляд по-прежнему в сторону. Неужели чувствует себя неловко? Это Ашот-то?

В массажный салон с дурацким названием «Экватор желания» Ника попала с подачи Илоны. Можно сказать, по протекции. Всё тогда так сошлось – сплошная невезуха. Сначала эта скотская история с Сергеем. Потом ИВС и следствие. Пока всё тянулось – полностью завалила сессию, и из института отчислили. С бюджетного отчислили – а как она за него цеплялась, за бесплатное образование! Потом суд. На условное соскочила чудом – судья, что ли, пожалел. А тут ещё и уволили из больницы.

Точнее, заведующая, и без того недолюбливавшая Нику, предложила той перевестись в санитарки – мол, нам медсёстры с судимостью не нужны. Ника секунд пять подумала, взяла ручку и написала заявление. На увольнение.

Гордыня есть смертный грех – сказала бы покойная мать. А отец бы сказал: по гордому носу чаще бьют, но оно того стоит.

Два месяца Ника работала в стрип-клубе «Океан страсти» – то ещё местечко. Впервые её туда однажды привёл Сергей, у него были свои дела со старшим официантом Камилем. Камиль её потом, когда случилась вся катавасия, и пристроил в официантки. Сразу предупредил: «Место хлебное, чаевых можно много срубить, но хлопотное. Если справишься – давай».

Однако Ника не справилась. Вернее, не выдержала. Клиенты смотрели на официанток как на приложение к программе стриптиза. Короче, как на шлюх. Лезли под юбки, что в свои бумажники. А юбки-то – только ягодицы прикрыть. Разве о такой работе она мечтала, когда поступала в медицинский?..

Тут и подвернулась Илона – новая и нечаянная подруга. Она и помогла устроиться в массажный салон. А теперь…

Переобувшись в рабочие тапочки, Ника вышла на крылечко. Придётся что-то купить, в таких шлёпках далеко не уйдешь. На глазах выступили слёзы. Теперь ещё и без работы. Что за непруха? Полный пипец и ёжик в тумане… Постояла, сдерживаясь, чтобы не разрыдаться. Промокнула глаза платком. Проморгалась. И замерла.

Метрах в пятидесяти, у дальнего угла здания, притаилась машина вишнёвого цвета. «Ауди» не «ауди», но точно, что комби. В салоне кто-то сидел.

Неужели эти? Почему обязательно они? Похожих автомобилей пруд пруди… Но почему она вздрогнула? Интуиция? Подходить нельзя. Могут элементарно засунуть в машину, а там… Как этот тип говорил – будешь отрабатывать натурой? А она ведь ничего не выяснила об Илоне. Совсем ничего… А если не они? И что? Рисковать нельзя.

Она вернулась в холл и пробралась к чёрному выходу. Открыв дверь, осторожно огляделась. Вроде, ничего подозрительного. Споро, насколько позволяли шлёпанцы, пересекла двор и, сделав крюк, зашла в тыл возможным преследователям. От соседнего дома увидела, что вишнёвая машина по-прежнему стоит у тротуара. Спрятавшись за деревом, застыла в ожидании – хотелось расставить точки над i.

И дождалась. Минут через десять из машины вылез коренастый ночной гость в темно-зелёной куртке и, сказав что-то водителю, направился к салону. Подсматривать дальше не имело смысла, более того, становилось опасным. Ника дошлёпала до проспекта, пересекла его и зашла во двор. Здесь точно не заметят. Да и вряд ли они будут искать её по улицам.

Нет, вариант с бабушкой отпадал. Нельзя себя вести, как страус. Эти ребята обложили её всерьез, и на адрес бабушки наверняка выйдут.

Она достала мобильник и вызвала номер Ускова.

«Ихтиандр» отозвался почти сразу:

– Слушаю, Ника.

Помощник Леди обладал великолепной памятью. Или он занёс её номер в адресную книгу?

– Вы говорили, что я могу к вам обращаться. Мне нужна помощь. Очень нужна.

– Что-то случилось? – Вопрос прозвучал безо всякой интонации. Так спрашивает замордованный пенсионерами врач в бюджетной поликлинике: «Что беспокоит?»

– Типа того.

– Хм… Понятно. А расшифровать можете?

– Это очень долго. Мне хотелось бы встретиться.

– Нет проблем. В понедельник во второй половине дня вас устроит?

– Устроит… Ой, а нельзя сегодня? Пожалуйста!

Это жалостливое и унижающее «а нельзя сегодня, пожалуйста» вырвалось само собой. Она испугалась и растерялась; и показала это Ускову. «Нехорошо, Ника», – сказал бы отец. Он учил, что нельзя показывать слабость. Даже друзьям. Слабых всегда используют – даже если перед этим жалеют. Но слово не воробей…

– Сегодня? Хм, вообще-то сегодня суббота и… Ладно, если у вас так срочно…

Глава 3. Особое предложение

Ника зашла в ближайший обувной магазин и купила самые дешёвые кроссовки. Кто знает, сколько ещё предстоит бегать в ближайшее время? Потом на метро доехала до станции «Лиговская». Офис «Фаворита» располагался на улице Марата, в старинном двухэтажном здании в глубине двора. Миновав тамбур, Ника очутилась в небольшом «кармане», отгороженном от холла металлическим заборчиком и турникетом. Охранник вызвал Ускова…

– Знаете, а я даже обрадовался, что вы нам позвонили. – «Ихтиандр» раздвинул губы в своей фирменной добродушной улыбке. В рыбьи глаза Ускова Ника старалась не смотреть, чтобы не портить впечатления от улыбки. – Верите, Алвина Яновна о вас на днях спрашивала. Чем-то вы ей приглянулись. И я даже догадываюсь – чем.

– Чем? – Ника не сумела скрыть любопытства.

Усков ответил не сразу.

– Она любит смелых и решительных людей. Азартных и амбициозных. – Он помолчал и многозначительно добавил: – Учтите это… Так в чем ваши проблемы?

– Вы меня простите, – сказала Ника, – но я должна переговорить лично с Алвиной Яновной.

Усков слегка приподнял брови. Они у него были бесцветные, как у альбиноса. А он ведь и, правда, альбинос, вдруг поняла Ника. Только не ярко выраженный. Вот почему у него такой неприятный водянистый взгляд.

– Непосредственно с Алвиной Яновной? Я вас не устраиваю?

Он слегка давил на Нику, будто проверяя на прочность её намерения.

– Честное слово, извините, но… в общем, такая тема…

– Удобнее обсудить между женщинами? Хм… Я понимаю, вы не переживайте. Ваше счастье, что Алвина Яновна сегодня в офисе. Думаю, мы решим этот вопрос.

«Решение» заняло минут десять, которые Ника провела в приёмной на уютном кожаном диване. Секретарша сначала покосилась на неё, наверняка отметив дешёвую обувь и легкомысленные драные джинсы, а потом демонстративно игнорировала, уставившись в монитор. Ника нервничала и даже раскраснелась от волнения, чувствуя, как кровь приливает к щекам… Потом из кабинета Протасовой вышел Усков и, остановившись у раскрытой двери, сделал приглашающий жест рукой:

– Прошу вас, Ника. Не робейте.

Кабинет был шикарный и одновременно функциональный. Справа от входа располагались друг напротив друга два небольших дивана с журнальным столиком посредине. Дальше, вдоль окна, тянулся светло-коричневый стол на полтора десятка мест. Конструкцию завершала широкая перпендикулярная столешница, за которой в массивном кожаном кресле, видимо, и находилось рабочее место генерального директора. В торце комнаты Ника заметила ещё одну дверь. Неужели комната отдыха с туалетом? Подобную крутизну она видела лишь в кино.

Леди поджидала Нику, сидя на боковом диванчике.

– Ну, здравствуй, Никит*а*. Присаживайся и рассказывай.

Ника устроилась напротив и начала рассказ, пытаясь быть краткой. Но не получалось. Одно цеплялось за другое, и поневоле Ника выложила почти всё. Разве что за исключением отдельных нюансов своих личных взаимоотношений с Сергеем и Илоной. И о невнятных подозрениях Левши по поводу парня в чёрной кепочке тоже умолчала, – вдруг спьяну и сослепу Федя что-то перепутал?

Рассказывая, Ника постоянно опасалась, что Леди наскучит невнятная история, и она прервёт монолог. Но Протасова слушала внимательно и даже, как показалось Нике, сочувственно.

Когда Ника добралась до финала, Леди приступила к уточняющим вопросам.

– Значит, эти парни дали тебе время до полудня?

– Угу.

Протасова посмотрела на часы.

– Ну, пусть подождут… А Илона с концами пропала, не звонит, и телефон не отвечает?

– Нет.

– Значит, ты об этом пресловутом товаре в первый раз слышишь? Верно?

– Да.

Леди закинула ногу на ногу и медленно заговорила, покачивая носком туфли:

– Если ты не замешана, а я тебе верю, это больше смахивает на развод или желание взять на испуг. Если Илона их кинула, они стараются компенсировать потери. Думают, если дурочка перетрусит, можно её подоить. А ситуация-то для них тухлая. Другой человек сразу в полицию заявит, и у них самих…

Она осеклась и быстро взглянула на Нику.

– Вот и я об этом думала, – сказала та. – Почему они решили, что я не обращусь в полицию? Приняли меня за полную дуру?

– Полагаю, дело не в этом. Если Илона с ними кучковалась, то она, скорее всего, кое-что рассказала о тебе. В частности, о твоей судимости. Вот они и решили тебя припугнуть. Но не вышло, не на тех напали… Ты говоришь, что у них вишнёвый «ауди» комби? Не густо. Но они тебя у дома будут пасти. Так что, мы их выловим и вправим мозги. Всё?.. А-а, ещё с работой, ведь тебя уволили.

– Бог с ней, с работой, – торопливо сказала Ника. – Это я как-нибудь сама. Вы и так… я и так…

– Подожди. Сколько ты там имела, в своём салоне?

– Тысяч тридцать, если в среднем.

– Сдельщина?

– Типа того. Часть через кассу, а остальное в конверте Григорян раздавал.

– Ясно. Узнаю братьев-армян. – Заметив недоумённый взгляд Ники, Леди усмехнулась. – Я же наполовину армянка. По матери. Что, не похожа?

Ника помнила из статьи в Википедии о национальности матери Протасовой, но решила не выпячивать своих знаний.

– В лице что-то есть. Но вы какая-то… светленькая.

– Хочешь сказать, блондинка? Так имя Алвина так и переводится – вроде как «белокурая». А волосы у меня в отца, от прибалта. Зато темперамент…

– А мне показалось, что у вас очень крепкие нервы.

– Нервы и темперамент – разные вещи. Но если ты думаешь, что я тогда не испугалась, то это не так. Вот, даже коленку рассадила, когда на асфальт плюхнулась. – Она покрутила правой ногой, обтянутой чёрной лайкрой. И Ника непроизвольно отметила, какие у неё стройные ноги – хоть сейчас на рекламу фитнеса. – Хотя тут не видно. Но до сих пор прихрамываю… Красивые?

– Что?

– Ноги, говорю, красивые?

– Красивые, – пробормотала Ника, уставив глаза в столешницу. Смеётся она, что ли?

– Молодец. Всегда говори мне правду… Так, на чём мы остановились?

– Мы о работе говорили. Но здесь мне не надо помогать. Я и без того вам благодарна.

– Благодарность – форма вежливости. Ты мне помогла, я тебе. Но суть не в этом. Друзья благодарностями не меряются. Мы ведь с тобой друзья?

Ника от неожиданности привстала.

– Если вы так считаете…

– Хочу считать… Да ты садись, садись. Учти, я тебе помогаю не потому, что ты меня выручила.

Она замолчала и внимательно посмотрела на Нику. Пауза затягивалась, и Ника сообразила, что Леди ждёт её реакции.

– Почему?

– Потому что я вижу, что ты хорошая девчонка. И надёжная. Хочешь, я найду тебе стоящую работу?

– Стоящую?

– Да. Даже не работу, а дело. Ты ведь хочешь добиться успеха?

Ника приоткрыла рот и вдруг поняла, что не знает ответа. А чего я на самом деле хочу? – подумала она. У меня много планов. Даже, скорее, не планов, а желаний. Я хочу окончить институт и стать когда-нибудь хирургом. Ещё я хочу, чтобы отец вышел на свободу. Ещё я хочу, чтобы бабушка не болела, а я могла бы ей помогать. Ещё… чего я ещё хочу? И имеет ли это отношение к успеху, о котором говорит Леди?

– Я не знаю, – призналась она.

– Хорошо, спрошу по-другому. Есть только две категории людей: те, кто добивается успеха и неудачники. Ты хочешь быть успешным человеком?

– А что это значит?

– Успешный человек, это такой человек, который постоянно ставит перед собой цели и всегда их достигает.

– Всегда?

– Всегда. Иначе он превращается в неудачника…

– А если цель недостижима?

– Недостижима? – Леди хмыкнула. – Тогда он идиот. Зачем ставить недостижимые цели?.. Запомни – цель должна быть реальной! И понятной. Тогда ты добьёшься цели.

– А если… если человек просто не хочет ставить целей?

– Это как?

– Ну, живёт себе и живёт. Просто живёт.

– Просто так? – Леди иронично приподняла брови. – Такой человек хуже неудачника. Потому что у него либо нет мозгов, либо совсем нет воли. Совсем.

Она говорила напористо и уверенно, буквально, выстреливая готовыми фразами. Словно проповедник по телевизору, подумала Ника.

– Так ты хочешь быть успешным человеком?

– Хочу, – торопливо сказала Ника. Чего тут думать? Может, она и неудачница, но как можно не мечтать об успехе?

– Молодец. А трудности тебя не пугают?

Я уже чего только не пугалась, мелькнула мысль. Ничего, не померла. А бояться того, о чём не знаешь, и вовсе не стоит.

– Нет. Не пугают.

– Заяц бояться не любит?.. Хорошо. У меня есть очень сложная работа. Даже не работа, а задание. И мне нужен очень надёжный человек. Я могу на тебя положиться?

Ника почувствовала, как заколотилось сердце. Вот как неожиданно повернулся разговор, которого она боялась. Нафантазировала себе всяких страшилок по поводу Леди, а она… Какая она замечательная! И совсем не заносчивая.

– Да я… – От волнения запершило в горле. Лишь бы не разнюниться, словно плаксивой девчонке. – Я… конечно.

– Хорошо. Уважаю людей с крепким характером. Как говорили в одном известном фильме – характер нордический, стойкий.

Ника осторожно подняла взгляд – не насмехается ли над ней Леди? Но та с задумчивым выражением лица смотрела куда-то вбок. Потом резко поднялась и направилась в конец кабинета к своему креслу.

– Продолжим наш разговор в понедельник. Сейчас тебя отвезут домой, этим займётся Юрий Леонидович. Ничего не бойся.

Ника поняла, что разговор окончен. Она встала и двинулась к двери.

– Подожди. У тебя очень короткая стрижка. С ней ты похожа на юношу. Сама её выбрала?

– Я всегда так стригусь, с детства, – растеряно сказала Ника. – Вы думаете, мне надо…

– Нет, нет. Это очень даже кстати… Ну, давай, Никит*а*. Удачи.

Домой к Нике они поехали на массивном чёрном джипе. Усков расположился на переднем сиденье рядом с водителем, с Никой сел долговязый накачанный парень с бритой головой. Почти всю дорогу они молчали. Только однажды Ника, внезапно вспомнив, спросила:

– Юрий Леонидович, а этот, Михаил. Телохранитель который. Как у него дела?

– Михаил? – Усков обернулся. – В больнице он пока лежит. Но идёт на поправку, можешь не беспокоиться. Он, кстати, о тебе тоже вспоминал. Спрашивал, как там наша храбрая девушка?

– Правда? – отчего-то обрадовалась Ника.

– Правда-правда. Ты ведь и его спасла. Вот, выздоровеет, можешь с него бутылку требовать. Или ты не пьёшь? – Усков прищурился.

– Только по большим праздникам.

– Это каким же?

– Типа дня милиции.

Бритый негромко засмеялся. «Ихтиандр» строго посмотрел на него, потом произнёс с неопределённой интонацией:

– Ника у нас шутница.

Дальше ехали молча.

Вишнёвую «ауди» Ника опознала сразу, ещё когда въезжали во двор. Машина стояла у соседнего дома, прячась за деревьями.

– Вот они. – Ника показала пальцем. – Наверное.

– Ну-ка, притормози, – распорядился Усков. Верзила рядом с Никой зашевелился, но помощник Протасовой сказал: – Сиди. Я сам.

Он вылез из джипа и направился к «ауди». Ника прижалась лбом к стеклу, пытаясь разглядеть происходящее, но обзор был плохой, и мешали деревья. Минут через пять Усков отошёл от «ауди», и она почти тут же тронулась с места в противоположную сторону.

– Всё, – удовлетворённо произнёс Усков, устраиваясь на сидении. – Больше они к тебе не сунутся.

– Так быстро? – недоверчиво спросила Ника.

– Не быстро, а оперативно. Мы уже пробили кое-какую информацию. Оставалось только объяснить гражданам на пальцах.

Чего они могли пробить? – подумала Ника. Я даже номера машины не знала. Впрочем, какая мне разница?

Джип остановился у подъезда.

– Ну, всё, Ника, до понедельника. Алвина Яновна ждёт тебя в два часа. Не опаздывай.

– Я никогда не опаздываю, – самоуверенно сказала Ника. Ей хотелось петь и кричать от восторга во весь голос. Как удивительно и кардинально повернулись события всего за несколько часов. Выходя от Геворкяна, она находилась на грани отчаянья и надеялась лишь на чудо. И чудо случилось, благодаря Леди. Вот образец для подражания – человек, для кото-

рого нет преград. Интересно, какое задание ей приготовила Леди? Но она возьмётся за любое задание. И обязательно справится…

Весь вечер она почти ничем не занималась, валяясь на диване и размышляя. Да, эта Протасова крутая штучка. Лишь сейчас Ника обратила внимание на одно странное обстоятельство. Когда она перелопачивала информацию о Леди, то ни разу не наткнулась на сообщения о событиях у АЗС. Ни одно СМИ, блогер, зевака какой-нибудь, в конце концов, ни словом не обмолвились о довольно-таки «громком» происшествии со стрельбой и трупами.

Ну, дело, предположим, случилось вечером в воскресенье, за городом, трасса не магистральная, машин у заправки почти не было. Да и перестрелка длилась минуты три от силы – это ей тогда происходившее показалось вечностью. Но журналисты-то всё равно должны были о подобном пронюхать – ведь Протасова человек известный. Если молчат – значит, их кто-то очень сильно «попросил» не раздувать сенсацию. Это ж каким влиянием надо обладать, чтобы перекрыть утечку информации?

Большие люди, ох, большие! А она теперь, получается, в одной команде с ними? Ну, почти в одной. Что-то страшновато…

В понедельник утром позвонил следователь, спросил, не может ли она подойти для беседы? Ника даже не напряглась – после встречи с Леди она впала в такую эйфорию, что хоть зубы лечи без наркоза. Спросила, где находится управление? Когда следователь объяснил, прикинула – вроде бы недалеко от офиса Леди.

– Я смогу не раньше трёх. А лучше – после четырёх.

А что, она свои права знает. Раз не прислали вовремя повестку – сами виноваты.

Следователь посопел в трубку.

– Ну, хорошо, давайте тогда сразу в четыре часа. Назовёте дежурному мою фамилию, вас пропустят.

Ника тут же перезвонила адвокату. Всё по инструкции Ускова.

– Я понял, – неразборчиво, сквозь уличный шум, отозвался Штейнберг. – Время ещё есть, я с вами свяжусь.

На этот раз они сидели не на диванчиках, а за большим столом для совещаний. Леди – в кресле, за своим «перпендикуляром», как его про себя окрестила Ника, а Ника – наискось, на стуле.

– Я тебя должна предупредить о нескольких принципиальных вещах, – начала Протасова. – Всё, о чём я тебе расскажу, должно остаться сугубо между нами.

Ника кивнула. Её распирало от чувства ответственности и причастности к чему-то необычайно важному. Это не шло ни в какое сравнение с тем, что происходило в её недавней, предыдущей жизни. Чего, если подумать, ей доводилось делать ответственного раньше? Ну, ставила когда-то больным капельницы… А так – за кого или за что она отвечала?

– Второе. В ходе выполнения задания ты можешь получить доступ к важной информации. Такой, которая способна нанести вред многим людям и существенно повлиять на их судьбу. Поэтому ты не должна этого ни с кем обсуждать, кроме как со мной. Ну, или с моими доверенными людьми. А если сболтнешь лишнего – пеняй на себя. Последствия будут на твоей совести. Понимаешь?

Ника кашлянула.

– Понимаю.

– Третье. Это рискованное задание. Риск, разумеется, ограничен, но форс-мажорные обстоятельства не исключены. Я не дам тебя в обиду. Но ты должна быть готова к ситуациям, когда предстоит действовать быстро, решительно, дерзко и с определенным риском э-э… для здоровья. Понятно?

Ника непроизвольно сделал глубокий вдох. Блин! Она что меня, в космос посылает?

– Понятно.

– И последнее. Пока последнее. Задание имеет очень важное значение. Если ты за него возьмёшься, а потом по каким-то причинам отступишься, то сильно меня подведёшь. Поэтому ты должна тщательно взвесить свои возможности. Обратной дороги не будет. В том смысле, что ты должна идти со мной до конца. Понятно?

– Я понимаю. Только, что делать-то?

– Не торопись, сейчас узнаешь.

Леди нажала на кнопку селектора.

– Тамара, нам два кофе… Так вот, тебе предстоит работать сиделкой у одной женщины. Зовут её Клара. – Видимо, у Ники вытянулось лицо, потому что Леди тут же добавила: – Но сиделка это так, для простоты обозначения. На самом деле всё гораздо сложнее. Муж Клары – весьма важная персона, известный политик. Сейчас он не в первых рядах, но это видимость. Клара его моложе на двадцать с лишним лет. Когда-то она считалась одной из самых красивых девушек страны. Выиграла конкурс «Мисс Россия», участвовала во всемирном конкурсе. Какое-то время работала фотомоделью, вела ток-шоу на телевидении. Наш политик её тогда и приметил. Жена у него незадолго до этого погибла в автомобильной катастрофе, вот он на Кларе и женился.

А через несколько лет несчастье случилось уже с молодой женой. История тёмная, но по полуофициальной версии Клара свалилась с лестницы в доме политика. Вроде как пьяная была или обдолбаная, вот и спикировала через перила. Угодила прямо на стеклянный столик, сломала ногу, да ещё позвоночник повредила. Сомнительная, разумеется, версия, но иной не располагаем.

С тех пор, объяснила далее Леди, Клара почти всё время проводит в доме политика в Ольгино. После падения сильно хромает, с позвоночником тоже не всё в порядке. Да ещё шрамы остались на лице от осколков стекла. Пластические хирурги, конечно, постарались, но для девушки с таким блестящим прошлым она выглядит не шибко. Вот и затворничает.

За собой следит – ежедневный массаж у неё в обязательной программе, плюс физиотерапия. А ещё ей периодически надо ставить уколы: в рамках процедур и в зависимости от состояния. Из-за позвоночника её мучают хронические боли. Вот почему ей требуется что-то вроде сиделки широкого профиля – не только для процедур, но и каких-то женских разговоров по душам. Надо ведь иногда поплакаться в жилетку? Верно?

Леди замолчала, отхлебнула из чашечки кофе.

– У тебя почти оптимальный набор качеств, даже по возрасту и внешности. Кларе нравятся молодые женщины твоего типа: женственные, но спортивные и подтянутые, безо всяких там… выступающих излишеств. И покладистые. Потому что сама она особа нервная и не вполне адекватная. Большой покладистостью ты, судя по всему, не отличаешься, но это вопрос самоконтроля. Ради общего дела можно нрав и усмирить, верно?

Она хмыкнула и посмотрела на Нику.

И это всё? – чуть не вырвалось у той. Я должна проводить сутки напролет с больной психопаткой? Да ещё подстраиваться под её капризы? Нет, это, разумеется, тоже непросто. А ради хороших денег можно и потерпеть. Но чего в этой работе уж такого важного и секретного? И причём тут разговоры об успехе? Или Леди считает, что моё призвание – находиться в приживалках у богатых дам? Тогда уж проще податься в любовники к миллионеру.

Ника еле сдерживала разочарование. Будь она года на три моложе, тут же высказала бы все свои сомнения. Однако накопленный опыт подсказал – держи язык за зубами.

– Я смотрю, тебе пока всё ясно?

– Да, – четко отреагировала Ника. – Мне пока всё понятно. А что, у этой женщины сейчас нет сиделки?

– Это, собственно, внешняя сторона, – продолжила Леди, словно не заметив вопроса. – Теперь переходим к главному. Здоровье Клары, как физическое, так и душевное, мне, строго говоря, до фени. За что боролась, на то и напоролась.

У Леди была своеобразная привычка вставлять в свою речь просторечные и даже матерные выражения. Ника обратила на это внимание ещё во время первой встречи у автозаправочной станции.

– Хотя игнорировать этот фактор мы, разумеется, не должны. Более того – обязаны использовать. У Клары потеряна точка опоры, а в таком положении человек уязвим. Но главный твой объект не Клара, а её муж. Его зовут Ефим Борисович Эйдус.

Леди говорила громко и отчётливо, но Нике показалось, что она ослышалась. Ника смотрела на Протасову, а та на неё.

Нет, не может быть! Она что, смеётся???

Но лицо у Леди было очень серьёзным. И она явно ждала реакции Ники.

– Эйдус?

– Совершенно верно. Эй-дус. Что, знакомая фамилия?

Ника сглотнула слюну. Нет, она не ослышалась. Вот это сюрприз, ёжик в тумане!

– Да, знакомая.

Ещё бы ей не знать фамилию человека, из-за которого отец угодил в колонию строгого режима…

Это случилось десять лет назад, когда Нике только что исполнилось тринадцать. Вот и не верь после этого в приметы. Отца внезапно арестовали, но она об этом не сразу узнала. Сначала в квартиру завалилась целая куча милиционеров и людей в гражданском. Спросили – где мать? Ника ответила, что на работе.

«Тебе сколько лет?» – поинтересовался один из гражданских.

«Тринадцать», – испугано ответила Ника.

«Гражданский» поморщился и покосился на дородного мужчину в распахнутой дублёнке.

«Придётся немного подождать, – хмуро сказал тот. – Малолетка».

«А-а…» – начал первый гражданский.

«Уже везут, – коротко пояснил мужчина в дублёнке. – Ты, девочка, ступай в свою комнату и сиди пока там».

«А кто вы?» – наконец осмелилась спросить Ника.

«Мы из милиции. Но тебе потом всё объяснит мама».

Обыск начался минут через пятнадцать, когда привезли мать. Немного позже Ника узнала от неё, что арестован отец. Подробностей мать сама не знала – арестован и всё.

Подробности стали им известны из вечернего выпуска новостей. К тому времени обыск закончился безрезультатно, и следственная бригада уехала. Напоследок один из милиционеров негромко бросил матери: вашего мужа арестовали за убийство. Увидеться? Нет, сейчас никаких свиданий. Завтра обратитесь… – он назвал адрес. А пока ищите адвоката.

Где-то через час по телевизору сообщили о покушении на видного либерального политика, депутата Госдумы и лидера партии «Свободный выбор» Ефима Эйдуса. Сам Эйдус, как сказал корреспондент, чудом остался в живых, но смертельное ранение получил его телохранитель. Тогда Ника впервые обратила внимание на эту фамилию. Раньше где-то проходило по краю уха, но Ника толком и не представляла, что этот Эйдус из себя значит. Политик и политик – на фиг они все сдались?

Следствие тянулось около года. Отцу предъявили обвинение в покушении на жизнь государственного деятеля и что-то ещё, связанное с терроризмом. Всё выглядело неожиданным и очень странным. Вернее, чудовищно неожиданным и странным. Отец так толком

ничего и не объяснил. Лишь сказал матери во время свидания: «Что случилось, то случилось. А подробностей вам лучше не знать. Прости, что я так вас подвёл».

Ника отца, после ареста, видела однажды – перед отправкой в колонию. На суд она не ходила – отец запретил. Да Ника и не особо рвалась – и без того хватало переживаний и нервотрёпки. В школе она больше года, пока не схлынула шумиха, считалась главной знаменитостью. Учителя косились, особо любопытные одноклассники лезли с расспросами, другие школьники тыкали на переменах пальцами и шептались за спиной. А ещё журналюги, бляди смишные, как однажды в сердцах выразилась мать, периодически норовили взять интервью.

Как раз в этот период Нике пришло время получать паспорт. «Возьмёшь мою фамилию, – вздохнув, сказала мать. – От греха подальше».

Ника начала спорить. Ей казалось, что таким поступком она предаст отца. Но мать сказала, что отец согласен. И бабушка поддержала. Мол, в такой стране живём, что всего ожидать можно. В своё время тоже говорили, что сын за отца не отвечает. А потом…

В общем, Ника вместо Луниной стала Шагиной. И отца больше не видела – только письма писала. На свидания в колонию, которая находилась где-то на Крайнем Севере в поселке с лающим название Харп, отец запретил приезжать. Категорически. И ей, и матери. У матери к тому моменту диагностировали вторую стадию рака. Надеялись, что удастся вылечиться, хотя бы – остановить развитие болезни. Но матери становилось хуже и хуже. И арест отца, конечно же, сыграл в этом свою роковую роль. А в судьбе отца свою зловещую роль сыграл человек по имени Ефим Эйдус. Как же ей не знать такую фамилию?..

– Это что, тот самый? – спросила Ника.

– Смотря что ты имеешь в виду… Ты в порядке?

Чего она? Неужели я так плохо выгляжу? – подумала Ника. И, правда, что-то душно. Давно я об этом Эйдусе не вспоминала. Фамилия-то, какая противная. Бабушка говорила – будто дустом воняет.

– Минеральной воды хочешь?

– Можно.

Леди дала по селектору команду секретарше. Ничего не говорила, ждала, пока та принесёт бутылку «Нарзана». И на Нику не смотрела, словно не хотела её лишний раз напрягать.

Ника пила воду мелкими глотками. Надо успокоиться. Собственно, ничего особенного не произошло. Просто неожиданно получилось…

Кстати, а откуда Леди об этом узнала? – сверкнула мысль. Я ей ничего не рассказывала. Та-ак, надо вспомнить. Усков видел фотографию отца, где он вместе с Дубровиным. Но я ведь фамилию не называла. А у отца другая фамилия. Неужели…

– Полегчало? Ты зря так напрягаешься, расслабься. Не в космос летишь.

– Да я ничего, я… удивилась просто. – Ника попыталась вывернуться из неловкой ситуации. Она вдруг подумала, что Леди воспримет её реакцию, как проявление слабости. А это совсем ни к чему. Ну, Эйдус. Подумаешь, Эйдус. Хотя…

– Чему ты удивилась? – Тонкие брови Леди приподнялись.

– Я не ожидала… А откуда вы это узнали?

– Что?

– Ну, об отце. Вы же знаете, ну, об отце и Эйдусе?

– А что я должна знать?

– Ну, вы же спросили про знакомую фамилию?

– И что? Это очень известный политик, можно сказать, один из основателей российской демократии. Я, собственно, хотела понять, насколько ты в курсе. Современная молодежь, она, знаешь, как-то больше всё поп-звездами интересуется да гламуром… Только я не поняла, причём тут твой отец?

Ника покосилась на бутылку «Нарзана». Налила ещё полстанка… Господи, похоже, сама прокололась, – пришла растерянная мысль. Ничего Леди не знала о том, что отец сидит за покушение на Эйдуса, ничего. А теперь… Одно дело – умолчать, другое – соврать. Да и нет смысла теперь врать – Усков, он всё разнюхает.

– Не тяни за хвост, Ника! – грубовато попросила Леди. – Чего там с твоим отцом? Он, что, и с Эйдусом дружит?

Ага, дружит! О какой это она дружбе? А-а, это ей Усков о Дубровине рассказал. Пора колоться.

– Нет, не дружит. Он… он, это, застрелить его хотел.

– Застрелить???

– Угу. Вы, может, помните, покушение было на Эйдуса? Об этом столько писали…

– Подожди. – Леди аккуратно, но тщательно, будто размазывая крем, потёрла лоб пальцами. – Ты хочешь сказать… Ну да, там был этот, бывший полковник спецназа, кажется…

– Подполковник.

– Так это что, твой отец? Фамилия из памяти выскочила.

– Лунин.

– Точно. Пётр, кажется. Пётр Лунин?

– Правильно.

Леди откинулась в кресле, сложив руки на животе. Какое-то время молчала.

– Плесни-ка мне тоже минералки… М-да… Пожалуй, я выкурю сигарету. Сегодня первая.

Она сделала несколько затяжек, изящно стряхивая пепел в стильную пепельницу стального цвета. Ника смотрела в окно, которое прикрывали светло-серые жалюзи. Надо сосредоточиться. Что сделано, то сделано, теперь Леди знает о том, что отец – зэка. Можно сказать, политический террорист. Вряд ли её это обрадует. А не такова, как нам хочется.

– Это, конечно, меняет дело. – Леди взглянула, как показалось Нике, с укоризной. – О таких вещах надо предупреждать. Ведь это очень важное обстоятельство, понимаешь?

Ника кивнула. Всё. Сейчас скажет – мы так не договаривались. Дочь политического преступника. Да ещё Эйдус, надо же так совпасть. Полный облом.

– Извините, я подумала… Когда вы предложили мне работу… У меня и так судимость. А тут ещё отец…

– Ты побоялась, что я не захочу иметь с тобой дела? – Теперь в её глазах Ника прочла жалость. – Дорогуша моя! Нет людей, которые не хранили бы скелета в шкафу. Другой вопрос, что у тебя настоящий скелетище… Что смотришь?

Нике опять стало душно. И вода закончилась.

– Я вовсе не хотела… я не думала…

– Верю. Тебе – верю, – оборвала Леди. – Будем считать, что инцидент исчерпан. Ты поняла, и больше такого не повторится. Ты должна запомнить, что мы с тобой, в некотором смысле, партнёры. А от партнёров ничего скрывать нельзя. Что касается истории с отцом… Да, это не лучшая страница в твоей биографии. Но из этого не следует, что на тебя нельзя положиться. Каждый человек должен проходить через испытания. Закаляться, как сталь. Знаешь такую песню?

– Нет.

– И чёрт с ней, с песней. – Она улыбнулась, но блеск в глазах выдавал тревожное возбуждение. – Вот ты мне скажи: за что твой отец хотел убить Эйдуса?

– Не знаю.

– Вот как?

– Ну, он дал показания, что из личной неприязни. И всё.

– Личная неприязнь… А у тебя не возникало мысли, что у отца имелись какие-то существенные, особые причины для убийства Эйдуса?

– Нет, – после паузы ответила Ника. – Я о другом думала. Я думала, может, его подставили?

– То есть, он взял на себя чужую вину?

– Типа того.

– Хм… Вообще-то, настоящая дочь именно так и должна думать – что отец не виноват. Верно?

Ника покосилась на Леди и решила промолчать. Не поймёшь её, когда серьёзно говорит, когда надсмехается.

– Что ж, почему бы и не подстава?.. Так ты не передумала?

– О чём вы?

– О задании.

Ника «зависла» на несколько секунд и ответила вопросом на вопрос:

– А я справлюсь?

– Ты же хочешь разобраться в тех событиях и, возможно, помочь отцу?

– Хочу.

– Вот и отлично. Если человек чего-нибудь по настоящему хочет, он всегда этого добьётся. А пустые мечты – удел слабаков и нытиков.

– А что я конкретно должна делать?

Леди затушила сигарету.

– Главная задача – ты должна стать моими ушами и глазами. Поняла? Только не переусердствуй. Там дураков нет, включая Клару. Очень хитрая особа. И капризная. Но Эйдус для неё, что собака для кошки. На этом мы и должны сыграть.

– Я что, должна стать шпионкой? Как эта самая, Мата Хари?

– Не шпионкой, а разведчицей. Разницу улавливаешь?

На этот раз Леди явно насмехалась.

– Улавливаю. Это типа Штирлица, что ли?

– Ага, типа… И помни – если повезёт, ты сумеешь узнать что-то из того, что может помочь твоему отцу. Фернштейн?

– Я помню.

– Теперь поводу Клары. Ты ей должна не просто понравиться, а под кожу к ней залезть. В буквальном смысле.

Леди замолчала и внимательно посмотрела на Нику. И что это за намёки?

Ника ощутила, как у неё начинают гореть уши.

– Вы это… о массаже?

– Можно и так сказать.

Я, наверное, сейчас как помидор, подумала Ника. Фрейд писал, что покраснение, это сложная реакция, возникающая в результате подавленного сексуального возбуждения и эксгибиционистских желаний в сочетании со страхом кастрации. Во как! Не зря учила на втором курсе. Если старикану верить, так я просто сексуальная маньячка, помешанная на своём клиторе. А на самом деле меня элементарно угораздило родиться рыжей. Кожа у меня такая – чувствительная…

– Ты очень мило краснеешь. Эйдусу, наверняка, понравится. – Леди, похоже, опять решила приколоться. – Нет, и, правда, очень мило. Где-то я слышала, что покраснение снижает уровень враждебности.

– А я слышала, что никогда не краснеют только бессовестные люди, – огрызнулась Ника. Что она меня, совсем за дурочку держит?

Леди в ответ неожиданно расхохоталась.

– Ох, Ника, с тобой не соскучишься… Ты обо мне, что ли? Так я тоже иногда краснею. Особенно, когда сильно волнуюсь или злюсь. Но у меня пятна идут, а ты – настоящая милашка.

Она приложила палец к щеке и слегка наклонила голову. Лицо добродушное, а глаза – словно булавки, – вдруг заметила Ника. Сейчас наколет меня, как мотылька, и посадит в свой гербарий.

– Я ведь тебя не случайно спросила. Видишь ли, Клара, как бы точнее выразиться, она склонна к лесбийской любви. Нет, не так. К бисексуальным отношениям – так будет точнее. Тем более что с Эйдусом, судя по всему, сексуальные отношения у них давно закончились. А жить ей приходится почти взаперти.

– А почему они тогда не разведутся? Зачем нужна такая жизнь?

– Клара-то, возможно, и развелась бы, если бы ей Эйдус денег дал. А вот Эйдус… Видишь ли, он хотя и либерал, но такого, я бы сказала, национально-патриотического толка. Поправел в последние годы в поисках электората. Всё время ратует за крепкие семейные устои и прочее, и прочее… и прочее. И развод в его ближайшие планы не входит, избиратели не поймут.

Леди помрачнела – словно облачко по лицу пробежало.

– Так как, насчет массажа и прочего? Справишься?

– Я что, с ней сексом заниматься должна? – хмуро спросила Ника.

– Нет-нет, я такого не говорила. – Леди успокаивающе покачала ладонью. – Прежде всего, для тебя это обычная работа. Массаж предусматривается условиями контракта… Да-да, с тобой будет заключён контракт через одну фирму. Тебе дадут соответствующие рекомендации, но это – наша забота. Твоя забота – выучить, как отче наш, свою «легенду», произвести нужное впечатление, а дальше действовать в заданном направлении. Но моральную грань преступать тебя никто не заставляет.

Леди выразительно вздохнула.

– Нет, если ты в чём-то сомневаешься, ещё не поздно соскочить с подножки. Пока поезд не набрал ход. Это твой добровольный выбор. Так что…

Я не отступлю, подумала Ника, поймав прищуренный взгляд Протасовой. Она меня специально провоцирует, берёт на понт. Хочет понять, на что я гожусь, и где мои слабые места. Не дождётся! Такими знакомствами не разбрасываются. Особенно в моём положении. И всё же… Не совсем такой работы я ожидала, когда Леди говорила об ответственном задании.

– А вы и вправду думаете, что это как-то может помочь отцу?

– Я предполагаю. Знаешь, главное – поставить цель. Под лежачий камень вода не течет… Ты, кстати, давно отца видела?

– Я не езжу на свидания.

– ?

– Он не хочет. Совсем запретил.

– Вот оно чего… Знаешь, я попробую что-нибудь разузнать. Есть же ещё юридические каналы.

– Это очень дорого стоит.

– А что у нас, денег нет? – Леди укоризненно посмотрела на Нику, словно говоря: как тебе не стыдно. Ника сглотнула комок, внезапно образовавшийся в горле. Какая она… а я её ещё в чём-то подозреваю. Конечно, у неё свои интересы, но, а как же без них? Разве я не свои интересы преследую?

– Если что-то получится… Я имею в виду, с отцом. То я… я до конца жизни…

– Не будем забегать вперед, Ника. Жизнь – сложная штука. Считай, что вопрос на контроле. А сейчас тебе пора к следователю, ведь так?

Она находилась в курсе едва ли не всех её дел. Прямо «всевидящее око», а не Леди. Как говорит бабушка, не голова, а дом Советов.

– А потом?

– Хочешь спросить, когда приступать?.. Подожди немного. Мы тут пока кое-что порешаем. Да, к слову, у тебя вроде бы машина сломана? Надо в сервис отогнать.

Ника замялась. Судя по поломке и общему «трудовому стажу» её «старушки», ремонт мог влететь в копеечку. А вот с деньгами…

– У тебя с финансами-то как? Поют романсы? На вот, забирай.

Леди выдвинула ящик стола и достала пачку в банковской упаковке. Ника смотрела на деньги, не шевелясь. Опять сто тысяч? Уж больно много. Аванс?

– Бери-бери. Это твоё.

До Ники не сразу дошло.

– Это те? Вы у тех бандитов забрали?

– Зачем забрали? Сами принесли. – Посмотрев на Нику, добавила: – Мы им объяснили, что ты непричастна к их проблемам. Пусть разбираются с Илоной…

В приёмной Нику ожидал Штейнберг. Маленький, кругленький, с абсолютно лысой головой. И жутко шебутной. А уж носяра…

– Привет, Ника. Времени осталось немного, в машине всё объясню.

Автомобиль Илья Моисеевич вёл сам, при этом умудрялся не только чётко и внятно инструктировать Нику, но ещё и общаться по телефону с клиентами…

– Ну, вот и следственное управление. Ничего не перепутаете? Главное, не говорить лишнего. Ничего не видела, испугалась до смерти и всё. Знаете, как в одной старой комедии: «Шел, упал, очнулся – гипс».

– Знаю.

– Вот и умничка, что старые добрые фильмы смотрите. Сейчас ведь одна чернуха. С богом!

– А вы разве не со мной?

– Нет, что вы? Вы – обычный свидетель по делу. Для вас идти на допрос с адвокатом – только лишнее внимание привлекать. Не бойтесь ничего. Это всё для проформы.

А я и не боюсь, – чуть не похвасталась Ника, но сдержалась. Она – тёртый калач, судимость за плечами. Да только зачем этим хвастать? К тому же, что-то ей подсказывало, что адвокат и без того знает о её бурной биографии.

Общение с Усковым и Леди не проходило для Ники даром. Она тоже умела анализировать и делать выводы. До Леди ей, конечно, пока далеко, как Урюпинску до Парижа, но пример для подражания есть. Очень хороший пример – так думала в тот момент Ника.

…Разговор со следователем и вправду занял всего каких-то полчаса. Перечитывая протокол допроса, Ника вдруг поняла, что следователь подготовил его заранее. Видимо, содрал с её показаний, взятых оперативником. Вот так они и работают… Господи, я-то чего возмущаюсь, убийца недоделанная?

«Решение вопросов» заняло недели три. Почти каждый день Ника ходила в тир, отводила душу и успокаивала нервы. Взяв в руки оружие, она начинала ощущать себя в своей тарелке. К занятиям стрельбой приучил отец. Водить в тир Нику он начал лет с десяти, едва у неё окрепла кисть правой руки. Отец говорил – сделаю тебя мастером спорта. А там, глядишь, и на Олимпиаду замахнемся. Но не сбылось.

Ника выполнила норматив второго разряда, а дальше застопорилось. После ареста отца она перестала посещать стрелковую секцию. Не нравились пересуды за спиной: гляди, дочь того самого, ну, который Эйдуса чуть не замочил. И из дочки хотел снайпера сделать.

А потом ещё какой-то журналюга из желтой газетенки сфоткал её в тот момент, когда она выходила из дверей стрелкового клуба. Затем слепил репортаж с издевательским заголовком

«Стрелковая династия». После этого случая оружия в руки не брала больше года, пока история с покушением не затихла.

Но в тир всё равно тянуло. Оружие давало чувство защищённости и уверенности в собственных силах. Кто знает, может оно, это чувство, и помогло, когда пришлось схватить в руки пистолет раненого телохранителя? Звания «Мастер спорта» она так и не добилась, но суть ведь не в нормативах. Важны ещё и навыки, когда тело само знает, как реагировать.

По вечерам Ника рылась в Интернете, готовилась к встрече с четой Эйдусов. О Кларе информации почти не было. Вернее, кое-что попадалось, но старьё десятилетней давности. Ника в нём особо копаться не стала – понимала, что основное Леди ей сообщила. Зато о самом Ефиме Эйдусе электронные СМИ писали довольно часто.

Партия «Свободный выбор», возглавляемая Эйдусом, на последних парламентских выборах в Государственную Думу не прошла. Поэтому политическому тяжеловесу осталось довольствоваться постом заместителя председателя законодательного собрания Санкт-Петербурга. Какую-то работу он там вёл, выступал с законопроектами, но Ника эту муть пропустила – уж больно скучно.

Зато её внимание привлекла пара статей, касающихся бизнеса депутата. Как сообщалось в статьях, Эйдус владел агрохолдингом, несколькими торговыми центрами, гостиничным комплексом и ещё рядом объектов из категории коммерческой недвижимости. Но в последнее время начал распродавать бизнес, переводя его в деньги и высоколиквидные активы.

Шарясь в Интернете, Ника волей-неволей наткнулась на старые статьи о покушении на Эйдуса. Читать было неприятно – сразу противные мурашки по телу, словно кто-то скребёт железом по стеклу, и сердце начинает ныть – но несколько заметок осилила. Привлекло внимание рассуждение некоего политолога о том, что покушение оказалось тогда очень кстати для Эйдуса и его партии. За какой-то месяц рейтинги выросли едва ли не в три раза, и партия сумела прорваться в Думу, преодолев семипроцентный барьер.

А ведь верно, подумала Ника. Покушение-то почти накануне выборов состоялось. Случайно? Тогда, десять с лишним лет назад, она над подобным совпадением даже не задумывалась. Не до того было, да и что она в то время понимала в политике? И сейчас-то почти ничего не понимает…

А потом, наконец, позвонил Усков. Считай, разбудил утром, Ника ещё валялась в постели.

– Подъезжайте к двенадцати часам. Алвина Яновна вас ждёт.

Разговор с Протасовой оказался коротким и почти сугубо деловым.

– Вот здесь что-то вроде твоей «легенды». – Леди достала из папки два скреплённых листка бумаги. – Прочитаешь несколько раз и запомнишь крепче маминой титьки. Ничего особенного нет, но некоторые детали учти обязательно. Во-первых, две недели назад ты направила в рекрутинговое агентство своё резюме. Позже прошла собеседование – где и с кем, тут всё указано. Во-вторых, забудь о своей судимости. Испытательный срок у тебя закончился на днях, а копаться слишком глубоко Эйдус не будет. Сиделка ему нужна срочно, потому что бывшая сиделка… – Леди посмотрела на часы, – около пяти часов назад попала в аварию. Его секретарь уже связывался с агентством, и скоро тебе перезвонят на мобильный. Назначат встречу – и вперёд. Чего так смотришь?

– Что значит – попала в аварию? Случайно?

– Разумеется, случайно. А ты чего подумала? – По лицу Леди мелькнула тень. – Думала, мы мафиози какие-то? Ты говори прямо, без экивоков.

– Странно как-то… Прямо совпадение.

– Это у тех, кто живёт одним днем, совпадение. А у нас – планирование. Будь готов, а подходящая ситуация возникнет. Впрочем, тебя это не должно заботить. Скоро предстанешь пред очи Эйдуса – вот о чём думай.

– Когда?

– Думаю, через пару деньков. На всякий пожарный случай у них там экономка есть, Раиса Маратовна. Среднее медицинское образование, укол может поставить и прочее. Сегодня Эйдус получит по электронной почте несколько резюме вместе с фото, просмотрит их, покажет Кларе, а потом уже попадёшь на собеседование.

– А почему вы уверены, что именно я попаду?

– Представь, тебе четыре яблока предложат, три гнилых и одно спелое. Вот ты, какое выберешь?.. Ещё вопросы есть? Спрашивай, а то я в Москву уезжаю на несколько дней.

– Я об Эйдусе хотела спросить. Всё-таки зачем он вам нужен?

Леди сняла стильные, в круглой золотистой оправе, очки и положила их на стол. Ника впервые видела её в очках – в них она походила на мудрую, но требовательную, учительницу. Возможно, из-за формы оправы. Но сейчас, без очков, на Нику смотрел жесткий и безжалостный инструктор по выживанию.

– Подробные наставления ты получишь позже. На этом этапе для тебя основное – войти в доверие, – она говорила короткими фразами, словно вдалбливая их в мозг Ники. – А чтобы тебя не мучили всякие там угрызения совести, запомни главное. Ты не шпион, а разведчик. Эйдус очень опасный и вредный человек. Не для меня и тебя лично – хотя, думаю, любить нам его не за что, – а для общества, для очень многих людей. А ещё запомни простую, но полезную истину. Политики – такие же люди, как мы. Только гораздо хуже.

– Почему?

– Среда обитания такая – выживают только уроды и мутанты. – Она хмыкнула. – Зона повышенной радиации, как в Чернобыле. Всё?

– Если можно, я ещё хотела узнать…

Леди неопределённо кивнула и снова надела очки, демонстрируя желание заняться чтением документов.

– Я по поводу этого происшествия. Ну, покушения на вас.

– Не было никакого покушения, – резко произнесла Леди. – Ты разве в Интернете ничего не читала?

– Я читала. В смысле, я там ничего не нашла.

– Возможно, не там искала. Была попытка вооружённого ограбления автозаправочной станции. Убили охранника, хотели поживиться выручкой… Отморозки какие-то. А мы… так, мимо проезжали. Охранника, кстати, медалью наградят посмертно. Боевой мужик оказался, из бывших ментов, не растерялся. И вдове деньжат подкинут.

– Но Зураб…

– Ты разве ещё не поняла?

Ника поёжилась. Леди взглянула на неё, как на безнадёжную двоечницу. Вот сейчас нахмурится и скажет: «Ну вот, Шагина. А ещё ногти накрасила. Садись, двойка».

– Не знаю я никакого Зураба, – отрубила Леди. – А ты – тем более. Усекла, снайпер?

– Я всё поняла, Алвина Яновна. – Ника встала со стула. – Извините.

Чего не понять? Тема закрыта. Намёк на снайперские успехи прозвучал очень прозрачно. Она совершила убийство. И не в её интересах возвращаться к этой теме.

– Не извиняйся, а учитывай. Ступай, Никит*а*.

Уже выйдя из кабинета, Ника вдруг подумала, что Леди могла подразумевать и другое, назвав её снайпером. Не намекала ли она на почти ежедневные походы в тир? Получается, они за ней следят? Тогда Леди демонстрирует свою осведомлённость. Или всё-таки речь шла об убийстве Зураба?..

На улице Ника направилась было к своему, припаркованному в сторонке, «жигулёнку», как вдруг заметила на тротуаре бритого верзилу Бориса. Того самого, что сопровождал её до квартиры по поручению Ускова. Увидев Нику, Борис приветливо помахал рукой. Мужчина, стоявший рядом с ним, полуобернулся, и Ника, ещё не успев разглядеть лица, поняла, что это Михаил. Правая рука у него висела на чёрной перевязи.

Вот это да! Быстро его из больницы выписали. Небось, заживает, как на собаке. Ноги Ники как-то сами собой двинулись по направлению к телохранителю Леди. Надо же на спасенного тобой человека глянуть.

Ей была приятна мысль о том, что она выручила совсем незнакомого ей Михаила, можно сказать, спасла от смерти. При встрече с Леди у неё такого ощущения не возникало – та подавляла Нику своим превосходством. Вроде и не смотрела сверху вниз, но постоянно чувствовалось, что ты перед ней что-то вроде верноподданного. Казалось, протянет руку – и поцелуешь не задумываясь, будто перед тобой церковный иерарх. Да-а, поставить себя так – тоже искусство.

А Михаил… Раненый был, а не забыл поблагодарить, хотя и морщился от боли. А Леди? Кстати, ведь даже «спасибо» не сказала, только деньги передала через Ускова. Вот так у них, у богатых…

Усков обмолвился, что Михаил назвал её храброй девушкой. Не забыл, значит. Ну-ну… Интересно, сколько ему лет? Хотя, какая разница?

Михаил внимательно смотрел на Нику, слегка наклонив голову. Лицо расплывалось в открытой и добродушной улыбке.

– Ну, здравствуй, Никит*а*.

– Она к тебе за бутылкой пришла. – Борис хмыкнул. – Ты ей бутылку должен поставить, так Леонидыч сказал.

– Я не пью, – сказала Ника. – И вообще…

Она смутилась. Кажется, даже щеки начали розоветь. «Все мужики – сволочи», – сказала она про себя, чтобы сбить неожиданное волнение. Чего я перед ними распинаюсь?

– Вот и врёшь. – Борис, видимо, был не прочь потрепаться. – На день милиции пьёшь, я знаю. Хочешь, я вместо Мишки поставлю?

– Вот когда тебя спасу, тогда и поставишь.

Михаил молчал, лишь продолжал улыбаться. Но уже чуть заметно, скорее, по инерции.

– Да я хоть сейчас, – не унимался Борис. – От чего спасать будешь?

Вот, пристал, подумала Ника. Длинный и тупой, как шланг.

– Я хотела спросить, как ваше здоровье? – Она посмотрела на Михаила, решив игнорировать навязчивое внимание Бориса. Глядишь, отстанет.

– Да вот, ничего. – Телохранитель слегка повёл рукой на перевязи. – Почти готов к труду и обороне. Уговорил врача, чтобы выписали.

– Да уж, прямо трудоголик. Пост у него, Ника, ответственный, номер один. – Борис продолжал ёрничать. – Боится, что заместитель без него управится.

– Шёл бы ты, заместитель, на… свой пост, – негромко бросил Михаил. – А то сам без работы останешься. Поговорить не с кем? Или ты теперь Нику охраняешь?

– Да ну тебя, – недовольно отреагировал Борис. – Чего я сказал?

– Вот и не говори. А девушка вообще не к тебе шла, а к боевому товарищу. Верно, Ника?

«Да», – хотела сказать Ника, но в последний момент сдержалась и неопределенно пожала плечами. Она уже жалела о том, что вообще подошла. Помахала бы рукой в ответ и всё. У них тут свои отношения и разборки. А её дело маленькое. Зато особое. Леди же не зря предупредила – общаться только с ней или с доверенными лицами. Вряд ли эти телохранители-охранники входят в число доверенных лиц Протасовой. Не тот масштаб.

– Ладно, я и, правда, пойду. – Борис даже изобразил зевок, демонстрируя безразличие, но в голосе звучала лёгкая обида. – Пора бутерброд зажевать, а то скоро в аэропорт ехать.

Он покосился на Нику и, не попрощавшись, поплёлся в сторону офиса.

– У тебя-то как дела? – Михаил уже не улыбался, а глаза и вовсе показались Нике грустными.

– Ничего.

– Не ожидал тебя здесь увидеть. Даже опешил немного.

Ника сделала «лицо кирпичом». Он что, её на откровенность вытягивает? Не дождётся.

То, что телохранитель сразу обратился к ней по-свойски на «ты», Нику ничуть не напрягло. Кто она такая, чтобы ей взрослые дяди «выкали»? Так, массажист недоделанный. Когда плешивые типы, вроде Ускова, начинают изображать вежливость, это даже настораживает. А Михаил, похоже, простой парень. Вернее, мужчина. Староватый уже. Наверное, далеко за тридцать.

Михаил чем-то напоминал Нике отца. Тому было тридцать семь, когда посадили. Таким Ника его и запомнила во время единственного свидания – спокойным и уверенным. Даже тюрьма отца не изменила. Разве что, глаза прятал, словно стеснялся. А Михаил не прячет. Но вот простой ли он? Или изображает простачка?

– Вы опешили, а Борис обрадовался. – Ника, наконец, решила, в каком духе будет продолжать беседу. Пусть думает, что она кокетничает.

– Ну, Борис… Я, вообще-то, не в том смысле.

– А в каком?

– Ну-у…

Ему явно хотелось спросить Нику о том, что она здесь делает. Хочется – спрашивай. Чего молчишь? Нельзя? Не принято? Да, тайны мадридского двора… Тогда мы спросим.

– А про какой пост номер один говорил Борис?

– Он шутил… А если серьёзно, то он сейчас мои обязанности выполняет, телохранителя Протасовой. Пока… Он – неплохой парень. Только болтает лишнего. Иногда.

Понятно, подумала Ника. Обязанности телохранителя Леди, значит, пока доверили Борису. И сегодня он должен ехать с ней в аэропорт. Значит, она не соврала, что уезжает в Москву. Действительно, будь я шпионом, болтовня Бориса могла дать мне полезную информацию. Хм… Я, кажется, помаленьку начинаю походить на этого, как его, Штирлица.

– Ника… У тебя на самом деле всё нормально?

Вот, интересно, он из вежливости такую заботу проявляет? Или из любопытства? Или искренне озабочен моей судьбой? Последнее, впрочем, надо сразу вычеркнуть. Или… или хитрая провокация со стороны Леди и Ускова? Прощупывают меня на лояльность и умение держать язык за зубами? Почему бы и нет. Я ведь, кажется, не сама подошла. Точно, не сама – Борис рукой помахал… Или у меня начинается мания преследования?

– У меня всё отлично, – ответила она. – А почему вас это заботит?

Михаил вздохнул, забавно сведя брови к переносице, а потом вдруг взял, да и уставился на Нику. Так пристально уставился, что она не выдержала и отвела глаза в сторону.

– Потому что я старый и мудрый, как черепаха Тортила. И знаю, что золотые монеты на деревьях растут только в Стране Дураков… Но это я так, в общем смысле. Могу я тебя попросить об одном одолжении?

– Вы попрос***и***те, а там видно будет, – обтекаемо ответила Ника. А всё-таки интересно, что у него на уме? Хотелось бы верить, что только хорошее. Нельзя же совсем без друзей?.. Но, как верить, если тебя с завидной регулярностью бьют мордой об забор? Один Сергей чего стоит. А Илона?

– Если у тебя вдруг возникнут проблемы, – сказал Михаил, – обещай, что обратишься ко мне за помощью.

– Обещаю, – с секундной задержкой ответила Ника. Легко. Чего выпендриваться? Пусть надеется, а там посмотрим.

Её утомил разговор. Очень много информации обрушилось на голову за последнее время. Как бы чего не упустить.

– Договорились. – Он кивнул. – И не забывай о Стране Дураков.

Михаил ушёл, а Ника ещё с минуту стояла на тротуаре. Что-то слишком много людей, думала она, предлагают мне в последнее время свою помощь. К добру ли это? И при чём тут Тортила со Страной Дураков? Он что, меня с Буратино сравнил? Ха-ха… Надо в Интернете глянуть эту сказочку – давно читала.

Глава 4. Кошки-мышки

Ей позвонили поздним вечером, когда она лежала на диване, заучивая «легенду».

– Меня зовут Рустам Назимович. Вы ведь обращались в агентство «Надёжный вектор»?

– Да.

– Так вот, Ефим Борисович заинтересовался вашим резюме. Предварительно его всё устроило, и он готов с вами встретиться.

«А когда?» – чуть не выпалила Ника, и лишь совет Ускова – никогда не отвечайте сразу, считайте хотя бы до двух – заставил её взять маленькую паузу. И она тут же поняла, что едва не совершила прокол. Может и незначительный. Но кто ж его знает?

– А-а… а кто это, Борис Ефимович?

– Мой шеф. Вы можете подъехать завтра в четырнадцать тридцать на Семёновскую площадь?

Хм… Леди говорила, вспомнила Ника, что меня сразу пригласят домой к Эйдусу. А дом находится в Ольгино.

– А что там?

– Офис… – Вот оно что. Тоже логично. Эйдус хочет предварительно прощупать меня. – Только не опаздывайте, Ефим Борисович этого сильно не любит.

Собеседник отключился, даже не дождавшись утвердительного ответа. Готовность явиться пред светлые очи работодателя подразумевалась сама собой. Что же, она подъедет и не опоздает. Не на ту нарвались, Ефим Борисович.

И все же Ника нервничала. Не потому, что боялась не справиться с предстоящим испытанием – она не могла даже допустить, что не справится. Это-то и напрягало сильнее всего. Она ещё ничего не добилась, а её уже глодал страх лишиться надежды и мечты – словно Золушку, которая успела запланировать, как потеряет туфельку и закружит голову принцу, но ещё даже не села в карету.

– У вас отличные рекомендации из массажного салона, – сказал Эйдус. – А стаж всего два с небольшим года. Вы что, действительно мастер?

– Клиентам виднее, – скромно ответила Ника. Она подготовилась и выдерживала продуманную линию поведения. Наивный короткий взгляд в лицо Эйдуса и снова вниз, в пол. Руки аккуратно сложены на коленках. Юбка средней длины – бёдра на виду, но в меру, без излишеств. Всё, как советовала Леди, – она должна походить на прилежную и послушную старшеклассницу.

– А почему уволились из салона?

– У них сокращение штатов. Кризис, клиентов стало меньше.

– Хм… Ну да. Всеми видами массажа владеете?

– Все, что предусмотрено прейскурантом.

– Прейскурантом?

Бросив взгляд, она успела заметить, как брови Эйдуса поползли вверх.

– В салоне всё по прейскуранту.

– А-а, ну да… И стаж работы медсестрой, смотрю, у вас тоже есть.

– Я на сестринском факультете учусь.

– Я знаю, да… А чего же в массажистки пошли?

– Честно?

– А как же ещё? – он иронично прищурился.

– Там зарплата больше. Мне же ещё за учёбу надо платить.

– По-онима-аю… А ваши родители? Вы ещё так молоды…

– Мама умерла, от рака.

– …Сочувствую. А отец?

– Мы с ним не живём, – ответила после паузы, не подняв головы. Чёрт, кажется, начала краснеть.

Эйдус молчал, и Ника, не выдержав, бросила в его сторону очередной взгляд. Политик смотрел прямо на неё, задумчиво наклонив голову.

Точно, покраснела. Неужели влипла?

– А какой ориентации… э-э… – протянул Эйдус, – в политике вы придерживаетесь?

Она выдохнула, на секунду расслабившись, и тут же снова напряглась. Вопросов по поводу ориентации она не ожидала. Впрочем, как и на тему политики. Он что, подумала Ника, хочет меня в свою партию агитировать? Чего я там про неё читала?

– Вообще-то я придерживаюсь либеральных взглядов. Но и традиционные ценности… – Господи, куда я лезу? – В общем, они тоже важны.

Эйдус почесал толстым указательным пальцем нос. Нос тоже, на Никин вкус, был толстоват. И в целом известный политик выглядел обрюзгшим. Длинные «казачьи» усы в сочетании с подвисшими щеками навели Нику на сравнение с моржом.

– А что вы подразумеваете под традиционными ценностями?

«Крепкая семья» – собралась произнести Ника и «зависла». А вдруг ему не понравится? Вдруг подумает, что Ника какая-нибудь морально устойчивая особа? Слишком морально устойчивая? А, была не была!

– В первую очередь, любовь к родителям.

– Хм…

Звук показался Нике одобрительным.

– А ещё… женщина должна…

– Ну-ну!

– Женщина должна… охранять семейный очаг.

– Хм… Прямо-таки, должна?

– Ну, не из-под палки. Если чувствует призвание.

– А если не чувствует?

– Тогда… тогда, это её проблемы.

Она подождала. Потом подняла взгляд – Эйдус задумчиво смотрел в окно.

– Что же… Знаете, должен вас предупредить, у Клары Агзамовны, моей жены, довольно сложный характер. Она, видите ли, инвалид второй группы…

Он перешёл к моим обязанностям – поняла Ника. Неужели он уже одобрил мою кандидатуру? Похоже на то. Иначе, зачем такие подробности?

– А готовить вы умеете?

– Умею, – ответила, не раздумывая. А чего? Яйца жарить умеет. Макароны сварит и гречку. Вот с супом сложнее. Но если бросить варить мясо и картошку, то что-то всё равно получится. Она, в конце концов, в сиделки нанималась, а не в повара.

– Хотя это не так важно. Так, на крайний случай. Видите ли, прислуга должна уметь подменять друг друга.

Нику кольнуло слово «прислуга». А ведь действительно прислуга. И что теперь? Пора привыкать. Прислуга от слова «услуга». Или от «слуги»?

Какая ей разница?! Главное – цель! И она только что сделала шаг в её направлении.

– Значит, вам понятен круг ваших обязанностей?

– Конечно. – Ну, вроде, справилась. И не такой уж страшный этот либеральный политик с традиционными ценностями. Даже добродушный, как старый морж.

– Что же, это хорошо. Сейчас вы можете идти. Вам перезвонят.

Ника поднялась со стула. Выпрямилась. Бодро взглянула на Эйдуса.

– Спасибо.

Шагнула в сторону двери.

– У меня остался практически один вопрос, – мягко произнёс «морж». – Почему вы умолчали в резюме о вашей судимости?

Если бы Ника видела фильм «Семнадцать мгновений весны», она бы знала, что сейчас столкнулась с любимым приёмом папаши Мюллера. И назывался этот приём «вопрос в спину». Но она не смотрела старое советское кино, кроме некоторых комедий. К тому же, расслабилась. И потому растерялась. А вслед за этим густо покраснела.

– Мне… я… – Она сглотнула слюну. – Я не умолчала. Но по закону… судимость уже погашена.

– Это по закону. А по сути… – Эйдус говорил тихо, не повышая голоса. И Ника вдруг почти успокоилась. Ну, подумаешь, не выгорело. Надо было предвидеть. Даже Леди ошиблась, утверждая, что Эйдус не станет глубоко копать. А он копнул. Значит, не судьба.

– Просто, мне очень сильно нужны деньги. У меня бабушка болеет. И учёба…

– И ради этого вы готовы пойти на подлог?

У Ники горело уже, кажется, всё. Не только уши, лицо и шея, но и грудь. А, может, и где пониже. Она даже вспотела. Но не от стыда, а от злости. Проклятая судимость! Проклятый Сергей! Проклятая Илона! Будь прокляты все и всё, из-за чего ей приходилось сейчас лгать и изворачиваться.

– Получается, что готова, – хриплым шёпотом выдавила из себя Ника.

– Вам действительно так нужны деньги, или вы просто их сильно любите?

Он что, ещё собрался мне мораль читать? Ну уж нет, дудки!

– И то и другое, – дерзко посмотрев в глаза Эйдусу, сказала Ника. – А кто их не любит? Я могу идти?

Умерла, так умерла! Она пыталась бодриться, но ощущение безнадёжного провала уже сжалось болезненным камнем где-то под ложечкой, сбивая дыхание. И сердце вдруг начало колотиться, как оглашённое. Ведь почудилось же, что первый барьер преодолён. Однако…

– Ступайте.

Она добрела до двери и взялась за дверную ручку.

– Хотя… Знаете, если, так сказать, с испытательным сроком…

Чего? О чём это он?

– Впервые вижу человека, который так… э-э-э, так удивительно честно краснеет… Когда вы готовы приступить к работе?

– Я?.. – голос снова предательски сел. И мысли куда-то разбежались, оставив пересохший язык без поддержки. Ну и денёк! Закалка, блин!

– Вы, вы. А кто же?

– Конечно, я могу! Э-э… в смысле, могу хоть сейчас… Если, конечно, надо.

Эйдус усмехнулся. Усы уже не свисали, а довольно топорщились, как у сытого кота. Взбодрился от игры с наивной мышкой?

– Не стоит торопиться. Езжайте к себе, соберите нужные вещи. Вы ведь поняли, что должны там находиться круглосуточно, кроме выходных?.. Клара будет ждать вас завтра в десять утра. Честно говоря… честно говоря, на это место было много кандидатов, э-э, скажем так, с незапятнанной репутацией. Но Клара уже видела вашу фотографию, и чем-то вы ей приглянулись…

Выйдя из офиса, Ника села в машину и тут заметила, что дрожат руки. Подождала с минуту, но дрожь не проходила. Противная мелкая дрожь, идущая изнутри живота. Словно червяк заполз и сосет твои внутренности… Но Ника понимала, что дело, разумеется, не в животе, а в её сознании. Вот откуда всё шло.

Нике и хотелось, и кололось; она и рвалась проявить себя на неожиданном поприще, и боялась… При Эйдусе она сумела, пусть и плохонько, сдержать эмоции, но сейчас всё разом нахлынуло: и ожидания, и страхи, и чувство радости от того, что она всё-таки справилась.

Дрожь то утихала, то усиливалась, и ладони стали липкими. Она вылезла из «жигулёнка» и побрела по улице. Заметив вывеску пиццерии, зашла и заказала чашку чая. Затем сходила в туалет и умылась холодной водой. Потом позвонила Ускову – надо обрадовать доверенное лицо Леди.

– Значит, он узнал о судимости? – «Ихтиандр» посопел в трубку. – Да-а, не ожидал я, что он будет так привередничать. Видимо, подстраховывается со всех сторон.

– А почему он тогда меня взял? Неужели лишь из-за того, что Кларе моя фотография понравилась?

– Вряд ли. Это он, скорее, для красного словца… Вполне возможно, что фактор вашей судимости как раз и сыграл решающую роль.

– Я не понимаю.

– Видите ли, наш общий знакомый – старый и хитрый лис. И наверняка знает давнюю истину – лучше иметь дело с человеком с подмоченной репутацией, чем с безупречной. Человек с душком, он, понимаешь ли… – Усков внезапно замолчал, прокашлялся. – Вы не обижайтесь на меня за профессиональный цинизм. Но вы, Ника, для него действительно девушка с душком. Тем и привлекательны.

– А для вас? – не сдержалась Ника. И когда она, наконец, научится держать язык за зубами? С другой стороны, при такой нервной жизни никакого терпения не хватит.

Усков снова кашлянул.

– Таки обиделись на старика? Эх, молодо-зелено. Я же это образно, для доходчивости… Давайте вот что. Подъезжайте к нам вечерком к семи часам, там всё обговорим…

Усков ждал Нику в своём кабинете, который находился напротив приёмной. В отличие от «апартаментов» Протасовой, помещение, где трудился её помощник, не содержало излишеств вроде диванов и, тем более, комнат отдыха. Средних размеров стол, несколько металлических стульев с кожаной обшивкой, небольшой книжный шкаф со стеклянными дверцами и гардеробная стойка на колёсиках. А ещё в углу, у окна, стальной шкаф-сейф.

– Чай, кофе?.. – Усков был в своём репертуаре – приятная улыбка и «рыбьи» глаза. – И я не буду… Я вижу, вы чем-то расстроены?

– Нет. Просто нервничаю немного.

– Это нормально. Вы преодолели первый, и не такой уж простой, барьер. Образно говоря, перебрались через высокий забор. А в таких случаях редко обходится без заноз и мелких ссадин… Лазали в детстве через заборы? К соседям там, малину воровать? Романтика!

– Как-то не приходилось, – сухо отозвалась Ника. Тоже мне, романтик, блин.

– Зря, незабываемые воспоминания. И характер закаляет. Ладно. Раз уж вы преодолели первый барьер, пора кое-что прояснить. – Он внимательно посмотрел на Нику, словно проверяя её готовность слушать. – Способ поближе подобраться к Эйдусу мы искали давно. Зачем именно – Алвина Яновна вкратце вам рассказала, а подробности пока ни к чему. Но сам Эйдус ведёт себя крайне осторожно. Боится компромата. Конспигация и ещё газ конспигация. Знаете, кто так говорил?

– Нет.

– О Ленине что-то слышали?

– Слышала. Это, который лысый и с кепкой у Финляндского вокзала? – Усков прищурился. – И щурится, почти как вы.

Собеседник улыбнулся.

– Ха-ха… Ох, и злюка вы, Ника. Иногда. А так – очень милая девушка. Правда-правда, я вас ценю и уважаю… Ладно, тему с вождём мирового пролетариата закрыли. При случае можете развить её с Эйдусом. Его наверняка порадуют ваши познания в истории… Так вот. В конце концов, мы пришли к выводу, что самое слабое звено в ближайшем окружении Эйдуса, это Клара. Однако она, в силу целого ряда обстоятельств, почти не покидает пределов усадьбы. Оставался только один вариант – подобраться через прислугу.

Мы собрали кое-какие сведения и выяснили следующее. Сиделка Людмила работала у Клары больше двух лет. Раньше Клара их меняла, как перчатки. А вот эта – задержалась. Просто незаменимая.

Попытались мы с этой Людмилой наладить контакт, но ничего не получилось. Отказалась она наотрез общаться с нашими людьми. Может – выгодную работу потерять боялась, может – ещё какие-то факторы влияли.

Давить мы не решились, чтобы не засветить нашего интереса. Есть там ещё экономка Раиса Маратовна, на все руки мастер. Она у Эйдусов давно, года четыре. С ней мы тоже пробовали контактировать, но ничего не получилось, как и с Людмилой. Тогда и возник вариант внедрить к Кларе своего человека.

Мы провели соответствующую работу в агентстве, через которое Эйдус всегда подбирал персонал. Договорились, что в нужный момент те «рекомендуют» Эйдусу подходящую сиделку. После этого начали искать девушку, которая отвечала бы всем необходимым критериям. Кандидатур рассматривалось много, и тут на глаза попались вы, Ника.

– А если бы я не согласилась?

Он пожал плечами.

– Нашли бы другую. Умные люди никогда не ставят на одну лошадь.

Так, я ещё и лошадь, подумала Ника. Откровенно.

– Как видите, Ника, я с вами откровенен. Мы выбрали вас, а вы – нас. Теперь мы вправе надеяться на взаимовыгодное сотрудничество. Так?

– А если бы эта девушка, сиделка, не попала в аварию? – Ника посмотрела прямо в глаза Ускову. Пусть не держит меня за дурочку. И не думает, что я его боюсь. Ещё увидим, кто из нас лошадь.

– Не попала бы в аварию, попала бы ещё куда-нибудь, – жестко произнёс помощник Леди, не отводя взгляда. – Мы занимаемся серьёзными вещами, и фактор случайности имеет для нас второстепенное значение.

Ника сморгнула и перевела глаза на настенные часы. Не стоит нарываться, подумала она. Кто знает, может, этот Усков ещё опаснее Леди. И, уж точно, гораздо неприятнее. Лысый пень с рыбьими глазами.

– А что с ней произошло, этой Людмилой? Она серьёзно пострадала?

– Относительно, – без эмоций отозвался «пень». – Руку сломала и пару рёбер. Эйдусы наверняка надеются на её возвращение. Уж Клара – точно. И пусть надеются. Для нас это даже лучше.

– Чем?

– Они не будут к вам относиться слишком требовательно. Даже если вы в чём-то облажаетесь… извините, я хотел сказать – допустите ошибку, вам не покажут тут же на дверь. Часто менять сиделку – лишние хлопоты. Разумеется, речь идёт о незначительных ошибках, грубо ошибаться нельзя. Но что-то мне подсказывает, что вы справитесь.

Интересно, подумала Ника, он и вправду так считает, или это что-то вроде моральной поддержки, типа морковки для лошади? Или лошади не едят морковь? Господи, я никогда не имела дела с живой лошадью.

– Над чем задумались? Сомневаетесь в собственных силах?

Чёрт, опять он меня просёк.

– Я не знаю… Я только сегодня узнала, что сиделка должна там находиться круглосуточно.

– Ну да. Это последняя девица такую моду завела. Раньше у Эйдусов сиделки работали посменно. Но Людмила всех вытеснила. А хозяев подобное положение, видимо, устраивает – меньше посторонних. И нас это устраивает. Месяца два, пока эта девица поправится, в полном вашем распоряжении. А там – видно будет.

– Она, получается, без сиделки вообще не может?

– Она, это вы о Кларе?.. Не совсем так. Тут, видите ли, надо понимать, для чего нужна Кларе сиделка. Понимаете ли, сеанс массажа и приходящий человек может провести. Уколы вообще не каждый день, в основном мильгамму ставят, два-три раза в неделю. Правда, у Клары иногда бывают сильные приступы боли, но это, скорее, пожарный случай… Тут другое дело. Её ночью без присмотра одну оставлять нельзя. Нервная дама, видите ли…

Она ещё и сумасшедшая, подумала Ника. Час от часу не легче. Какие же меня ещё сюрпризы ждут?

– Только вы сильно-то не пугайтесь. – Усков продолжал «подслушивать» Никины мысли. – Она не псих. Так, бзики всякие. По ночам спать одна боится. Может истерику закатить ни с того ни с сего… Кто с ней возиться будет, не охранник же? А помощь может потребоваться специфическая… По нашим сведениям, Клара пару раз пыталась совершить что-то вроде попытки самоубийства. Уловили?.. Поэтому одна Клара в доме ночью не остаётся. Но выходной вы можете взять, по договорённости. Вот тогда вас экономка, Раиса Маратовна, и подменит…

После разговора Усков проводил Нику до поста охраны. Остановившись, спросил:

– Всё уяснили? Если что, звоните. И, главное, сохранять спокойствие.

– Я постараюсь.

– Тогда – с богом! Хотя, честно предупреждаю, дело вам предстоит иметь в основном с чертями. А, может, и со змеями.

Усадьба Эйдуса находилась в Приморском районе Петербурга, в бывшем посёлке Ольгино. Забор из красного фигурного кирпича тянулся от угла квартала метров на пятьдесят. Участок соток семьдесят, не меньше, – прикинула Ника навскидку. Сколько же это может стоить?

Цифры в рублях выходили заоблачными, но в евро Ника решила не переводить. Хорошо живут избранники и слуги народа – чего тут ещё пересчитывать? Только вот прислуживать этим «слугам» будет теперь она. Так кто кому служит? Вопрос р*е*торический, как иногда высокультурно выражалась Илона. Да, Илона, если бы ты знала, куда меня завела твоя «лёгкая» рука…

Ворота открыл охранник – невысокий, полный мужичок лет сорока пяти в серой куртке. Посмотрел паспорт, потом вяло улыбнулся.

– Новенькая, значит? Вероника?

– Можно Ника.

– А меня Александр Васильевич кличут. Машину поставите под навес, вон туда.

«На территории всегда дежурит охранник, – объяснил вчера Усков. – Обычно он сидит в сторожке у ворот. Там установлена система видеонаблюдения за всей территорией. Дополнительно по периметру участка есть датчики движения. Так что, охранник может контролировать весь периметр, не выходя из сторожки. В доме, кроме Клары, могут находиться экономка и кухарка. Горничная и садовник – приходящие. Кухарка работает в течение дня – приготовив ужин, уходит домой. Экономка, Раиса Маратовна, бывает не каждый день, но зато подменяет кухарку по выходным, и иногда остаётся ночевать».

Ника выбралась из «жигулёнка» и открыла багажник. Достала сумку с вещами и… застыла на секунду, словно услышав команду «Замри!». Поставила сумку у ног, захлопнула багажник и только потом лениво обернулась. Метрах в шести стоял черноволосый мужчина восточной наружности и молча смотрел на неё. Тихо он подобрался, подумала Ника.

– Здравствуйте. – Ника улыбнулась. Она давно привыкла так улыбаться незнакомым людям, ещё со времен работы в стрип-клубе. Сначала улыбнись – ведь это потенциальный клиент. И ещё через мгновение поняла, кто перед ней.

«Самый опасный для вас человек – опасней Клары и Эйдуса, это Рустам Насыров, – предупредил Усков. – Он двоюродный брат Клары и что-то вроде личного телохранителя и начальника службы безопасности Эйдуса в одном флаконе. Практически всегда сопровождает Эйдуса, поэтому видеть вы его будете не часто – Эйдус в дом лишь на выходные приезжает, да и то не всегда. Но когда увидите – держите ухо востро. Хитрый, дерзкий и себе на уме».

«Но Алвина Яновна говорила, что у Клары и Эйдуса вроде отношения не очень. Даже плохие», – заметила Ника.

«Верно. И что?»

«Вы сказали, что Насыров – двоюродный брат. Как-то не вяжется…»

«Имеете в виду, зачем Эйдус держит при себе родственника жены? Это действительно некая странность. Вот и попробуйте разобраться».

И вот Насыров стоит перед ней. А сегодня четверг, прикинула Ника. Значит, Эйдус должен быть в городе. Неужели Насыров из-за меня оставил шефа одного? За что такая честь? Хотя… Эйдус же упомянул об испытательном сроке. Я – человек неблагонадёжный, бывшая пособница воров, ещё стащу серебряные ложки из сервиза. Намек на то, что меня контролируют? Похоже на то.

– Здравствуйте, – выдержав паузу, ответил Насыров. – Я проведу вас в дом и покажу, что к чему.

– Извините, а кто вы? – Ника снова улыбнулась, на этот раз смущённо и растеряно.

Дешёвый приёмчик, Рустам Назимович. И повторяетесь. Я, разумеется, не Штирлиц, но уж на такой примитивный развод не попадусь. Тем более, после игры в кошки-мышки, устроенной мне вашим хозяином.

– Ох, а я думал, вы меня узнали. Так мило улыбнулись. Мы же с вами позавчера по телефону разговаривали? Не помните?

– По телефону?

Ещё чего! Что я, экстрасенс, чтобы узнавать человека по голосу? Хватит под дурачка косить.

– Я вам звонил… Меня зовут Рустам Назимович Насыров. Я помощник Эйдуса.

– Ой, так это вы? А я Вероника Шагина. Так это вы *меня* встречаете?

Он кивнул и как-то сразу поскучнел. И хорошо, что поскучнел, злорадно подумала Ника. А то, ишь, собрался Мату Хари ловить. Нет её, никакой Хари. Я девчонка-простушка, мечтающая заработать как можно больше денег. Так что, веди меня к своей Кларе.

– Я готова. Идёмте в дом? – Она нагнулась, чтобы взять сумку.

– Идём. Кстати, можете сделать Кларе Агзамовне ручкой.

Ника подняла голову. С полуоткрытой террасы второго этажа на них смотрела женщина. Заметив, что Ника повернула голову в её сторону, она вперевалку ушла куда-то внутрь дома. Даже издалека Нике бросилась в глаза сильная хромота её новой… Новой кого? Хозяйки? Клиентки?

Задумавшись, Ника едва не споткнулась о ступеньку каменной лестницы, ведущей на высокое и широкое крыльцо. Да, не дом, а целый дворец, настоящий особняк. И его хозяйка – загадочная Клара. Главное, войти к ней в доверие, влезть под кожу, как выразилась Леди. А вот дальше – по обстоятельствам. Принеси то, не знаю что… Н-да…

Сначала Насыров провёл Нику в её комнату. Она располагалась на втором этаже, в самом конце коридора, рядом со спальней Клары. Нике сразу бросилась в глаза стеклянная дверь, выходившая на открытый балкон с козырьком. Обстановка, почти как в гостинице средней категории: полуторная кровать с изголовьем, тумбочка с ЖК-телевизором, небольшой стол с двумя стульями, встроенный гардеробный шкаф. Дополнял стандартный набор угловой компьютерный столик с установленным на нём монитором.

– Подключено к Интернету, можете развлекаться в свободное время, – пояснил Насыров, заметив взгляд Ники.

– А это что? – Она показала рукой на странную штуковину, висевшую на стене. Вроде как лампа, но из красного пластика, и внизу маленькое зарешечённое отверстие. – Ночник, что ли?

– Нет, это сигнализация. Клара Агзамовна может вас вызвать из своей спальни. Раз замигало и запикало, значит, надо тут же идти. Вы сумку пока поставьте, потом без меня уже освоитесь. А то мне уезжать надо.

Клару они нашли на крыше, в зимнем саду. Она сидела в шезлонге и слушала негромкую инструментальную музыку, доносившуюся из больших угловых динамиков. Глаза закрыты, руки неподвижно лежат на подлокотниках.

– Клара, это мы, – кашлянув, произнёс Насыров.

Женщина в шезлонге пошевелила головой и открыла глаза.

Ника неоднократно пыталась представить себе Клару, отталкиваясь от старых фотографий в Интернете, и всё-таки с трудом сдержала болезненное удивление. Даже в сердце кольнуло. Всего тридцать с хвостиком, но вот…

Клара производила впечатление молодой актрисы, которой начали накладывать грим пожилой женщины, да по какой-то причине бросили на полдороге. Действительно, рыжая. Медно-рыжая, в отличие от светло-рыжей, почти русой, Ники. Волосы пышные, блестящие. И кожа, вполне себе ничего, гладкая и загорелая.

Только вот лицо уже чуть одутловатое, и под глазами припухлые кружочки, предвестники мешков. А на левой щеке, от угла скулы к носу, по диагонали, три тонких, но заметных, шрама. Следы от знаменитого падения на стеклянный столик. Как же она умудрилась – с лестницы и на столик?

Но больше всего поразили Нику глаза – большие, но запавшие, и какие-то безжизненные, со старушечьей тоской. Такие глаза были у матери, когда она уже сильно и безнадёжно болела.

– Здравствуйте, Клара Агзамовна. – Ника изобразила самую наивную и открытую улыбку, которую смогла.

Клара моргнула, и в глазах появился блеск. Лицо сразу помолодело. Ника с любопытством наблюдала за преображением. Нет, не так уж и плохо она выглядит. Спала, наверное, или дремала, вот спросонья и… Хотя, какое спала, если всего десять минут назад стояла на террасе?

– Можешь идти, Рустам. Сами разберёмся, – лениво произнесла Клара, игнорируя Никино приветствие.

Насыров тут же исчез, словно испарился, оставив Нику у входа.

– Никогда не ходите здесь в джинсах. У вас в шкафу висит униформа. Ходить только в ней.

Ника кивнула. Похоже, подумала она, я ей сразу не понравилась.

– Что так уставились на меня? Слишком уродливая?

– Нет, – сказала Ника, отрицательно покачав головой. – Наоборот. Вы… вы очень яркая женщина.

– Что???

Клара подалась вперёд. Даже сквозь загар на щеках проступил румянец. Оп-ля! Мы, значит, тоже краснеем? Или я уже успела довести её до бешенства?

– У вас удивительно красивое лицо. Извините, если я…

Клара громко втянула воздух через нос.

– Если ещё раз скажешь подобную чушь, то вылетишь отсюда, как пробка. Не выношу, когда мне врут и грубо льстят.

Ага, перешла на «ты». Быстро же она ставит меня на место.

– Тогда не заставляйте меня лгать.

– Что-о? – в голосе Клары просквозило недоумение.

– Меня предупредили, что я должна вас во всём слушаться. И не возражать. Если вы не хотите, чтобы я говорила то, что думаю, то в следующий раз я солгу.

Клара молчала, откинувшись на спинку кресла. Моментально успокоилась? Или просто офонарела от наглости новой сиделки и готовится послать её куда подальше?

Ника лихорадочно соображала, как вывернуться из скользкой ситуации. Надо же, пройти собеседование у Эйдуса и так нелепо проколоться перед Кларой в первую минут знакомства. Леди мне этого не простит.

– Когда я вас увидела, я подумала… я подумала, что вы походите на леди Годиву. Честно.

Сравнение всплыло в мозгу интуитивно, откуда-то из подсознания. Ника ещё не успела толком понять, что сказала, но заметила, как в лице Клары что-то дрогнуло.

– Ты знаешь о леди Годиве?

– Читала в Интернете. И картинки видела. Она очень… эффектная.

На губах Клары появилась еле заметная улыбка. Или усмешка?

– Считаешь, что я на неё похожа?

– Да, – подтвердила Ника. Отступать было поздно. Что там эта Годива делала? Рыжая, это точно.

– Ну, голой на лошади ты меня вряд ли увидишь. А вот без лошади…

Всё с той же полуусмешкой-полуулыбкой она смотрела прямо в лицо Нике, и та, смутившись, отвела взгляд. И почувствовала знакомый прилив крови к лицу. А ещё говорят, что рыжие – бесстыжие. Хотя, кто сказал, что краснеют лишь от стыда?

– Напомни, как тебя зовут?

– Вероника. Но я привыкла к Нике. Называйте, как вам будет удобней.

Клара сморщила аккуратный, с едва заметной горбинкой, нос и шевельнула губами, будто собираясь что-то сказать. Вздохнула. Придирчиво оглядела Нику снизу вверх.

– Иди, переоденься. Потом помассируешь меня. Посмотрим, что ты умеешь делать руками. Язык-то у тебя точно подвешен.

Глава 5. Усмешка Годивы

Первые дни в усадьбе оказались на удивление скучными и пустыми на события. Даже Эйдус на выходные не появился. Экономка Раиса Маратовна «по секрету» шепнула, что «хозяин» на несколько дней уехал по делам. Клара Никой почти не интересовалась. Один раз спросила, после самого первого сеанса массажа, о том, где Ника работала раньше. Когда та ответила, вскользь заметила: «Вот как? Знаю этот салон. – И, вздохнув, добавила: – Когда-то сама туда ездила». Развивать тему Ника не осмелилась.

Встречались они с Кларой только во время массажа. Правда, заказывала его Клара часто, два-три раза в день. Видимо, очень нравилось. Едва Ника начинала разглаживать кожу, приступая к начальному этапу, как Клара тут же расслаблялась и, прикрыв глаза, задрёмывала, словно довольная рыжая кошка. Казалось, вот чуть-чуть – и замурлычет. Изредка, ленивым голосом, давала команды: «Ещё вот здесь… тут посильней, ага… хватит тут, дай перевернусь…»

Сеансы проходили, по настроению Клары, или в солярии на массажном столике, или непосредственно у неё в спальне, на кожаной кушетке. После очередного сеанса в спальне воскресным днём Ника осторожно спросила:

– Клара Агзамовна, а Ефим Борисович сегодня уже не приедет?

– А зачем он тебе? – отозвалась Клара после паузы.

Она лежала, ленивая и полусонная, на кушетке, в одних трусиках, подложив под голову подушечку. Небольшие, но округлые и выпуклые, словно дыньки, груди бесстыже топорщились темно-розовыми сосками. Ника давно привыкла к обнаженным женским телам, и тело Клары не вызывало у неё никакой особой реакции. Да, красивое и пропорциональное – если не считать изувеченной, в лодыжке, ноги. Но было в нем, одновременно, нечто ненатуральное – словно в искусно сделанной кукле. Клара действительно напоминала куклу: в основном – равнодушную, временами – злую.

– Он сказал, что должен со мной договор подписать.

– А что, не подписал ещё?.. Не переживай, когда-нибудь, да заедет.

Клара продолжала лежать с закрытыми глазами, не демонстрируя желания к общению, но и не проявляя раздражения. И Ника решила продлить разговор. Надо же как-то наводить мосты и укреплять контакты?

– Ефим Борисович сказал, что меня с испытательным сроком взяли.

– И что? По любому заплатим.

– Я не об этом. Хотела спросить – вам нравится, как я работаю?

Клара приоткрыла глаза:

– Что, хочешь у нас подольше задержаться?

Ника деликатно присела на край кушетки.

– Хотелось бы. Я старательная.

– Из-за денег старательная?

– Не только.

– Ишь ты-ы, – всё с той же ленивой интонацией протянула Клара, но лицо оживилось. – И ради чего ты ещё стараешься, старательная наша?

– Ради людей, – тихо и серьёзно произнесла Ника, быстро взглянув в глаза Клары и снова потупившись.

– Люди, это кто? Я, что ли? Или, может, Эйдус? – Клара называла мужа исключительно по фамилии.

– Зачем мне ваш муж? – с искренним недоумением отреагировала Ника.

– Что, не нравится? Старый и злой? – Клара засунула ладони под голову, в глазах – уже ни капли дремоты. С чего она так встрепенулась?

Ника в растерянности молчала, не зная, как ответить на резкий и откровенно провокационный вопрос. Кажется, опять влипла, подумала она. Интересно, кто кого разводит на откровенность? Я – её или она меня?

– Чего молчишь? Ты же у нас честная. Боишься сказать, что у меня старый и уродливый муж?

– А если и вправду боюсь?

Она не смотрела на Клару, а та молчала. Секунда, одна, вторая… Ника осторожно подняла взгляд. Клара улыбалась. Но не весело, а, скорее, озадаченно.

– Ладно, чёрт с ним, с Эйдусом. Значит, ты из-за меня стараешься? Только не говори, что я похожа на леди Годиву.

– Извините, это было неудачное сравнение, – почти шёпотом отозвалась Ника, водя ладонью по кожаной обшивке. Ей, наконец, удалось использовать «домашнюю заготовку». Но как оно повернётся?

– Что значит «неудачное»? – Клара снова отозвалась с запозданием. Ника, похоже, ставила её в тупик. Только бы не переборщить.

– У вас живая красота. А леди Годива… она же на картинке. Если бы я была художником…

Клара задумчиво поморгала, сосредотачиваясь. Потом протянула левую руку:

– Ну-ка, помоги присесть.

Подтянувшись при помощи Ники, она присела и выпрямила спину, продолжая держаться за Никину ладонь. Потом медленно заговорила:

– Когда мне было примерно столько лет, сколько тебе… я думала, что красота, это что-то вроде счастливого входного билета в мир сплошного кайфа… Меня даже рисовал… один художник… – Она взяла Нику свободной рукой за подбородок и слегка развернула его в свою сторону. – Точно, конопатая… Вот, не могу понять, то ли ты такая простушка, что дальше некуда, то ли, наоборот, хитрая, как лиса… Хотя ты, скорее, лисичка.

Лицо Клары находилось сантиметрах в тридцати, и Ника отчётливо разглядела светло-карюю, с желтизной, оболочку её суженных зрачков. Словно у рыси. Как бы не укусила! А у самой-то, между прочим, тоже конопушки. Тоже мне, «миска».

– Ладно. – Клара неожиданно свернула разговор и, продолжая держаться за руку Ники, медленно откинулась на спину. По лицу пробежала гримаса.

– Что с вами??? – Испуг получился неподдельным.

– Что-то спину тянуть начало. Мы когда последний раз укол ставили?

– Я ещё вам не ставила.

– Вот как? Это сколько я дней пропустила?.. Сегодня вечером поставишь, после ужина.

…Выйдя от Клары, Ника закрылась в ванной комнате, находившейся в конце коридора. Скинув халатик, ополоснулась по пояс холодной водой. Потом долго рассматривала себя в зеркале. Почему все сравнивают меня с лисой? – думала Ника. Ну, рыжая немного, и что? Неужели я ещё и кажусь хитрой, как лиса? Кажусь ли? Я давно уже научилась врать и хитрить. И, похоже, мне начинает это нравиться.

Сработало ведь с леди Годивой и художником. Не зря в Интернете торчала, нашла таки затерянную информацию о том, как молодая художница писала когда-то портрет Клары. Не бог весть что, но сработало. Клара уже не крысится, как при первом разговоре.

Где-то Ника читала, если при первой встрече вы назовёте дурнушку красавицей, она сочтёт это издевательством. Если вы повторите своё утверждение при второй встрече, она сочтёт это грубой лестью. А при третьей встрече уже воспримет данное утверждение, как должное. Иными словами, она вам поверит. Женская психология, блин.

Клара же и не дурнушка вовсе, даже невзирая на шрамы и хромоту. И тело в хорошем состоянии, подтянутое и упругое. Но она измучена болью и отношениями с мужем. И ещё чем-то…

– Куда будем ставить? – Ника стояла около Клары со шприцем в руке.

Клара на секунду задумалась.

– Давай в левое плечо.

Она лениво расстегнула пуговицы короткого шелкового халата и скинула его на кушетку, оставшись в розовых трусиках. Клара вообще не носила бюстгальтера и без халата сразу становилась похожей на обнажённую одалиску – тонкая ткань трусиков не столько скрывала, сколько, наоборот, подчёркивала все интимные прелести.

– Чёртов укол, – произнесла без выражения, когда Ника воткнула иглу.

– Извините. Больно?

– Да нет. Почти нежно. Это я так, про себя… Книги любишь читать?

– Что? – неожиданный вопрос застал Нику врасплох.

– По вечерам здесь чем занимаешься, пока не спишь? Телевизор смотришь?

– Иногда. Чаще музыку слушаю по «Айфону». И учебники читаю, я же учусь.

– Понятно. А обычные книжки?

– Раньше много читала. А в последнее время больше по специальности. Времени нет.

– Теперь будет. У Эйдуса в кабинете большая библиотека. Видела?

– Нет. Мне Раиса Маратовна сказала, что туда без разрешения заходить нельзя.

– Правильно сказала. Но сейчас мы туда сходим, и выберёшь что-нибудь, на ночь. – Увидев недоумение в глазах Ники, пояснила: – Сегодня у меня в комнате спать будешь. Если заскучаешь – книга пригодится… Я, знаешь, одна плохо засыпаю, кошмары мучают. Первые ночи не стала тебя беспокоить, думаю, пусть обживётся девочка.

Она так и сказала – девочка, отметила Ника. Что бы это значило? Проявление чувств? Или обычная фигура речи? Девочками многих называют. На панели тоже девочки.

…Кабинет Эйдуса размещался на первом этаже. Ника немного схитрила, сказав, что не видела библиотеки. В пятницу, когда приходящая горничная Ирина делала генеральную уборку, Ника заглянула в кабинет через открытую дверь. Ирина там как раз пылесосила, вот Ника и не сдержалась. Но лишь заглянула, так, чтобы не нарываться.

Она знала, что внутри дома везде установлены видеокамеры. Усков предупредил, что, как правило, внутреннее видеонаблюдение отключено. Охрана его включает только по распоряжению Эйдуса в те дни, когда в доме никого нет. Но такое случается очень редко. Вернее, два раза в год, когда Клару вывозят на курорт. В остальное время камеры отключены.

Оно и понятно. Зачем Эйдусу, чтобы охрана наблюдала за его полуголой женой? А то и голой? Ведь в спальне Клары тоже установлена видеокамера, как и в солярии.

«А если охранник сам включит камеры, из любопытства?» – спросила Ника.

«Не включит, – ответил Усков. – Для этого надо сначала замкнуть реле в кабинете Эйдуса, и только потом сигнал поступит в сторожку у ворот. Теоретически, конечно, можно исхитриться и, проникнув в кабинет, вывести сигнал на компьютер охраны. Только для чего? Наблюдать за голой Кларой себе дороже. Можно не только работы лишиться, но и глаз… Но ты будь осторожней. Мало ли что…»

Теперь у Ники появилась возможность оглядеться в домашнем кабинете политика. В вотчине, так сказать. Она зашла вслед за Кларой и остановилась у порога. Та-ак. Слева от входа кожаный диван с подушками. Напротив входа, почти от угла до угла, тянулись огромные витражи. По правую руку от двери, также почти до самого угла – книжные шкафы со стеклянными дверцами. Посредине кабинета, ближе к витражным окнам, стоял длинный и широкий, светло-коричневый стол. С правого, дальнего торца – кожаное кресло. За ним глухая стена с един-

ственным украшением – габаритной картиной (примерно два метра на полтора – прикинула Ника) в шикарном золочёном багете. А на ней…

Ника, в ошеломлении, приоткрыла рот. В пятницу, заглянув в кабинет, она попросту не заметила картины, расположенной в дальнем углу. Тогда внимание Ники привлекло большое количество разнообразных часов, часть из которых стояла на столе, а часть висела на левой стене. Теперь же, при свете люстры, взгляд Ники почти сразу же уткнулся в картину. Вот это да!

– Ты чего? – небрежно спросила Клара. – Никогда столько книг не видела? Или часов? Так это Эйдус коллекционирует.

Но Ника смотрела на картину. На ней художник изобразил Клару. Она полулежала на тахте с распущенными волосами, полностью обнажённая. Одна нога подогнута, другая вытянута и откинута в сторону, словно специально открывая стороннему взгляду выпуклый лобок, покрытый тёмно-рыжими кудряшками. Полуопущенные ресницы вкупе с полуулыбкой создавали двойственное впечатление – девушка то ли дремала, то ли за кем-то лукаво подглядывала, делая вид, что спит.

Вот она, та самая картина, информацию о которой Ника нашла в Интернете. Странно, что Усков о ней ничего не сообщил. Хотя, возможно, просто не счёл это обстоятельство важным.

– Вот ты куда уставилась, – скучающим голосом заметила Клара. – Было дело, рисовала меня… одна начинающая художница. Правда, не успела полностью закончить, но тело, говорят, неплохо получилось. Художница хотела назвать её «Спящая Годива». Так что, взгляд у тебя намётан… Эйдус её никому не показывает, лишь сам любуется и смакует, как скупой рыцарь… Странно, почему она открыта.

Клара подошла к стене и нажала на какую-то кнопку за углом книжного шкафа. Снизу, от пола, вылез широкий экран-витраж и с тихим жужжанием закрыл всю правую стену до потолка.

– Считай, тебе повезло. Обычно она за экраном спрятана. Эйдус, наверное, забыл закрыть.

Врёшь ты всё, подумала Ника, ничего он не забыл. Если бы забыл, я бы её заметила в пятницу. Багет-то, вон как сверкает. Да и такую яркую красотку в натуральную величину, как не заметить? Это ты специально опустила экран перед тем, как меня сюда завести. Похвастаться решила…

Нарисовано и, вправду, здорово, да только вот никто не видит. Наверное, заходит сюда, когда Эйдуса нет, и смотрит на себя, молодую и красивую. И счастливую. Была же она когда-то счастливой? Сволочь этот Эйдус. Но что же всё-таки между ними произошло? Надо, видимо, что-то сказать, отреагировать?

– Если любуется, наверное, любит.

Глуповато. Но для такой наивной девчонки, как я, сойдёт.

– Что??? – Глаза Клары расширились. Рысь, чистая рысь, мелькнуло в голове у Ники.

– Я говорю… вы сказали, что ваш муж любуется на картину. Я подумала, раз любуется, значит, любит.

Клара прищурилась.

– Кого или чего любит?

В голосе прозвучала явная усмешка, и Ника рискнула подыграть.

– Картину точно любит. И образ. Возможно.

– Образ? – Клара сморгнула. – Ладно. Книги выбирай, Модильяни.

– У вас здесь столько книг… Жизни не хватит, чтобы прочитать.

– Когда я впервые увидела эту библиотеку, то подумала, примерно, то же самое… – Клара вздохнула. – Знаешь, до того как выйти замуж за Эйдуса, я почти не читала книг. За исключением тех, что приходилось вымучивать по школьной программе… Но затем… Жизнь – сложная штука…

– Мне кажется, что вы очень мужественная женщина. И сильная.

Клара смотрела серьёзно, даже напряжённо. Потом хмыкнула:

– Значит, я красивая, мужественная и сильная? А ещё похожа на леди Годиву… Пора начать записывать твои эпитеты, чтобы не забыть… Ладно, выбери себе книгу на ночь

– А по медицине тут есть?

– Не думаю. Возьми лучше какой-нибудь детектив…

Вызов от Клары поступил в двенадцатом часу ночи. Сначала замигала лампочка на стене, а через пару секунд раздался мелодичный звонок. Ника торчала в Интернете – читала статью о Модильяни. Раз Клара упомянула, значит, положение обязывает. Взяв со стола книгу Жапризо «Ловушка для Золушки», направилась в спальню Клары.

На стене почти неслышно бубнил телевизор. Шла передача из мира животных – легкомысленные мартышки раскачивались на лианах в тропическом лесу. Клара лежала на кровати. Увидев Нику, медленно повернулась на живот и распорядилась:

– Почешешь мне спину.

– Почесать?

– Угу. Что, мама в детстве никогда не чесала?

– Не помню.

– Я подскажу как. Где почешешь, где погладишь. Телевизор не выключай, пока я не засну.

– А потом?

– А потом можешь спать или читать. Там ночник есть. Свет полностью не выключай, я в полной темноте не могу.

Поглаживая тугую и упругую кожу Клары, Ника подумала о том, что так, наверное, живут жены султанов в восточных гаремах. Захотела – рабыни спину почешут, захотела – пятки, захотела – ещё что-нибудь… У неё появилось проказливое желание потрепать Клару за ягодицы. Интересно, как мадам отреагирует на такую инициативу? Но она сдержалась.

Всему своё время. Сейчас её главная задача – угодить и войти в доверие. Она должна доказать Протасовой, что та не зря привлекла её к работе. Остаётся надеяться на то, что Леди знает, где искать. Важно за что-то зацепиться для начала. А потом, глядишь, и поймается какая-нибудь рыбка…

Но «рыба», видимо, предпочитала лежать на дне. Один день почти не отличался от другого. Некоторое разнообразие вносили лишь долгие беседы с экономкой Раисой Маратовной.

Экономка оказалась женщиной словоохотливой, хотя и осторожной. После нескольких дней знакомства в ответ на очередной вопрос Ники, касающийся жизни семейства Эйдусов, Раиса Маратовна строго сдвинула брови и спросила:

– А ты чего такая любопытная? Как будто книгу писать об этой парочке собралась.

– Да что вы, какая книга? – Ника, задрав голову, посмотрела на дом (разговор шел в саду) и выразительно вздохнула. – Живут же люди.

– Завидуешь? – с пониманием отреагировала экономка.

– Есть немного.

– Не бери в голову, девка. – Раиса Маратовна опять свела брови. – У богатых своя жизнь, а у нас – своя. Чем так жить…

– Неужели плохо живут? – Ника распахнула ресницы.

– Плохо ли, хорошо, да не наше дело. А будешь любопытствовать – вылетишь с работы, как пробка… – Экономка многозначительно подняла указательный палец и тут же, смягчившись, добавила: – Со мной-то можно говорить. Но больше – ни с кем. Так что ты там о Кларе хотела спросить?..

Выбрать правильную линию поведения Нике помогли два факта, которыми её снабдил Усков. Первый – у сына Раисы Маратовны недавно обнаружили хроническую лейкемию. Ему требовалась сложная и дорогая операция, поэтому экономка крепко держалась за своё место, и всегда с готовностью подменяла любого из прислуги: и кухарку, и горничную, и сиделку. Второй факт тоже сильно способствовал возникновению понимания между Никой и Раисой Маратовной – какое-то время назад от экономки ушёл муж.

На эти две темы: раковые заболевания и подлость мужского племени, Раиса Маратовна отзывалась, как говорится, с полузавода, и нашла в лице Ники благодатную слушательницу. А между делом Ника выпытывала у словоохотливой собеседницы подробности из жизни семьи Эйдуса.

Однажды Раиса Маратовна сообщила, что родители Эйдуса умерли: отец лет шесть назад, а мать совсем недавно.

– А дети у Эйдуса есть? – тут же поинтересовалась Ника.

– Ребёнок у него один, сын от Клары.

– Так где же он?

– Раньше при бабушке находился. Сейчас в Швейцарии живёт, в интернате.

– А Клара? – Ника не смогла скрыть искреннего удивления.

– А Клара его видит пару раз в году.

– Почему?

– По кочану. – Экономка поджала губы и сосредоточено поводила зрачками, словно высматривая по углам шпионов. – Говорю же тебе: у богатых своя жизнь.

Помолчав, добавила:

– Клара, конечно, страдает.

– Наверное, здесь какая-то тайна, – простодушно резюмировала Ника.

– Может и тайна. Только я тебе ничего не говорила, – спохватилась Раиса Маратовна. – И нет нам никакого дела до их тайн.

Если бы, подумала Ника. Как раз очень даже есть. Хотя бы до одной тайны добраться. А там, глядишь, дело веселее пойдёт.

Клара вела себя, словно ленивая кошка, а Ника подстраивалась под неё. Ежедневная уборка в спальне хозяйки, пара сеансов массажа с малосодержательными и вялыми разговорами, да «почасушки» перед сном – вот и почти все занятия. Ника ломала голову и не могла понять, зачем Клара оставляет её на ночь в спальне. Первую ночь она почти не спала, как-то боязно было. Вдруг с Кларой какой припадок случится или ещё чего? Кто их знает, психопатов, что у них на уме? Почудится чего-нибудь с кошмара и набросится.

Но «пациентка» спала относительно спокойно. Разве что ворочалась часто, да ещё периодически бормотала неразборчиво. несвязно. Как Ника ни прислушивалась, ничего толком не разобрала.

Из усадьбы за это время Ника выезжала один раз. Для Клары она заранее придумала основные причины: на случай кратковременной отлучки и на случай долговременной. Кратковременная причина – полить растения в квартире, долговременная – навестить больную бабушку.

Поводы для отлучек предназначались в качестве маскировки личных встреч с Усковым или, в случае особой важности, с Леди. Однако особой важностью пока не пахло, поэтому Ника лишь один раз встретилась с Усковым на Петроградской набережной – посекретничали минут пятнадцать и разъехались.

– Пока всё в порядке, – сказал Усков. – Осваивайтесь и изучайте обстановку. И к Кларе подбирайтесь. А события обязательно произойдут.

– Почему вы в этом уверены?

– Потому что знаю больше, чем вы. Ситуация выходит из стадии стабильного равновесия. А это значит, что маятник скоро качнётся в одну из сторон.

– Разве нам всё равно, в какую именно? – засомневалась Ника, изобразив наивное лицо. Долгие тренировки перед зеркалом не проходили даром.

– Строго говоря – всё равно, – на мгновение задумавшись, ответил Усков. – Важно вовремя уловить начало движения. Это как в сёрфинге. В океане всегда можно найти волну – нужно лишь поймать её подошву и затем умело оседлать.

Дальше уточнять Ника не стала. Ёжику понятно, что Усков напускает туману, и ясности от него не добьёшься. Только подозрение вызовешь. Значит, нужно самой держать ушки на макушке. Знать бы ещё, в каком направлении…

В пятницу вечером Ника поставила Кларе укол и собралась, было, идти к себе, как та неожиданно сказала:

– Подожди. Хочу тебе кое-что сказать. Сядь.

Ника опустилась на кресло около компьютерного стола.

– Как тебе у нас, освоилась?

– У меня всё нормально. – Нику удивил не столько вопрос, сколько тон Клары. Обычно она разговаривала подчеркнуто равнодушно или с иронией. А сейчас в голосе «госпожи» чувствовалась заинтересованность. – Мне у вас очень нравится. Я о такой работе и мечтать не могла.

– Ладно, ладно. – Клара вяло приподняла руку. Потом пробормотала как бы себе под нос: – Что-то я себя не очень важно чувствую в последние дни. Наверное, на той неделе надо будет врачу показаться.

Она замолчала, задумавшись.

– У вас спина болит?

– Да что-то всё обострилось, – тут же отозвалась Клара. – Может быть из-за погоды. У меня осенью вообще тонус снижается… Но я, собственно, не об этом. Ты тогда по поводу договора беспокоилась. Так вот, завтра Эйдус приедет. Видимо, до понедельника. Наша сиделка пока в больнице лежит. Думаю, на пару месяцев мы тебя можем взять. Пока.

– Я вам очень благодарна, Клара Агзамовна, – с чувством произнесла Ника. – Мне эта работа так кстати подвернулась. А потом… Я сначала из-за денег обрадовалась. А теперь… Я буду стараться. Вы только скажите…

– Ты не нервничай. Вижу, что стараешься… Я тебе вот что сказать хочу. Эйдус тебя наверняка будет расспрашивать, ты не удивляйся. Он обо мне беспокоится, поэтому… Ты ему честно рассказывай, не стесняйся. Обо всём, о чём он спросит.

– О чём? – Ника снова посмотрела прямо в глаза Кларе. И сделала маленькое уточнение. Совсем маленькое, чтобы не переборщить. Кто знает, что у Клары на уме? – Я, вообще-то, не болтливая. Да и что я могу знать? Только то, что вижу.

– Вот-вот, об этом и рассказывай. – Клара слегка прищурила один глаз, выдержала паузу и перевела взгляд на стену. – Расскажи, что делаешь мне массаж, уколы. И то, что сплю я плохо, тебя по ночам бужу. Не стесняйся, мужу важно знать о моём состоянии.

Кажется, она впервые назвала его мужем. Ника отметила это машинально. Вроде бы простой разговор заставил напрячься и сосредоточиться. Ох, не случайно его завела хитрая хозяйка, совсем не случайно.

– И то, что боли у меня усилились, тоже расскажи. Ему всё важно знать, понимаешь?

– Понимаю, – ответила Ника. – Я не должна скрывать от него вашего плохого самочувствия. Правильно? Только…

– Что? – встрепенулась Клара.

– Получается, у вас сейчас самочувствие ухудшилось? Может, это из-за меня? – Голос Ники дрогнул. Она и на самом деле разволновалась. Момент был важный. Похоже, что Клара пытается перетянуть её на свою сторону.

– Что ты, ты хорошо справляешься! – На лице «госпожи» появилась несвойственная ей умильность. – Но… у меня, понимаешь, хронические проблемы. Они имеют свойство обостряться.

– Может, надо добавить физиопроцедуры и лазер?

– Ты права. Я скажу об этом Эйдусу. Впрочем, ты тоже можешь ему сказать. Наверное, мне стоит съездить в поликлинику и сдать анализы.

Ника пришла к себе в комнату и, растянувшись на кровати, попыталась сосредоточиться. Однако в горизонтальном положении логическое мышление работать не желало. Тогда она накинула куртку и вышла на балкон. Стоял тёплый, совсем не осенний, вечер. Бабье лето, наверное. Легкий ветерок не столько холодил, сколько бодрил. Ника села в кресло-качалку и погрузилась в размышления.

Клара, конечно, хитрая особа и напрямую ничего не скажет. Да и рано ещё ей со мной откровенничать. Однако ёжику понятно – она меня типа как вербует. И вербует против Эйдуса. Стимул у меня, по её представлениям, очевидный. Стоит ей топнуть ногой, и я потеряю выгодную работу. Вот она и протягивает пряник – два месяца работы, пока не выздоровеет старая сиделка. А там возможны варианты. Я, разумеется, должна на это клюнуть. А что взамен?

Если я правильно поняла её намеки, Кларе нужно, чтобы я следовала её инструкциям в общении с Эйдусом. Она знает, что тот будет требовать с меня отчета. Это культурно выражаясь – отчёта. А если грубо выразиться, я должна на Клару стучать. Откуда Клара это знает? Ну, предположим, она хорошо изучила характер и повадки мужа. Кроме того, не будем забывать о сиделке. О том, что Эйдус заставляет доносить прислугу, Кларе могла сообщить предыдущая сиделка Людмила.

Кстати, интересная мысль. Я заподозрила, что автомобильную аварию для сиделки мог устроить Усков по распоряжению Леди. Уж очень удачно всё для них совпало. Но почему бы не допустить, что сиделку «убрал» Эйдус? Может быть, она ему стала мешать? Или обманывала его в угоду Кларе? Вполне вероятно.

Хм… Тогда он начнёт «нагибать» меня. И я попаду в ситуацию слуги двух господ. А она чревата тем, что можно оказаться между молотом и наковальней. Если Эйдус почувствует, что я хитрю, он меня элементарно выпнет. А Клара?

Клара, как минимум, перестанет со мной откровенничать. Она очень хитра и проницательна. И живёт какой-то двойной жизнью. Как быстро у неё меняется настроение… Вот на кого она походит – на кошку. Та тоже делает вид, что дремлет и ничего не видит. Но стоит наивной мышке зазеваться, как цап-царап и готово…

Что это? Небольшая комната Ники располагалась в конце левого крыла здания. Её угловой балкон и террасу, куда выходила спальня Клары, разделяла кирпичная перегородка. Сейчас Нике показалось, что на террасе негромко хлопнула дверь. Она затаилась в кресле, поджав ноги и нахохлившись – куртка не доходила до средины бёдер, и вечерняя прохлада давала о себе знать.

Прошло секунд десять-пятнадцать, и потянуло запахом табачного дыма. Клара курила на террасе. Получается, не одну Нику одолевают трудные мысли в этом доме в этот поздний час.

Осторожно выбравшись из кресла, Ника проскользнула в комнату. Надо почистить зубы и умыться перед сном, решила она. Клара наверняка опять позовёт к себе в спальню – надо же поддерживать впечатление о больной и нервной женщине, которую без конца мучают ночные кошмары.

Нике пришла в голову мысль о том, что подобная легенда являлась удобным прикрытием для любовных утех Клары и сиделки Людмилы. Если, конечно, они занимались сексом. И вообще, иногда лучше притвориться больным и слабым, чем демонстрировать силу и здоровье. Не придурялась ли Клара все эти годы?

Глава 6. Пороки

Наступила суббота, и Ника напросилась помогать экономке варить борщ для Эйдуса. С заданием по чистке картошки Ника справилась относительно удачно, а вот на луке опростоволосилась.

– Кто же так режет? – возмутилась Раиса Маратовна. – Дай-ка сюда, покажу.

– А чего не так?

– Всё не так. Во-первых, крупно. Во-вторых, он у тебя весь расползётся, и придётся потом отдельные чешуйки крошить.

Ника отдала нож и стала сбоку. Пусть поворчит, потом добрее будет. А мне с любой стороны польза.

– И где вы всему научились?

– Жизнь научит. Хотя борщ варить у меня мать мастерицей была. Она ведь из-под Житомира. Родитель Ефима Борисовича, кстати, тоже из тех мест. Поэтому он понимает, что такое настоящий украинский борщ.

Везет мне на знакомства с жителями Украины, подумала Ника. Илона, вон, тоже, борщ любила.

– Получается, вы специально к приезду Эйдуса готовите?

– А то! Каждый раз варю, – не без гордости сообщила Раиса Маратовна. Помолчав, добавила: – Иногда думаю, что хозяин только из-за борща в усадьбу и приезжает.

– Тут вы, Раиса Маратовна, слегка переборщили, – раздался негромкий, вкрадчивый голос. Экономка и Ника синхронно обернулись – на пороге кухни стоял Насыров. – Хотя, в целом, политика правильная. Сама себя не похвалишь, другие и забыть могут… Когда за стол пригласите?

– Обед через час, сами знаете, – поджав губы, сказала экономка. – А вы, Рустам Назимович, не пугайте меня так. Стучались бы, что ли, или ногами топали. Я же вас просила.

– Ох, извините, забыл. – Насыров улыбнулся. Продолговатые, раскосые глаза с тёмной, почти чёрной, радужкой, маслянисто блеснули. – В следующий раз обязательно топну. Но я, собственно, не к вам, а к Виктории Петровне. Виктория, с вами хочет переговорить Ефим Борисович.

– Сейчас?

– Он ждёт в кабинете. Дорогу найдёте?.. Ах, какие у вас здесь запахи. Удаляюсь, пока не подавился слюной.

И, бросив на Нику многозначительный взгляд, тут же исчез. Так же неслышно, как и появился.

– Мог бы и подавиться, плакать не стали бы, – предусмотрительно выдержав паузу, со злостью произнесла экономка. – Тоже мне, чучмек бухарский. Подкрадывается, как кот.

– Почему чучмек? – немедленно поинтересовалась Ника. Куй железо, не отходя от кассы. – Он что, из Бухары?

– Предки, может, и из Бухары. А, может, и из кишлака какого-то. Знаю, что из узбеков. Двоюродный братец Клары. По матери.

– А Клара разве из Узбекистана?

– Нет, из Краснодара. Но мать у неё узбечка. А отец – кавказец какой-то. Клара вместе с этим Рустамом в Москву приехала. Позже она его к Эйдусу и пристроила. Рустам поначалу шоферил у него. А теперь, иш, начальником заделался. Рустам Назимович его называй, как порядочного.

– Вы думаете, он непорядочный? – в меру выкатив «удивлённые» глаза, спросила Ника.

Экономка повела головой, словно прислушиваясь. Потом ответила шёпотом:

– Был шантрапой и сдохнет шантрапой. Ты иди к хозяину, он ждать не любит.

Эйдус сидел за своим широким столом, заставленном часами, и просматривал бумаги. Кивком показал Нике на диван в левом углу.

– Полагаю, что уже освоились?

– Да.

– Я так и думал. Моей супруге, главное, не возражать. А вы ведь не возражаете, верно?

В изящных очках из тонкой оправы, выглядевшими чужеродно на мясистом носу, он походил на интеллигентного «вора в законе». Лицо простовато-грубоватое, а очки, как у модного стилиста.

– Я не конфликтная, – тихо отозвалась Ника. – Вы же сказали, что я должна добросовестно выполнять обязанности. И слушаться Клару Агзамовну.

– У вас хорошая память. А исполнительность – вообще редкое качество у современной молодежи.

– Я стараюсь.

– Да-да, Клара мне так и сказала. Старательная, говорит, девушка. Как она, кстати, себя чувствует?

Странный вопрос для человека, недавно разговаривавшего с женой, подумала Ника. Клара наверняка тебе всё рассказала. Что же, повторим на бис.

И она изложила «согласованную» версию о болезненном состоянии Клары.

– Кларе Агзамовне, наверное, надо показаться врачу. Возможно, провести обследование.

– Да-да. Вы верно рассуждаете. – Эйдус помолчал. – Нам нужно оформить трудовые отношения. Порядок есть порядок. Пожалуй, до конца месяца я могу вас взять. Пока. А там посмотрим.

Вот, козёл! Ника едва сдержала возмущение. Ведь Клара говорила о двух месяцах. Ясно, решил меня помариновать.

– Что-то не так?

– Нет, что вы! Большое вам спасибо. Мне так нужна работа. Только…

– Ну-ну.

– Я хотела ещё сказать о Кларе Агзамовне… Знаете, мне кажется, она слишком много курит. Ей вообще бы не следовало…

– Да-а? А вы ей об этом сказали?

– Нет. Мне неудобно. Разве я могу делать ей замечания?

– Это верно. Но вы молодчина, Ника, что сказали об этом мне. Я очень беспокоюсь за здоровье своей жены. Оно у неё такое хрупкое… Что-то ещё?

– Да, если разрешите. Мне показалось, она слишком расстроена. Видимо…

– Да-да?

– Мне показалось, это связано с предыдущей сиделкой. Той, которая попала в аварию.

Ника рисковала. Но она просчитала этот риск. Должен же её «доклад» чем-то отличаться от той «лапши», которую мужу «навесила» Клара? Иначе Эйдус сочтет её бестолковой.

– Да-а-а?

– Я слышала, как Клара Агзамовна разговаривала с ней по телефону. Я так поняла, что та девушка лежит в больнице?.. И выглядела очень расстроенной. Я даже не знаю, зачем я вам это говорю… Наверное, я лезу не в свои дела…

– Вы продолжайте.

– Видите ли, Кларе Агзамовне нельзя лишний раз волноваться. Уж слишком она переживает… Нет, наверное, это не моё дело. Пожалуйста, не рассказывайте Кларе Агзамовне, о том, что я…

Она слегка «заложила» Клару. А как иначе? Ведь она – слуга двух господ. И что-то ей подсказывало, что Эйдус зачтет эту её «излишнюю откровенность». Если она, конечно, правильно разобралась в ситуации.

– Конечно, конечно. Вы поступили совершенно верно. Этот разговор останется между нами… А вы наблюдательны. Клара действительно принимает всё слишком близко к сердцу. Как вы думаете, она *просто расстроена* или эта девушка ей близка?

– Я не знаю, – протянула Ника. – А как понять… разницу?

– Как она к ней обращалась?

– Люда. Ещё… кажется, она называла её Мила. И ещё…

– Ну-ну?

– Кажется, она назвала её милой. Раз или два… Знаете, я специально не прислушивалась.

Он довольно пошевелил усами. Потом написал что-то короткое на бумаге, лежащей перед ним на столе, и поднялся с кресла.

– Сидите-сидите, я подойду. – Эйдус приблизился к Нике почти вплотную и протянул несколько листков, сшитых скрепкой. – Почитайте ваш договор.

Пальцы у него были короткие и толстые, поросшие на фалангах седыми волосами. Словно сосиски со щетиной. Фу! Ника взяла документ и быстро, для проформы, пробежалась по тексту. Она же доверяет этому человеку, верно? Но в силу своей природной ограниченности и наивности должна кое-чем поинтересоваться.

– Так много???

– Разве это много?

– Спасибо вам огромное! Я никогда столько не получала.

Что-то зацепило её внимание, она сразу не сообразила, что именно. Вернулась на предпоследнюю страницу. А, вот оно, срок действия договора. Он продлил срок на месяц. Сработало! А не такой уж он и хитрый, этот хвалёный политический деятель.

Ника подняла глаза и заметила, что Эйдус смотрит прямо на её бёдра. Вернее, между них. Халатик-то короткий. И полы разъехались. Вот, чёрт! Лишь бы не покраснеть.

Она сунула, не глядя, бумаги куда-то в направлении Эйдуса.

– Я могу идти?

– Не надо. – Он мягко отвёл её руку. – Это ваш экземпляр. А вы распишитесь, пожалуйста, на моём. Он на столе лежит.

Она поднялась и прошла к столу, почти физически ощущая сзади похотливый взгляд Эйдуса. Интересно, кто у них завел такую униформу для сиделок? Клара? Или сам Эйдус размер халата подбирал? Под рост. Вся интимность наружу, как сказала бы бабушка. Либеральный извращенец, вот кто этот Эйдус.

Подойдя к столу, она на секунду замешкалась, а потом демонстративно нагнулась над столешницей, подписывая договор. Пусть любуется и пускает слюни, старый пень! Лишь бы не стал лапать. Надеюсь, у него хватит воспитанности. А если не хватит? Что она тогда будет делать?

Этого человека хотел за что-то убить отец. По крайней мере, стрелял в него, если верить официальной версии. А она крутит перед ним ягодицами, изображая развратную девицу. Что с тобой происходит, Ника? Не заиграться бы.

– А вы, Ника, толковая девушка. Думаю, вы у нас приживётесь. – Усы у него бодро топорщились. – Знаете, вот ещё что… Позовите, пожалуйста, Клару Агзамовну, пусть она сюда зайдёт. Мне надо с ней кое-что обсудить перед обедом.

Когда Ника передала просьбу Эйдуса, Клара удивилась:

– Зовёт меня? Зачем?

– Не знаю. Сказал, что надо что-то обсудить.

Клара прищурилась. Глаза недобро блеснули.

– О чём вы с ним говорили?

– Да почти не о чём. Спрашивал о вашем здоровье. Я ответила. Всё, как вы… как мы…

– Ладно-ладно, не нервничай. – Она отвела взгляд в сторону, тяжело вздохнула. – Зовёт, так зовёт.

Ника быстро прошла в свою комнату и огляделась с балкона. День, как и вчера, стоял сухой и солнечный. У ворот курили и вяло переговаривались Насыров и дежурный охранник. Ника и вправду разнервничалась. Может, зря она сказала Эйдусу о телефонных разговорах Клары с сиделкой? Вдруг она чего-то не просекла в отношениях Клары с мужем? И тогда – конец, Клара ей этого не простит.

Почему он тут же позвал Клару? О чём-то вспомнил? Или всё-таки хочет поговорить с Кларой о ней, Нике? Если так, то, что именно он хочет обсудить? Или разговор вовсе не касается её?

Ника снова посмотрела на двор. Насыров, похоже, собрался долго трепаться. В доме только Раиса Маратовна, и она на кухне. Рискнуть? Или выждать?.. Интересно, любопытство относится к числу глупых инстинктов, о которых говорил отец? Если спонтанное, то, наверное, да. А если продуманное?

Ника продолжала рассуждать про себя на эту тему, а сама уже спускалась по лестнице на первый этаж. Собственно, чем она рискует, пройдясь по коридору мимо кабинета? Тем более что дверь уж точно закрыта. Пройдётся мимо и всё, чтобы убедиться в том, что подслушать ничего нельзя. И выйдет через задний вход в сад. Надо подышать воздухом, успокоиться.

Но дверь в кабинет оказалась приоткрытой.

Она сразу заметила это, очутившись в коридоре, и замедлила шаг. Дверь осталась приоткрыта. Совсем немного. Сантиметра на три. Но этого достаточно, чтобы расслышать относительно громкий разговор. А с чего бы им шептаться?

Ника плелась по коридору медленнее улитки, но мозг лихорадочно взвешивал все «за» и «против». Так, Насыров на улице. Если он войдёт в холл, она должна услышать, как хлопнет дверь. Но задерживаться в коридоре всё равно нельзя. Надо совсем чуть-чуть прислушаться и пройти дальше к выходу.

Есть, правда, ещё экономка. Она на кухне или в гостиной. Что если она отправится в кабинет, чтобы позвать Эйдуса на обед? А тут Ника подсматривает в щель? Конечно, Раиса к ней неплохо относится, но не захочет ли выслужиться перед хозяевами? Опасно. Очень опасно.

А ещё остаётся вариант, что включено внутреннее видеонаблюдение. Но такого не должно быть. Ведь Эйдус в доме. Нет, не должно. Вот экономка – это опаснее. А ещё Насыров. Вдруг она не услышит, как тот подкрадётся?

Ника уже подошла к двери. Пока ничего не слышно. Ещё шаг. А вдруг их там вовсе нет? Может, вышли в сад?

Вот уже и щель. И тут Ника явственно расслышала стон. Потом ещё один. Стонала Клара. Вернее, постанывала. Ой, как интересно! Ника не выдержала и осторожно, вытянув шею, заглянула в щель между дверью и косяком.

Первое, что она увидела, это голую задницу Эйдуса. Он пристроился со спущенными штанами около дивана, делая резкие толчки корпусом. Клара стояла на четвереньках на диване. Голова её, с распущенными волосами, моталась взад-вперед, в такт движениям мужа.

– А-а… а-ай, о-ой, – простонала Клара. – Бо-ольно.

– Терпи, сучка, – прохрипел Эйдус. – Получай,…

Клара вскрикнула и повернула голову направо. Нике показалось, что глаз Клары уткнулся прямо в неё. Она отдёрнула голову и застыла. Чёрт! О, ужас!! Вот это ёксель-моксель!

Медленно, почти не дыша, двинулась по коридору задним ходом. Потом, спохватившись, развернулась и вышла в холл. Только там остановилась и перевела дыхание. Сердце колотилось почти у самого горла. Ну и дела, ёжик в тумане!

Теперь понятно, подумала Ника, зачем Эйдус позвал жену – возбудился после разговора со мной. Посмотрел на мои голые ляжки и захотелось потешиться. Но что из этого следует? Получается, супружеские отношения они всё-таки поддерживают? Супружеские ли? То, что я увидела, больше смахивало на насилие. Если это так, то Кларе не позавидуешь.

Сколько же лет она это терпит? Год, два, три? Неужели с того самого загадочного случая, когда упала с лестницы? Вот здесь, кстати, упала, в холле. Но это произошло примерно девять лет назад. Неужели всё это время он её периодически насилует?

Ужас! Или ей нравится? Может Клара быть мазохисткой? Ну и семейка. Вот тебе и традиционные ценности. Впрочем, с ценностями разберёмся позже. Видела ли меня Клара? Мне показалось… А что мне показалось? У Клары просто мотнулась голова, и всё. Да и щель там всего-то с палец. Ну, или два… А если не показалось? Пожалуется ли она Эйдусу? Всё зависит от того, как на самом деле строятся их отношения. Не предположительно, а на самом деле.

Наверное, я это скоро узнаю. Если Клара и Эйдус заодно, то мои дни в этом доме сочтены. Или, даже, часы. Если только эта парочка не подыскивает себе сексуальную партнершу. Но тут уж дудки! Третьей я не буду. Пусть Леди хоть лопнет от злости, но на такое я не подписывалась.

Всё это глупости, подумала Ника, поднимаясь по лестнице. Какие, к чёрту, сексуальные маньяки? Стала бы Протасова затевать такую хитроумную и длинную комбинацию по моему внедрению из-за двух сексуально озабоченных придурков? Дело явно сложнее. Леди внятно упомянула о том, что Эйдус рвётся к власти и его надо остановить. Остановить, потому что он опасен. Опасен…

Стоп! А если Протасова ищет компромат на Эйдуса? Это уже теплее. Но в чём может заключаться компромат? В том, что Эйдус насилует жену? Но Клара вряд ли захочет предавать их отношения огласке. Хотела бы – давно бы это сделала. Тогда в чём прикол?

Она уже почти поднялась на второй этаж, когда услышала из холла голос Насырова:

– Виктория, вы не знаете, где Клара Агзамовна?

Он всё-таки подкрался. И она, задумавшись, не услышала, как хлопнула входная дверь. Следовало ожидать.

– Не знаю. Кажется, она гуляла в саду.

Пусть ищет. Ей почему-то не хотелось, чтобы Насыров сунулся в кабинет и увидел там то, что увидела она. Ей хотелось, чтобы это было их тайной – её и Клары. Хотя что-то ей подсказывало, что в доме Эйдуса для Насырова тайн нет.

Она вернулась в свою комнату и включила телевизор, чтобы отвлечься от беспокойных мыслей. Чего переливать из пустого в порожнее? Скоро всё прояснится. Если Клара меня заметила, она как-то отреагирует. В стеснительности её уж точно не обвинить. А если не заметила… Что же, будем дальше думку думать, как говаривала Илона.

Но отвлечься не получалось. Из взбаламученной памяти не шло – вот голова Клары мотается в такт толчкам Эйдуса, вот Клара поворачивает голову, и желтый рысий взгляд впивается прямо в щель между косяком и дверью…

Нет, это я уже фантазирую, подумала Ника. Рысь ещё какая-то… И не могла она моё лицо разглядеть, я лишь одним глазком в щель смотрела. Какая там ширина была?

Она решила провести эксперимент – приоткрыла дверь и, вернувшись к кровати, попыталась принять «позу Клары». Расстановка, конечно, не один к одному, но всё же… Получалось, что при взгляде мельком ничего не заметишь. Правда, надо ещё учесть освещение. Кажется, там, в коридоре, было светлее…

Она некоторое время елозила по кровати, пока в коридоре не раздался характерный перестук – Клара ходила по дому в клогах с высоким деревянным задником. Ника шустро изменила позу, сев на кровати, и затаилась. Но Клара зашла в свою комнату…

Минут через десять снизу позвонила Раиса Маратовна и позвала обедать на кухню. Потом они вдвоём с экономкой отправились «покопаться» в теплице. Ника всегда носила при себе «трубу» – при огромных размерах дома и усадьбы мобильная связь была не баловством, а условием добросовестного выполнения должностных обязанностей. Но Клара не звонила.

Сначала Ника особо не заморачивалась. Она уже привыкла, что после плотного обеда из трёх-четырёх блюд хозяйка обычно спала часа два, а потом гуляла. И только в районе пяти вызывала Нику на массаж. Однако вызова не последовало ни в пять, ни в шесть. И тогда Ника решила сама подтолкнуть развитие ситуации, следуя правилу «Тот, кто не виноват, тому бояться нечего. А на воре и шапка горит».

Собравшись с духом, она постучала в дверь Клариной спальни. Не дождавшись ответа, осторожно приоткрыла дверь и заглянула вовнутрь. «Госпожа» сидела за компьютерным столиком и смотрела на монитор.

– Разрешите, Клара Агзамовна?

– Чего тебе? – Хозяйка отозвалась с раздражением.

– Я по поводу массажа…

Клара недовольно сморщилась и махнула рукой.

– Некогда. Я сама позову.

– А уборку? – разнервничавшись, Ника полезла на рожон.

– Чего???

– Убраться бы у вас. Пыли много.

Клара оторвалась от монитора и, вперив в Нику тяжёлый взгляд, произнесла, чеканя каждый слог:

– Лучше сама уберись.

Ника закрыла дверь и, прислонившись к стене, тяжело выдохнула – у-фф. Что бы это значило? Это в каком смысле – сама уберись? Тонкая ирония?

Она вернулась в комнату. Разум подсказывал, что паниковать не следовало. Любой человек, занятый делом, не любит отвлекаться. Может, Клара что-то срочно искала в Интернете. Или в игрушку какую играла и как раз «зависла» над очередным уровнем. А в такой момент человека лучше не трогать. Ника знала это по Илоне, которая часами убивала время за компьютерными играми.

Стоп, подумала Ника. Клара, вроде, в играх замечена не была. Да и в Интернете не торчит. Сколько раз к ней заходила – компьютер почти всегда выключен. А вот сегодня… Да, точно, перед обедом она тоже у монитора сидела, когда я зашла сказать, что её Эйдус зовёт. Она ещё тогда компьютер выключила. Будто знала, что надолго уходит. Хотя это могло быть совпадением…

Клара всё-таки позвала Нику делать массаж перед самым ужином. Во время сеанса почти не разговаривали. Клара выглядела не то, чтобы злой или сердитой, но какой-то расстроенной. И задумчивой. Видя, что хозяйка не в настроении, Ника попробовала сама завести разговор:

– Клара Агзамовна, сегодня я опять у вас ночую?

Та ответила не сразу.

– А что? Надоело?

– Нет, что вы. Просто, я подумала… Может, я вам мешаю?

– Почему ты так решила?

– Не знаю. Чувствую… Вы сегодня какая-то… уставшая.

Клара помолчала.

– Вот здесь… нет, чуть повыше. Ага. Боль какая-то, разомни… Я у тебя, кстати, спросить хотела. Ты почему выходные не берёшь? Все у меня, да у меня. Из-за денег?

– Нет. Просто мне дома делать особо нечего. А с бабушкой я по телефону разговариваю.

– А с парнем?

– Что?

– С парнем сексом тоже по телефону занимаешься?

– Нет у меня парня. И вообще, – машинально добавила Ника и осеклась.

– Ну-ну! Подожди. – Клара перевернулась на спину и посмотрела Нике в лицо. – Что «вообще»?

– Ну их к чёрту.

Клара подняла руки над головой, с хрустом потянулась. Хищно прищурилась.

– Что, несчастная любовь?

– Типа того.

– И давно?

– Что?

– Несчастная любовь давно была?

– Года три прошло.

– Всё забыть не можешь?

– Наверное.

– Ну и дура, – неожиданно заключила Клара. – Этих козлов вообще любить не за что. Их не любить надо, а… Ладно, закрыли тему. А спать… – Она моргнула и, сузив глаза, посмотрела на Нику. – Где и с кем спать будешь позже решим. Перед сном. Я позову… А если не позову, значит, не позову.

Ника пришла в свою комнату и, не зажигая света, присела на койку. Нервы были напряжены до предела с того момента, как она подглядела сцену в кабинете Эйдуса. Короткий, вроде бы ни о чём, разговор с Кларой добавил раздрая в сознание Ники. И разбудил воспоминания, которые она старалась похоронить в памяти.

Всё началось с Сергея. Вся эта цепочка несчастий, предательств и измен, приведшая к тому, что сейчас она торчит в доме Эйдуса и ломает голову над порочными тайнами его обитателей. С Сергеем она познакомилась незадолго до смерти матери. Мать медленно умирала. Болезнь перешла в четвертую стадию, и мать попросила, чтобы её отвезли в поселок к бабушке. Говорила, что там хоть свежий воздух и можно выходить во двор. Наверное, ей и, правда, там было легче. Но Ника догадывалась, что мать переехала, скорее, из-за неё. Не хотела, чтобы Ника наблюдала агонию, не спала ночами. Ей ведь, дочке, нужно работать и учиться.

В это время и объявился Сергей. Спокойный и наглый, с дерзкими глазами. Нике, в том её состоянии, он показался серьёзным и надёжным. А ещё её подкупило то, что Сергей хорошо разбирался в оружии. Она, собственно, и познакомилась с ним на одном из форумов, посвящённых стрелковому оружию. Нику на это дело подсадил отец. Как-то, Нике тогда, кажется, ещё трёх не исполнилось, отец дал ей вместо игрушки учебную гранату – чтобы не плакала. Мать пришла с работы и чуть сознание не потеряла – дочь сидит в углу комнаты на ковре и пытается выдернуть из гранаты чеку… Долго мать этой истории отцу простить не могла. Говорила, от разрыва сердца спасло лишь то, что отец в это время сидел рядом у стола и смазывал пистолет «Стечкина». Вояка чёртов!

В общем, запала она на Сергея. Показался настоящим мужиком. Дура! Да кто ж научит, как дерьмо от конфеты отличать, пока сама не траванешься до кровавой блевотины?

Деньги у него всегда водились, таскалась с ним по ресторанам. Он часто оставался у неё, а затем и вовсе перебрался, как он шутил, на ПМЖ. Чем занимался – Ника особо и не инте-

ресовалась. Говорил, что занимается коммерцией, ИЧП какое-то. Иногда приносил сумки с вещами, оставлял на несколько дней. Мол, товар для продажи.

Обещал, вот, скоро проверну крупную сделку, купим тебе новую машину. Сколько на этом драндулете имени перестройки ездить? А она слушала и верила, как дура. Даже тогда верила, когда по домашнему телефону звонили какие-то девки с развязными голосами. Говорил, это по делам, бизнес, короче. И вообще – смотри на жизнь шире. Супружеская верность – атавизм патриархата. Все должны быть свободны в выборе партнеров – и мужчины, и женщины. Слышала про такую теорию о «стакане воды»?

«Слышала. Мне кажется, что это неправильно», – сказала Ника. Они сидели вечером на диване и смотрели какой-то бестолковый сериал.

«Почему? Секс – форма высшего удовольствия. Что-то вроде очень вкусной еды или вина, к примеру. Выпила стаканчик – и пошла дальше».

«Я не могу так, – возразила Ника. – Мне это неприятно, чувствовать себя стаканчиком».

«А ты себя не чувствуй. – Сергей засмеялся. – Ты сама пей. А другие будут пить тебя».

«И тебе… тебе будет всё равно?»

«Что?»

«Если меня… будут пить?»

«Почему всё равно? Мне это даже понравится. Ну-ка, покажи свою киску», – он потянулся к Нике и просунул ладонь между бёдер.

«Дурак! – Она попыталась сжать ноги. – Я серьёзно».

«И я серьёзно. А вот ты – дурочка. Создаешь проблемы на ровном месте. Но ничего, я тебя перевоспитаю».

«Это как?»

«А вот увидишь. – Глаза его похотливо блеснули. – Ну, иди сюда, девочка-целочка…»

И вскоре случилась эта мерзкая, ужасная ночь. Затем Ника себя не раз спрашивала – зачем Сергей так поступил? Чем она подобное заслужила? Неужели ему даже не было её жалко? Или он всерьёз думал, что ей ТАКОЕ понравится?

«Ты ему просто надоела, – позже доходчиво объяснила Илона. – Ты для него была словно игрушка, резиновая кукла. Он тобой побаловался, а потом решил – дай я с этой куклой поэкспериментирую. Получится что-то интересное – ещё побалуюсь. Не получится – выброшу. Мужики, они все такие. Козлы и сволочи. Или дебилы. Или всё вместе».

В голосе Илоны не было ни тени сомнения. У неё имелся достаточный опыт. И у Ники он к тому времени появился тоже.

Тогда же… Они сидели в ресторане с двумя приятелями Сергея. Одного звали Павел, а второго Ника видела в первый раз. Потом подсела какая-то девушка, кажется, знакомая Павла. Ника быстро опьянела, хотя и выпила, вроде, немного. Она вообще в то время выпивала мало и редко. Так, больше за компанию. Она ещё помнила, как поехали к ней домой. Вернее, к ним – Нике и Сергею. Сергей вёл себя как хозяин квартиры, даже прописаться собрался у неё. Хорошо, что не успел. А потом сознание почти отключилось. Почти. Кое-что, фрагментарно, она всё же запомнила.

Очнулась от ощущения того, что кто-то пытается раздвинуть ей ноги. Открыла глаза и невольно вскрикнула, увидев, чуть ли не в упор, лицо Павла. Тот, сопя, пробовал взгромоздиться на неё. С силой оттолкнула – Павел отвалился на диван, что-то забурчал.

Ника села, спустив ноги на пол. Павел снова полез к ней, вяло, но настойчиво, как зомби. Она вырвалась. Покачиваясь, вышла в коридор. Голова кружилась, всё тело ломило. Заглянула в открытую дверь гостиной. На полу, на одеялах, спали Сергей и второй его приятель – с девицей. Все голые, по полу разбросана одежда.

Сознание пробуждалось урывками. Не хотелось верить в произошедшее, всё напоминало какой-то дурной сон. Но… но… но реальность свидетельствовала о другом: бесстыдном и грязном.

Она заперлась в ванной комнате, набрала воду и долго сидела в ванной. Кто-то стучал в дверь, несколько раз подходил Сергей, уговаривал не дурить. Она молчала и ждала. Только периодически добавляла горячей воды, чтобы не замёрзнуть.

Часа через два или три всё стихло. Ника осторожно приоткрыла дверь, прислушалась. Кажется, умотали. Она собрала в два чемодана вещи Сергея, вынесла в прихожую. Туда же вытащила два здоровенных баула с товарами. Потом начала мыть пол и посуду.

Сергей позвонил вечером, спросил: «Ты как? Я зайду через часок?»

Сказала: «Заходи».

Он переступил через порог с виноватой, но наглой улыбкой. Начал: «Ты не сердись. Ты же сама так разошлась, веришь ли… – увидев в коридоре вещи, осёкся. – Зря ты так, из-за ерунды. Прямо, как девочка. Подумаешь, потрахались немного. – Прищурившись, добавил: – А ты ведь ночью была довольна».

«Убирайся».

«Ну-у…»

«Убирайся!»

«Хорошо, хорошо. Но не сейчас же, верно? Ночь ведь. Вот с утра…»

«Фёдор!» – позвала Ника.

Левша вышел из гостиной и прислонился к стене. Он был выше Сергея на целую голову, если не на полторы. Насколько знала Ника, Федя в жизни никогда не дрался, и вызывало сомнение, способен ли он вообще ударить человека. Но знала это Ника. А Сергей не знал.

«Вот оно что… Смена караула? Шустрая ты».

«Убирайся или я дам тебе молотком по голове. Видишь, я его уже приготовила. – Ника кивком показала на трюмо, где лежал молоток. – А Федя подтвердит, что я оборонялась».

«Ладно, я понял, – уже без ухмылки выдавил Сергей. – Но, будь человеком. Свои вещи я сейчас заберу. А баулы пусть постоят несколько дней. Мне сейчас некуда их тащить».

«Сутки, – ответила Ника. В душе она обрадовалась, что Сергей так быстро сдулся. – Завтра вечером я выставлю их на лестничную площадку».

«Ладно, договорились. Но, поверь, зря ты так…»

«Убирайся!»

Но назавтра Сергей не пришёл. Выкидывать сумки на лестницу Ника не решилась – чёрт его знает, что там за товар? Пропадёт, потом разборки начнутся.

Однако Сергей не пришёл и на второй день. А на третий день заявились оперативники из уголовного розыска. С обыском. И Нику арестовали. Сергей оказался квартирным вором. А в баулах хранились краденые вещи.

Ей предъявили обвинение в пособничестве и укрывательстве краденного. Следователь не хотел слушать никаких объяснений. И Сергей (в отместку, что ли?) показал на допросе, что Ника знала о происхождении вещей. Ей корячился реальный срок в колонии общего режима. Но в итоге пронесло и отделалась условным. Как-то судья разобрался. Или просто пожалел.

А дальше Нику отчислили из института и уволили из больницы. Так она очутилась в стрип-клубе. Только мать к тому времени уже умерла. Может и к лучшему – сказала тогда бабушка. Эх, Вероника…

«Вот увидишь, бабушка, я все исправлю, – пообещала Ника. – Вот увидишь. И в институте восстановлюсь. И вообще…»

Но на деле всё оказалось гораздо сложнее. Ника начала выпивать. Во время работы держалась, но в выходной день приходила в клуб и просиживала там допоздна. Дома, в пустой квартире, она сходила с ума от одиночества и отчаяния. Там всё напоминало о самых тяжелых

событиях в её жизни – и о смертельной болезни матери, и о невыносимо постыдной истории отношений с Сергеем, и об обыске в присутствии соседей…

После истории с Сергеем она стала презирать и бояться мужчин. Любой мужской взгляд, брошенный в её сторону, казался ей липким и похотливым, разоблачающим такие же неблаговидные намерения, – липкие и грязные. Илона ещё сильнее утвердила её в этих навязчивых подозрениях. А сама… Эх, змея подколодная!

Вот и верь после этого в женскую дружбу, грустно подумала Ника, сидя в темноте. Дешёвка! Я пыталась с ней дружить, потому что нельзя человеку совсем одному. Кто же виноват, что я из-за Сергея на мужиков теперь смотреть не могу?

Глава 7. Призраки прошлого

Ника лежала на кровати в наушниках, подключенных к смартфону, и прикидывалась, что дремлет под музыку. На самом деле она занималась нужным, но очень нудным делом – прослушивала то, что происходит в спальне Клары. Разрешение на установку «жучка» дал Усков, после того как Ника провела предварительную разведку. В качестве объектов для прослушки рассматривался кабинет и спальня Эйдуса, а также спальня Клары. Но помещения Эйдуса Усков решил пока не трогать. «Рано и рискованно, – сказал он Нике по телефону. – Эйдус в доме бывает редко, никаких совещаний и важных встреч там давно не проводит. Зато можно предположить, что такие помещения, как кабинет и спальня шефа, регулярно проверяются Насыровым. Можешь спалиться быстро и на ровном месте. Ты, как новый человек, первой подпадешь под подозрения. А вот спальня Клары – другое дело. Глядишь, Клара по телефону с кем-нибудь что-нибудь и обсудит».

Ника поставила «жучок» в пятницу, прицепив его под компьютерный столик. Приемник находился в «Айфоне» и ловил сигнал в пределах пятидесяти метров – так объяснил Усков. Поэтому Ника второй день повсюду таскалась со смартфоном, положив его в верхний карман халата, и в наушниках, в надежде подкараулить важный разговор. Но Клара упорно не желала обсуждать вслух свои секреты. Даже с бывшей сиделкой Людмилой ни разу не переговорила по телефону. После приезда Эйдуса появился маленький шанс, что политик зайдёт пообщаться в спальню к жене. Но и эти надежды пока не оправдывались.

Когда Ника узнала от экономки о приезде Эйдуса, она позвонила Ускову и спросила: «А нельзя микрофон прямо на Клару прицепить? К халату, например?»

Усков закашлялся, видимо, от неожиданности подавившись слюной. «Вы чего, шпионских фильмов насмотрелись?» – «А чего? Бывают же такие микрофоны, типа булавок. Можно, например, в воротник воткнуть. Она и не заметит». – «Отставить воротники и булавки – ещё бы в бюстгальтер предложили засунуть. За двумя зайцами даже зайчиха не гоняется. Когда адаптируетесь там, как следует, тогда будем дальше смотреть. А пока слушайте спальню».

Вот Ника после ужина и «слушала», одним глазом посматривая в телевизор, где шла музыкальная программа. Но у Клары в комнате тоже был включен телевизор. Она, судя по звуку, смотрела какое-то политическое ток-шоу. Так что, удовольствие Ника получала ниже среднего и даже начала дремать. И тут в спальне Клары негромко хлопнула дверь.

– Привет, сестричка, – прозвучал неразборчивый мужской голос. Ника встрепенулась. Насыров? Схватив пульт, она выключила у телевизора звук.

– Чего тебе? – не сразу отозвалась Клара.

Послышались приближающиеся шаги. Затем раздался довольно громкий шум. Похоже, что Насыров сел в кресло у компьютерного стола. Отлично!

– Дело есть, – отчётливо разобрала Ника, несмотря на крики участников ток-шоу. – Можешь этот балаган убрать?

Клара приглушила звук.

– Ну, говори. Только короче.

– Как получится.

– Нельзя завтра днем поговорить? Вдруг Эйдус зайдёт?

– Он хоккей смотрит, под виски. Едва третий период начался… Ты ещё курить не бросила?

– С такой жизнью разве бросишь?

– Это верно. Ничего, если всё получится… Пошли, посмолим на свежем воздухе, я свои сигареты забыл.

– Неохота. Да и холодно уже вечером.

– Пошли-пошли. Накинь чего-нибудь.

– Потом покуришь, я не хочу, – недовольно произнесла Клара. – Почему здесь нельзя поговорить?

– Потому что нельзя. Не доверяю я помещениям. Давно я у тебя на «жучки» не прозванивал. Надо бы проверить.

– Ты думаешь, я кому-то сильно нужна? Да и не было здесь давно посторонних… Или… постой, ты что, Нику имеешь в виду?

– Всякое может быть. Говорю тебе – на террасе поговорим.

По шуму Ника поняла, что Насыров поднялся с кресла. Она быстро соскочила с кровати и, открыв дверь, проскользнула на балкон. Близко к перилам подходить не стала – присела на корточки у перегородки, моля бога, чтобы ветер дул со стороны террасы. Иначе можно и не расслышать ничего.

Удача ей улыбнулась. Ветер дул в нужном направлении. И Клара с Насыровым остановились недалеко от перегородки. Отошли бы в другой угол, к холлу, вряд ли Ника хоть бы что-то поняла. А так слышимость оказалась достаточно хорошей, хотя часть слов звучала неразборчиво. Ника ухватила часть фразы:

– …я думала, ты её проверил.

– Ну, как проверил? Сама понимаешь, дел по горло. Со всех сторон давят. Да ты особо не напрягайся. По поводу прослушки, это я так, для перестраховки. Девица, на мой взгляд, туповатая. Ты-то сама, что думаешь?

– Не определилась ещё.

– Ну, массаж-то хорошо делает? Во всех местах, как положено?

– Убери руку… Ну!

– Ладно, ладно. Попка у тебя ядрёная, как орех – хрен удержишься. Но если тебе со стариком больше нравится… Он, кажись, тебя сегодня опять вздрючил, сестричка?

– Слушай, братец… завязывай свои … – Клара громко, со злостью, сматерилась. – На… звал? Мне твоя сексуальная озабоченность по… Если жена не даёт, подрочи в сортире.

Ника тоже выругалась. Про себя. П… ни о чём. Зачем надо было на террасу переться? Разговаривали бы в тепле. Так и замёрзнуть можно. За курткой, что ли, быстро прошвырнуться?

– Да ладно, успокойся. Эх, до сих пор вспоминаю, как мы с тобой в своё время отжигали. Неужто забыла? А ещё говорят, что первая любовь не ржавеет.

Хотя, уже интересно. Вот тебе и братец с сестрой. Ай, да Клара. Та ещё штучка.

Клара отозвалась после паузы:

– И не заржавела бы. Если бы ты не оказался такой продажной сволочью…

– Ну вот, опять.

– А что «опять»? – Клара снова повысила голос. – От тебя все несчастья. Твоя была идея – от Эйдуса избавиться… А потом сам же нас сдал.

– Сколько раз повторять, что не сдал, а прокололся? А затем уже… Если бы с тебя начали шкуру заживо снимать, я бы посмотрел, как ты запела.

– Что-то ты до сих пор в собственной шкуре ходишь. Это я инвалидом стала. А кое-кто до сих пор на зоне парится.

– Слушай, только своего декабриста сюда не приплетай, а? Я сейчас запл***а***чу. Он знал, на что шёл. Как и все, хотел бабла по-лёгкому срубить.

У Ники ёкнуло в груди. Декабриста?

– Это ты хотел на халяву в рай въехать, – с желчью отозвалась Клара. – А как прижали, так сразу обосрался. А он… У него благородство есть.

– Не смеши. Когда «хозяина» пытался завалить, я особого благородства в нём не замечал.

– А ты за кем его замечал, благородство? Ты хоть знаешь, что это такое?

– Ладно, не лечи. Это ты всех втравила. Если уж о благородстве рассуждать… А сама в стороне осталась.

– Я?! – Клара чуть не закричала. – Может, ещё скажешь, что это тебе Эйдус ногу сломал?

– Да тише ты! Чего разоралась?

Повисла пауза. Какое-то время оба молчали. Сильно потянуло табачным дымом.

– Так ты чего хотел-то? По заднице моей соскучился?

– Не без того. – Насыров хмыкнул. – Ладно, давай о делах. Думаю, что осталось совсем немного подождать.

– Немного, это сколько?

– Считанные дни. У меня уже всё на мази.

– Уверен? А с алиби как, придумал?

– Придумал. Есть один нюанс, но это не твоя забота. Твоя забота – быть в полной готовности. И не вздумай сорваться – тогда всё погубишь.

– Не сорвусь.

– Знаю я тебя. Съезди к врачу – пусть он тебя проколет чем-нибудь.

– Не учи учёную. Всё сказал?

– В общем – всё.

– Тогда пошли. Я замерзла.

Ника тоже вконец замерзла. Она быстро прошмыгнула в комнату и, закрыв дверь на балкон, тут же юркнула под одеяло. Её трясло так, что зубы начали клацать. Но она сама не могла сказать, от чего больше на неё напал родимчик – от холода или от волнения. То, что она услышала, почти не оставляло вариантов для толкования. Человек, о котором говорили Рустам и Клара, находился в заключении. Это раз. Он пытался «завалить» какого-то «хозяина». Это два. Кого Насыров мог называть хозяином? Раиса Маратовна так звала Эйдуса. И Клара упомянула Эйдуса, когда сказала про сломанную ногу.

Но больше всего Нику поразило упоминание о декабристе. Это не могло быть случайным совпадением. Отец утверждал, что происходит из рода декабриста Лунина. Якобы тот, когда жил на поселении в Иркутской губернии, сошёлся с местной мещанкой, которая родила от него сына. От этого мальчика и пошёл род сибирских Луниных, к которому принадлежал отец. Ника рассказам отца верила, а мать иронизировала. Мол, лучше бы ты из купеческого рода происходил. Тогда бы хоть деньги зарабатывать умел.

Так что, «голубая дворянская кровь» декабриста Лунина – отцовская тема. Другое дело, откуда про это знают Клара и Насыров? С данным обстоятельством ещё предстояло разобраться. Как и с тем обстоятельством, что «сладкая парочка» явно что-то затевает. И, похоже, криминальное, потому что Клара упомянула об алиби.

Ника посмотрела на часы – около одиннадцати вечера. Она не сомневалась в том, что имеет полное основание позвонить Протасовой. Никаких усковых, информация настолько важная, что её можно доверить только Леди.

Осознание того, что она добилась успеха, наполнило Нику такой гордостью, что волнение спало, и озноб незаметно прекратился. Она с трудом удержалась от телефонного звонка. Поздновато. И несолидно. Леди ещё подумает, что она обрадовалась, как девочка. Надо выждать паузу и всё хорошенько обдумать. И восстановить в памяти разговор. Ведь значимыми могут оказаться любые детали.

А ещё надо убрать «жучок» из Клариной спальни, пока Насыров его не обнаружил. Осторожность превыше всего. Тем более, сейчас, когда она нащупала след. Теперь ей палиться никак нельзя.

Ника почти восстановила весь разговор на террасе, когда тревожно замигала сигнальная лампочка на стене. «Госпожа» всё-таки пригласила её к себе на ночь. На ночь ли? Или для разборок?..

Хозяйка сидела на кровати в халате. И телевизор не включен – отметила Ника. Не похоже, что она собирается спать.

– Подойди ко мне… Ближе.

Клара выглядела уставшей и расстроенной.

– Тяжёлый денек сегодня выдался, – начала и замолчала. Полуопущенные ресницы ритмично подергивались, как у дремлющей кошки.

– Встань на колени.

– Что?

– Встань на колени. Хочу лучше видеть твои глаза.

После секундного колебания Ника опустилась на ковер. Клара взяла её левой рукой за подбородок, и, наклонившись почти вплотную, уставилась прямо в глаза.

– Значит, говоришь, я красивая?

– Красивая.

– Я тебе нравлюсь?

– Я… – Ника сморгнула, с трудом выдерживая тягучий, гипнотизирующий взгляд Клары. – Да, вы красивая.

– Так красивая или нравлюсь?

– Я… да… нравитесь.

– Очень?

– Наверное… – Ника сглотнула слюну и, опустив глаза, прошептала: – Очень.

Внезапно Клара отклонилась и с размаху ударила Нику по щеке.

– Не ври мне, сука!

Ника вскрикнула от боли – лицо словно обожгло.

– Я… за что???

– Ложь!

«Госпожа» снова ударила Нику по лицу, но уже с левой стороны и не так хлёстко.

– Врёшь, сучка! Ты знаешь – за что!

На глазах Ники выступили слёзы. Она не ожидала от «госпожи» такого поведения и растерялась. Совершенно растерялась.

– Клара Агзамовна, я… ни в чём не виновата. Я… за что?

– Не отпирайся, маленькая лгунья. Что ты рассказала обо мне Эйдусу?

– Вы о чём?

На этот раз Клара нанесла два удара сразу: внешней и внутренней стороной ладони, с двух сторон. Это были уже не сильные и резкие удары, а пощёчины – унизительные и оскорбительные. И от обиды слёзы хлынули градом. Ника сжала зубы, твердя про себя: «Я должна сдержаться – сопли здесь не помогут. Должна сдержаться. И врать нет смысла – она явно что-то знает. Если не всё».

– Ну?!

– Да, я рассказала о вашей сиделке… О том, что вы часто звоните ей по телефону.

Она подняла заплаканные глаза и попыталась поймать взгляд Клары. Чего мне теперь бояться? – подумала Ника. Если Эйдус передал ей наш разговор, значит, я прокололась и что-то не поняла в их отношениях. Значит, нужно говорить правду. И искать вменяемое объяснение.

– Зачем ты ему это рассказала, маленькая стукачка? Выслужиться решила?

– Нет.

Клара сделала движение рукой, и Ника невольно отдёрнула голову.

– Правда, нет. Я…

– Говори правду!

– Я… я вас приревновала… Нет, не так… Я хотела сказать… Мне не нравилось, что вы так часто разговариваете с этой девушкой по телефону. Мне…

– Ну!

– Я хотела… Мне хотелось… Я боялась, что эта девушка снова вернётся к вам. А я…

Клара снова наклонилась к Никиному лицу.

– Ты боялась, что она вернётся после лечения, и ты потеряешь работу?

– Да.

– И ты решила заложить меня Эйдусу?

– Я не хотела закладывать. – Ника шмыгнула носом. – Я только подумала… подумала, раз вы зовёте её милой… ему это может не понравиться.

– Приревнует, что ли?

– Типа того.

Клара выпрямилась на кровати, поглядывая на Нику.

– Нет, ты не дурочка. А если и дурочка, то очень хитрая. Себе на уме.

Ника потупила глаза, попутно смахнув ладошкой слезинку с ресницы. Нет, что-то здесь не так, подумала она. Не должен был Эйдус рассказывать Кларе о нашем разговоре. Или он глупее, чем я думала, и устроил ей разборки из-за сиделки. Неужели он не догадывался, что тем самым подставляет меня? Или я вообще неправильно понимаю свою роль? Может, я и не нужна Эйдусу в качестве соглядатая?

– А ещё – ты очень любопытная. Зачем ты подглядывала за нами в кабинете?

Вопрос всё-таки застал Нику врасплох, хотя именно его она и опасалась в первую очередь. Но она уже сообразила, что врать нельзя ни в коем случае. Клара слишком проницательна. И явно знает больше, чем демонстрирует. Покажет коготок и тут же спрячет. А потом – цап-царап, и нет мышки.

– Как вы… догадались?

– Тебе всё по полочкам разложить?

– Извините. Я хотела выйти в сад. А потом заметила, что дверь приоткрыта… И я… я решила подслушать. Я подумала, что вы говорите обо мне.

Она всхлипнула и провела ладонью по глазам.

– Хватит рыдать Что, больно?

– Не очень. Больше обидно.

– А чего обижаться? Это я для профилактики. Чтобы ты раз и навсегда поняла, что мне нельзя врать, – Клара произносила слова строго, но без злости. – Я люблю честных девочек. Поняла?

– Поняла.

– Ну, вот и умничка.

Она слегка погладила Нику по щеке.

– Ишь, раскраснелась-то как. Ну, хватит страдать…

Неожиданно она подтянула голову Ники к себе и провела языком по её щеке, слизывая слезинку.

– Солёная… – И тут же, не отклоняясь, крепко и медленно, играя языком, поцеловала Нику в губы. – А губки-то кисло-сладкие. Как малина.

Какое-то время Клара внимательно смотрела ни Нику. Та продолжала стоять на коленях, пытаясь сохранить холодную голову. Клара вела себя «безбашенно» и, в то же время, предсказуемо. Главное, подумала Ника, не паниковать и не расслабляться, чтобы не потерять контроль над ситуацией.

– Ну и что, понравилось тебе, как Эйдус меня трахал?

– Нет. Не понравилось, – с вызовом ответила Ника. – Он противный. И мучает вас.

– Между прочим, он это из-за тебя завёлся. Посмотрел на твои голые ляжки и загорелся. Специально перед ним задницей крутила?

– Я не крутила. Просто… у меня халат короткий.

– Ну да, как же. У вас всегда так: халат короткий, трусы забыла надеть и ноги сами раздвинулись… Впрочем, это твои проблемы. Учти, он и изнасиловать может… А, вообще-то, он старый импотент. Только от насилия и возбуждается. А так, в основном, лишь слюни пускает… Значит, милочка, я тебе нравлюсь?

Ника кивнула.

– Я не расслышала.

– Нравитесь.

– Очень?

– Очень.

– Сказать мало – надо показать. – Клара расстегнула пуговицы и скинула халат, оставшись в одних трусиках. Затем откинулась назад и медленно развела, согнутые в коленях, ноги.

– Что ж, лисичка. Покажи всё, что умеешь. И это, закрой дверь на ключ.

Надо представить, что она – большая кукла, подумала Ника, раздеваясь. Большая резиновая кукла, очень похожая на человека. С куклой можно играть – вот и я должна с ней играть. И больше ни о чём не думать. И тогда я всё вытерплю – потому что у меня есть цель.

Ника и Протасова встретились на Крестовском острове в понедельник, ближе к вечеру. За рулем у Леди находился Михаил. Когда Ника подошла к джипу, телохранитель вылез из машины и, слегка улыбнувшись, поздоровался:

– Привет, Никит***а***.

– Привет. А почему не Буратино? – Ника не смогла удержаться, чтобы не съязвить. Последний разговор про Страну Дураков она очень даже запомнила. Только так и не догадалась, на что Михаил намекал.

– Ты о чём?

– Так, ни о чём, господин Карабас.

Телохранитель наклонил голову. Потом поднес указательный палец к лицу и сделал непонятный жест: то ли щетину над губой чесал, то ли предупреждал о чём-то.

– Садись на заднее сидение, Алвина Яновна ждёт.

Когда Ника залезла в машину, Леди сказала:

– А ты, Миша, погуляй пока. Мы тут женские секреты обсудим.

Телохранитель на мгновение замялся у открытой дверцы. Ника поняла заминку по своему. День выдался холодным и пасмурным, моросил дождь. А на нём – только легкая куртка без подклада.

– А вы в моей машине посидите, – сердобольно предложила Ника. – Вдруг мы долго секретничать будем. Вот ключи.

Михаил вопросительно посмотрел на Протасову. Та кивнула:

– Действительно, посиди. Тебе после ранения беречься надо.

Ника едва сдержала довольную улыбку. Она опять помогла телохранителю Леди. А та… Ишь, какая жалостливая стала после моего совета. Человек из-за тебя пострадал, можно сказать, прикрывая грудью. А ты его под дождь выгоняешь, будто бродячего пса.

Нике почему-то хотелось выглядеть хоть в чём-то лучше Леди, добрее, например. Нет, не только в глазах Михаила, разумеется, а так, вообще. Из принципа.

– Докладывай, Штирлиц, – сказала Леди. – Надеюсь, речь действительно идёт о чём-то важном, раз уж ты меня выдернула.

– Я не уверена, что это уж так важно, – скромно отозвалась Ника. – Но как-то не хотелось об этом сообщать Ускову.

Она подробно пересказала Леди подслушанный разговор.

– Предполагаешь, что речь могла идти о твоем отце? – задумчиво спросила Леди.

– Почти убеждена. Они только имени не назвали. А так – уж очень многое сходится.

– Сходится, действительно, многое… Хм… Но тогда получается, что Клара каким-то боком причастна к покушению на Эйдуса.

– Ну, да. Я тоже об этом подумала.

– И, каким-то образом, связана с твоим отцом.

– Ну да, – согласилась Ника и осеклась. Совсем простая мысль вдруг пришла ей в голову. Настолько простая, что захолонуло сердце… Она, конечно, успела подумать о том, что Клара могла быть как-то связана с отцом. Но именно о ТАКОЙ связи, которая сейчас пришла ей в голову, она не думала. Даже мысли не шевельнулось. Да и не мог отец… Разумеется, не мог. Ведь оставались и другие причины.

Леди, между тем, ударилась в логические построения, не замечая, как побледнела Ника.

– Самое очевидное – материальная заинтересованность. Клара вполне могла замыслить убийство Эйдуса, чтобы отхватить кусок от его наследства. Стать, так сказать, богатой вдовушкой. Твой отец работал охранником у Эйдуса. Вернее, не у Эйдуса, а в охранном агентстве. Так? Что с тобой?

– Ничего. Душновато тут.

– Надо печку выключить. Я сейчас… Могла Клара как-то завербовать твоего отца? Почему бы и нет. У вас с деньгами тогда как ситуация обстояла?

– Плохо. У нас всегда с ними плохо было, насколько я помню. А тут ещё мама заболела. – Протасова выжидательно кивнула, и Ника продолжила: – Я помню разговоры. Бабушка и мама говорили о том, что нужна операция за границей. Только денег нет. Я ещё потом у бабушки спросила, может, мой велосипед продать? Чтобы операцию сделать? А бабушка заплакала почему-то…

Ника замолчала и отвернулась к боковому стеклу. Воспоминания нахлынули резко, как удар хлыста, разом разбудив старую боль.

– Понятно, – сказала Леди. – Вот и мотив. Остановимся пока на нём. Если твоему отцу требовались деньги на операцию для жены, притом большие деньги, то Клара могла подцепить его на крючок. Просчитывать людей она умеет. В своё время даже Эйдуса захомутала.

Ника кивнула. Да, Клара могла зацепить отца. И не только деньгами… Ника мотнула головой. Не надо об этом думать. И об отце не надо плохо думать. Он не мог так поступить. Деньги – вполне достаточный мотив, Леди права.

– А что дальше? – произнесла Леди.

– Что?

Протасова выпятила губы:

– Ты какая-то сегодня заторможенная… Говорю, появляется объяснение Клариной хромоты, и вообще всей этой истории с падением с лестницы. Эйдус мог её сильно избить, узнав о том, что Клара его «заказала».

– А почему её не посадили вместе с отцом?

Леди задумалась.

– Возможно, Эйдусу это было просто невыгодно. Одно дело, если молодая жена «заказала» из-за денег – никаких политических дивидендов, скандал и репутационные потери. Другой коленкор – покушение по политически мотивам.

– А если отец и вправду хотел убить Эйдуса из ненависти? Либеральным козлом он его точно называл, мама потом вспоминала.

Нике была неприятной мысль о том, что отец собирался убить Эйдуса из-за Клары. Пусть и не совсем из-за Клары, но по её наводке. Уж лучше идеологические мотивы. Как говорила бабушка, потому что за державу обидно.

– Твой отец, возможно, такой мотив и имел. Среди прочих. Но представить Клару в роли мстителя за ограбленный народ я не могу. В основе тут деньги, зуб даю.

Леди в очередной раз «блеснула» знанием «народного языка», а Ника вдруг подумала о том, что у Протасовой, наверное, очень широкий круг общения. Или детство и юность проходили не в самой культурной среде. Где-то ведь она этих словечек нахваталась.

– Вот поэтому Эйдус всё и свёл к политической версии. Ему – выгода, голоса избирателей набрал. Кларе – выгодно, тюрьмы избежала. А твоему отцу… Вот, даже не знаю. По бытовухе он бы намного меньше получил. Но тогда ему бы пришлось Клару сдавать. Кто знает, возможно, твой отец как-то договорился с Эйдусом. Возможно, там ещё какие-то причины существуют.

– А почему Эйдус потом не развелся с Кларой? Зачем ему такая жена нужна?

– Кто знает? Чужая душа – потёмки. Знаешь, иногда выгодно при себе держать людей на компромате. С душком, так сказать.

Вот оно что! Ника чуть не подпрыгнула на сидении. Вот откуда это словечко подхватил Усков. От Леди.

– Когда есть сильный компромат, человек очень зависим, – продолжала Протасова. – Что угодно будет делать. А кукловод его дёргает за ниточки, как марионетку. Пошёл туда, пошёл сюда, принеси то…

– Думаете, Эйдус держит в такой роли Клару?

– Почему бы и нет? А с Кларой он элементарно договорился. Знай своё место и не рыпайся.

– Он её, возможно, ещё и насилует. На что-то там такое Насыров намекал.

– Да, я поняла. Вполне возможно, это вроде дополнительного бонуса. Я тебя от тюрьмы спас, несмотря на то, что ты меня грохнуть хотела. Вот и отрабатывай теперь передком и задком, когда мне захочется.

Нику покоробил неприкрытый цинизм Протасовой. Она на несколько секунд даже потеряла нить разговора, но тут же привела себя в чувство. А чего ты хотела? В чём в чём, а уж в сентиментальности или брезгливости Леди не обвинишь. И она спросила:

– А Насыров?

– Что Насыров?

– Как он ко всему этому причастен?

– Насыров – отдельная тема. Получается, он играет более важную роль, чем я первоначально предполагала. И при Эйдусе пристроился, и с Кларой делишки обделывает. – Леди посмотрела на Нику и положила ей на плечо руку. – Думаю, что тебе предстоит ещё одно ответственное задание. И тяжёлое. Справишься?

– Я попробую.

– Неправильный ответ. Пробуют суп на соль. Ты обязана справиться. Без уверенности в собственных силах даже на унитаз нельзя садиться.

– Я же не знаю, о чём идёт речь.

– А я тебя и не заставлю лететь на Солнце. – Леди внезапно усмехнулась, и произнесла, шепелявя: – Вы шо, думаете, в Политбюро дураки сидят?! Полетите ночью! Слышала такой анекдот?

– Нет.

– А зря. Когда живешь в Стране Дураков, такие анекдоты желательно знать.

– Расскажите, – сказала Ника, напрягаясь. И эта про Страну Дураков. Чего они, сговорились? Или случайное совпадение?

– Как-нибудь в другой раз. Боюсь, без предисловия не поймёшь. Надо заодно с анекдотом ещё и краткий курс по истории КПСС рассказывать… Вот что, Ника – тебе необходимо встретиться с отцом. Свидание мы организуем. Твоя задача – добиться от него правды о поку-

шении на Эйдуса. Чувствую, там вся собака и зарыта. Если мы узнаем правду, мы получим сильнейший рычаг давления на Эйдуса. А дальше – посмотрим.

Она хочет кукловодить Эйдусом, подумала Ника. Ну и чёрт с ним! Мне тоже нужна правда для того, чтобы помочь отцу. А дальше – посмотрим.

На улице уже шёл сильный дождь. Ника добежала до «жигулёнка» и плюхнулась на водительское сиденье. Михаил, дремавший на пассажирском сиденье, приоткрыл глаза и вяло улыбнулся.

– Солдат спит, служба идёт? – строго спросила Ника. – А если киллеры налетят?

– Не беспокойся, всё под контролем. Как дела, Буратино?

– Нормально, Карабас.

– Какой же я тебе Карабас? Ты меня не за того принимаешь.

– А кто же ты? – «Ты» нечаянно сорвалось с языка, и Ника тут же поправилась. – Извините, «вы».

– Можно и без излишнего этикета, мы же почти крестники. Вместе под пули ходили, так сказать.

– Это не этикет, а уважение к возрасту, – заметила Ника. Ну, вот, съязвила. Ну и пусть, он и на самом деле староват. – Так кто же вы, если не Карабас? На роль папы Карло вы точно не подходите.

– Ну, да, только папы Карло мне не хватало. Я, скорее, пудель Артемон.

– А кто тогда ваша Мальвина? – легкомысленно спросила Ника и тут же пожалела о своём вопросе. Неуместный вопрос. Некорректный, как выражаются интеллигентные люди. Ещё подумает чего. А ещё хуже, если скажет, что Мальвина – Алвина. Тут и ёжику понятно – пудель служит Алвине, Михаил служит Мальвине. Тьфу, наоборот.

– Хотя, собственно, мне без разницы, кто ваша Мальвина. Меня больше Карабас интригует.

– Во-первых, она не моя, – ответил Михаил, словно не расслышав вторую часть реплики Ники. – Во-вторых, дорогая Ника, это только в кукольном театре у каждой куклы своя конкретная роль. А в жизни…

– Значит, вы так и не скажете мне, кто в нашей сказке Карабас-Барабас?

– Боюсь, что не скажу. Потому что сам не знаю. Видишь ли, золотой ключик ищет много людей. И разобраться в том, кто из них самый главный Карабас, а кто, к примеру, простой Дуремар, совсем непросто. Впрочем, мне пора. А то Алвина Яновна ещё решит, что мы тут с тобой… целуемся втихомолку.

Он подмигнул и вылез из машины.

Ну и чеши к своей Мальвине, Артемон. Ника скорчила рожу, не без злорадства наблюдая, как телохранитель рысью бежит к джипу под дождем. Глядишь, и косточкой угостят… Интересно, знает ли Михаил о Кларе и моём задании? Вряд ли… Но любопытство проявляет. Почему? Неужели он ко мне неравнодушен? Или знает что-то, чего не знаю я, но не может мне об этом сказать? Или и вовсе вражеский лазутчик? О-о-о, куда я попала?!

Глава 8. Под полярной совой

– Посмотрите, Ника, это Обь. – Штейнберг потрепал Нику за плечо. – Извините, что бужу, но минут через двадцать садимся.

Она протерла глаза и повернула голову к иллюминатору. Внизу разворачивалась величественная и, одновременно, тоскливая картина. Почти сплошное серое пространство воды перемежали небольшие лоскуты жёлтого и бурого цвета. Где же здесь люди живут? На островах, что ли?

– Здесь дельта, совсем рядом губа, – сказал адвокат. – Сейчас вираж закончится, и появится Салехард.

Она никогда не была на Крайнем Севере. И увиденное сверху, из иллюминатора, усилило и без того тревожное ощущение, беспокоившее её последние дни. С того самого момента, как позвонил Усков и предупредил: «Летите в пятницу со Штейнбергом. Подготовьте Клару».

«Подготовить Клару» означало разыграть перед ней сценку внезапной простуды с подозрением на инфекцию. Усков накануне передал Нике флакончик с жидкостью, предупредив: «Закапывать надо в нос. Примерно через полчаса покраснеют глаза, начнёт першить в горле и сопли появятся. Не переусердствуйте. Главное, проявить симптомы».

Ника так и поступила. Узнав от Ускова о дате вылета, дождалась, когда Клара позовёт её делать массаж, и закапала жидкость в нос. Уже во время сеанса Ника начала покашливать и пару раз чихнула. После чего Клара, напуганная слухами о жутком птичьем гриппе, направила «хворую» сиделку к врачу.

Ника уехала, а через пару часов перезвонила и с грустью сообщила, что диагноз подтвердился. У неё, наверняка, грипп, и врач велел хотя бы пару дней посидеть дома, чтобы других не заражать. Вы извините, Клара Агзамовна, что так вышло.

«Бери отгулы, – согласилась Клара. – Ты и так без выходных работала. Раиса Маратовна тебя подменит. Ей не впервой».

И вот, она уже в Салехарде…

Но в город, «столицу» газоносного Ямала, они даже не заехали. Сразу же из аэропорта отправились к паромной переправе через Обь. Ника и Штейнберг расположились на заднем сидении. Машину, не первой молодости «Бумер», вёл седой и молчаливый мужчина в коричневой кожаной куртке на замке.

– Остановимся в гостинице в Лабытнангах, номера забронированы, – объяснил Штейнберг. – Переночуем, я утром ещё созвонюсь с «хозяином», и, думаю, часов в десять встретишься с отцом. От Лабытнаног до Харпа недалеко, за полчаса доберёмся.

– Илья Моисеевич, а кто это, хозяин? – осторожно поинтересовалась Ника. Слово вызвало у неё нехорошую ассоциацию. Не об Эйдусе же он говорит?

– А, это я так, по старой привычке. – Адвокат хмыкнул. – На зону позвоню кое-кому из местного начальства. Договоренность о свидании есть, но надо уточнить конкретные детали…

– Садитесь вон туда, – сказал человек в форме с погонами старшего лейтенанта.

Ника медленно двинулась к указанному месту, осматриваясь. В длинную узкую комнату с зарешечёнными окнами кроме Ники запустили ещё человек десять, в основном женщин. Все они направились к стульям вдоль прозрачной перегородки, чем-то напоминавшей, разбитые на секции, перегородки на почте или в сбербанке. Только перегородка была высокая, почти до потолка и сплошная, без окошечек. Нечто похожее Ника видела в криминальных фильмах. Но реальность выглядела гораздо мрачнее. Низкие потолки и грязно-серые стены усиливали ощущение безысходности.

Она нервничала всё сильнее. «Мы, вообще-то, сразу пытались договориться о долгосрочном свидании. Вам, как дочери, положено, – сказал по дороге в Харп Штейнберг. – Но не получилось, слишком мало времени. Такие вопросы лучше заранее решать. Тем более что ваш отец от свиданий вовсе отказался… Сейчас ваша задача – в принципе понять его настроение и готовность дать нужные показания. Ну, вы знаете, о чём речь, вам Протасова говорила. Я не в курсе, это не моё дело».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.